

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»

На правах рукописи

Айдунова Татьяна Юрьевна

Петр I в русской общественно-политической мысли середины XIX – начала
XX вв.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук,

профессор Мининкова Л.В.

Ростов-на-Дону – 2019

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Петр I в представлениях консерваторов и самодержавной власти	35
1.1 Эволюция места Петра I в идеологии самодержавия	35
1.2 Празднование юбилеев Петра I как элемент общественно-политической жизни в пореформенной России	44
1.3 Характеристика Петра I в консервативной и охранительной публицистике	62
1.4 Образ Петра I в державно-националистической публицистике	79
Глава 2. Петр I в русской либеральной общественной мысли	91
2.1 Взгляды либеральной общественности России на европеизацию и образ Петра I	91
2.2 Либералы о роли Петра I в создании условий для развития личности, укреплении государства и самодержавия	106
2.3 Научные подходы к оценке личности и деятельности Петра I	121
2.4 Противоречия либерального дискурса по вопросу о Петре I	129
Глава 3. Роль Петра I в развитии России по представлениям российской революционной демократии	138
3.1 Демократическая мысль и дискуссия по вопросу о гибели царевича Алексея	138
3.2 А.И. Герцен и Н.А. Добролюбов о Петре I	148
3.3 Петр I и его реформы в оценке А.П. Щапова и Н.Я. Аристова	158
3.4 Образы Петра I в публицистической и научной литературе народников и социал-демократов	164
Заключение	188
Список источников и литературы	196

Введение

Актуальность темы. Проблематика общественно-политической мысли, ее современного состояния и ее прошлого – одна из центральных для современного научного исторического познания. Ее исследование позволяет понять характер и особенности культуры определенного сообщества на определенном историческом этапе его существования. Оно вместе с тем позволяет уяснить процессы в развитии общественно-политической ситуации в России на разных стадиях ее развития. Такое исследование возможно вести на основе анализа конкретно-исторических образов, которые формируют в совокупности единство, выражающееся в осознании отечественного прошлого и в его оценках. Прежде всего, это относится к наиболее значимым примерам, которые передаются из поколения в поколение и не стираются из памяти даже при наличии в истории государств и обществ не менее значимых событий последующего времени. Подобное исследование играет важную роль в изучении проблемы соотношения общественно-политического сознания и коллективной памяти, являющейся важным фактором в процессе формирования взглядов на актуальные вопросы современности.

К важнейшим конкретно-историческим примерам русского общественного сознания нового времени относится образ Петра I как монарха и исторической личности, в значительной мере, определившей характер и особенности новой России и ее развития на долгое время, по существу на два столетия. Поскольку образ этот являлся спорным, выражается в разных социокультурных средах по-разному, то его исследование позволяет понять национальное русское общества как сложный феномен, сформировавшийся на основе единства противоположностей в подходах к оценке личности и деятельности Петра I. Кроме того, актуальность поставленной проблемы в том, что она представляет

собой своеобразную инвентаризацию мест исторической памяти. Во Франции под руководством выдающегося историка П. Нора и в Германии была проделана большая работа, направленная на такую инвентаризацию мест национальной исторической памяти¹. В соответствии с концепцией французского историка, образ Петра Великого для России также занимает одно из самых значимых мест исторической памяти за разные периоды ее истории. В самом деле, для русской общественно-политической мысли Петр Великий – «значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символически элемент наследия памяти»², или место исторической памяти, причем общенационального значения. Вместе с тем выявление отношения в русской общественно-исторической мысли на протяжении пореформенного периода и начала прошлого века к Петру I дает возможность более конкретно понять отношение общества к самодержавию как к политической основе дореволюционной России. Это не случайно, поскольку Петр Великий выступал не только как историческая личность, и не только как создатель и строитель политической системы бюрократического управления, продержавшейся в России до февраля 1917 г.³, но и как символ самодержавия. Тем самым такое исследование позволяет более полно, точно и глубоко представить идейные основы кризиса самодержавного режима и революционных событий, которые произошли в стране. Оно дает возможность понять причины краха монархического строя, когда в годы революции и гражданской войны

¹ На это указывает современный «Словарь историка», составителями которого были Н. Оффенштадт, Г. Дюфо и Э. Мазюрель: «В современных западных обществах, где горизонт ожидания затуманен и организующее влияние коллективных политических проектов ослабло, значение памяти настолько возросло, что, по мнению ряда авторов, появилась новая болезнь – "коммеморит" (так Франсуа Досс назвал страсть к увековечению памяти всего и вся). Пьер Нора, объединив усилия сотни историков в коллективном труде (*Les Lieux de memoire*. P., 1984-1992), попытался собрать и описать французские "места памяти" в широком и символическом смысле этого слова (речь шла о памятниках; исторических деятелях национального масштаба, таких, как историк Лависс или Жанна д'Арк; классических литературных произведениях, например, "Путешествие двух детей по Франции", и т.д.). Недавно появилось подобное немецкое издание (*Deutsche Erinnerungsorte*. München, 2001)». См.: Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта при участии Г. Дюфо и Э. Мазюреля; пер. с фр. Л.А. Пименовой. М.: РОССПЭН, 2011. С.121.

² Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж.де, Винок М.. Как писать историю Франции? // Франция-память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С.79.

³ Нарезный А.И., Трут В.П. Проблема эволюции самодержавия в русской общественно-исторической мысли XIX–начала XX вв. // Вестник РМИОН. Исторические, социально-философские и культурные аспекты модернизации России в XIX – начале XXI вв. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. С.8.

сторонников его возрождения и сохранения даже среди противников советской власти оказалось слишком мало.

Объект исследования: образ Петра I в русской общественно-политической мысли середины XIX – начала XX вв.

Предмет исследования: механизм формирования образа первого российского императора в российском общественно-политическом сознании в разные периоды исторического времени, а также процесс трансформации представлений о личности и роли Петра Первого под влиянием меняющихся политических и социокультурных контекстов.

Историография проблемы места Петра I в русской общественно-политической мысли в отечественной историографии представлена неравномерно. Значительно полнее и глубже исследовался период, начинавшийся от времени его царствования вплоть до конца XVIII в., а отчасти до эпохи буржуазных реформ при Александре II. Это не случайно. В XVIII в. Петр Великий был для русского общества или современником, или живой историей, который сам по себе, или время его царствования, был еще на памяти людей или их ближайших старших родственников, и о жизни которого или о событиях того времени можно было услышать их повествования. С первой половины XIX в. положение изменилось. Живая память о Петре Великом и его времени ушла в прошлое. Но, тем не менее, сохранялись основы созданной им Российской империи, действовали многие принятые при нем законы, сохранялись учреждения, а европейская направленность культуры русского дворянства, заданная царем, весьма успешно развивалась. Отсюда интерес к первому императору России был не только академическим или мемориальным. Он имел оттенок живого интереса, поскольку людям того времени напоминало об этом царе слишком многое. Поэтому известный историк М.П. Погодин имел все основания заявлять: «Нынешняя Россия, то есть Россия Европейская – дипломатическая, политическая, военная, Россия коммерческая, мануфактурная,

Россия школьная, литературная – есть произведение Петра Великого»⁴. И такое мнение имело в дореформенной России определенную общественную поддержку. Тем более, что культ Петра Великого был частью идеологии царствования Николая I.

Интерес к теме места Петра I в русской общественно-политической мысли этого времени дополнительно усиливался в связи с тем, что имело место не только признание выдающихся заслуг царя, но и самая резкая, яростная его критика. Столь крупная личность российской истории по существу не оставляла никого равнодушным. На столь неодинаковое отношение к нему в русском обществе, проявлявшемся в XVIII-XIX вв., указывал С.М. Соловьев в лекционном курсе, который читался в 1872 г. по случаю двухсотлетнего юбилея со дня рождения монарха. «Долго относились у нас к делу Петра неисторически: как в благоговейном уважении к этому делу, так и в порицании его»⁵, - указывал он. По существу, ту же самую мысль высказывал Е.Ф. Шмурло: «Поклонники Петра употребляли его божеству (Ломоносов), а противники видели в нем антихриста (раскольники)». «Те и другие, - подчеркивал он, - сходились в одном: фигура Петра "застила собою всю древнюю русскую историю" (Погодин)»⁶. Не случайно поэтому Шмурло увидел в отношении к Петру I в русском обществе XVIII в. интересную проблему и посвятил ей специальное исследование⁷.

Начало процесса формирования новой, критической по отношению к Петру I и в то же время вполне академической по своему характеру и особенностям общественно-исторической мысли в период буржуазных реформ, и роль в этом крупного российского историка М.И. Семеvского, прослежен в посвященной ему книге В.В. Тимошук. Она приводила оценку Семеvским значения собственных трудов в таком формировании. По ее данным, Семеvский указывал: «Будучи полезны для отрезвления русского общества от устряловщины, мои исторические этюды были в то же время и тем тараном, который пробивал цензурную, все еще

⁴ Погодин М.П. Петр Великий // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.229.

⁵ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. С.10.

⁶ Шмурло Е.Ф. История России IX-XX вв. М.: Вече, 2005. С.268.

⁷ Шмурло Е.Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. Вып.1 (XVIII век).

плотно сплоченную стену. Десяток таких очерков образовал уже настолько значительную брешь в этой стене, что сквозь нее проходил весьма свободно целый ряд и более серьезных и более научных исследований, но все из области запретной, из области отечественной истории XVIII века»⁸. Указание на устряловщину не случайно. Под ней имелись в виду ясно выраженные признаки апологетики Петра I в труде Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого», которую решительно отвергал М.И. Сemeвский.

Между тем, вопрос о значении деятельности М.И. Сemeвского в деле развенчания петровского культа в отечественной исторической мысли и в массовом сознании русского общества вызывал интерес историков и в последующее время. Дискуссия между М.И. Сemeвским и Н.Г. Устряловым по вопросу о подлинности письма гвардии капитана А. Румянцева с упоминанием о приказании Петра I тайно убить в Петропавловской крепости царевича Алексея оказывалась в центре внимания Н.Я. Эйдедьмана⁹ и В.П. Козлова¹⁰. Такое внимание к этой дискуссии было не случайно. Она была не только значимым общественно-политическим явлением сама по себе. Она, кроме того, поднимала дискуссию в русском обществе о Петре Великом на новый уровень. Это была уже не просто констатация позитивных и негативных явлений петровского царствования, но уже аргументация на уровне обоснования вклада великого монарха и его реформ в формирование государственной и общественной системы, которая в условиях пореформенной модернизации вступала со всей очевидностью в стадию общего и глубокого внутреннего кризиса.

Краткий очерк развития воззрений русского общества на реформы Петра Великого содержится в статье А.А. Кизеветтера. По справедливому его замечанию, для русского общественного сознания «репутация» «центрального пункта пережитого ... исторического процесса безраздельно признавалось за

⁸ Тимошук В.В. Михаил Иванович Сemeвский, основатель журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность. 1837-1892. Биографический очерк. СПб., 1895. С.108.

⁹ Эйдедьман Н.Я. Герцен против самодержавия (секретная политическая история России XVIII-XIX вв. и Вольная русская печать). М.: Мысль, 1973.

¹⁰ Козлов В.П. Тайны фальсификации: пособие для преподавателей и студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 1996.

реформой Петра Великого». Объясняя это, А.А. Кизеветтер указывал, что в этой реформе «видели грандиозный исторический катаклизм, который за раз и подвел окончательные счета старой "московской" истории и могущественно предопределил весь дальнейший ход нашей экономической жизни»¹¹. Обзор оценок Петра I А.А. Кизеветтер заключал характеристикой воззрений К.Д. Кавелина и С.М. Соловьева. Он подчеркивал, что для К.Д. Кавелина Петр Великий и его деятельность – не какой-то исторический перелом, но «один из последовательных эпизодов многовековой эволюции» России. По его словам, «разыскания Соловьева блистательно подтвердили воззрения Кавелина»¹², и деятельность Петра I, согласно С.М. Соловьеву – «естественный итог предшествующего развития»¹³.

В тесной связи с развитием общественной мысли в России воззрения историков пореформенного периода и начала XX в. на Петра I характеризовал Н.Л. Рубинштейн. Такая характеристика представляет значительный интерес. Вместе с тем едва ли может быть признано точным заявление Н.Л. Рубинштейна по поводу того, что, согласно С.М. Соловьеву, Петр I – «революционер на троне»¹⁴. Не случайно указаний на оценку С.М. Соловьевым Петра I как революционера в посвященной выдающемуся историку более поздней историографии нет. Более точно характеристику воззрений С.М. Соловьева на деятельность Петра I давал в более позднее время Л.Н. Пушкарев, указывавший, что российский историк «подчеркивал не революционный, а эволюционный характер петровских реформ»¹⁵. Вместе с тем Л.Н. Пушкарев оценивал «Публичные чтения» С.М. Соловьева как факт большого общественного значения¹⁶.

¹¹ Кизеветтер А.А. Реформа Петра Великого в сознании русского общества // Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб.: РХГИ, 2003. С.640.

¹² Там же. С.666.

¹³ Там же. С.667.

¹⁴ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. С.326.

¹⁵ Пушкарев Л.Н. «Публичные чтения о Петре Великом» С.М. Соловьева как памятник исторической и общественно-политической мысли // Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. С.195.

¹⁶ Там же. С.186-187.

Общий анализ характеристик Петра I историками пореформенного времени давал А.Н. Цамутали. Он отмечал, что К.Д. Кавелин критически отнесся к заявлению М.П. Погодина о начале с Петра I такой новой эпохи в истории человечества, как «западно-восточная, европейско-русская»¹⁷, и не видел оснований для такого вывода. По словам А.Н. Цамутали, К.Д. Кавелин «приветствует реформы Петра I, хотя и не считает их строго продуманными»¹⁸. А.Н. Цамутали правомерно обращал внимание на вывод К.Д. Кавелина о сходстве между Иваном Грозным и Петром I. Он подчеркивал, что в этом проявилось влияние на К.Д. Кавелина В.Г. Белинского, сближавшего двух монархов¹⁹. А.Н. Цамутали обращал внимание на резкие различия в оценках Петра I между С.М. Соловьевым и славянофилом И.С. Аксаковым. Он приводил при этом слова И.С. Аксакова, сказанные в полемике с С.М. Соловьевым, что «Великое дело Петра» - «исключительное поклонение Западу», «исключительное отрицание всего русского»²⁰, в этих словах выражалось резко критическое отношение к царю. Другой стороной отношения к Петру I в русской исторической мысли А.Н. Цамутали видел идеализацию царя. Он, однако, подчеркивал, что если для А.И. Герцена, как и для В.Г. Белинского была характерна такая идеализация, то Н.А. Добролюбов ее постепенно преодолевал²¹.

Характеризуя общее отношение славянофилов к Петру I, Н.И. Цимбаев особо подчеркивал неприятие ими петровских реформ, которое особенно остро сказалось у К.С. Аксакова в период западноевропейских революций 1848 г., когда он призывал Николая I вообще «уничтожить "западное" направление, проникающее в Россию с Петра I»²². Он противопоставлял «народ» и «публику». Последнюю, подчеркивал Н.И. Цимбаев, К.С. Аксаков «провозгласил "делом

¹⁷ Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л.: Наука, 1977. С.26.

¹⁸ Там же. С.42. Тем не менее, подчеркивал А.Н. Цамутали, по «схеме» К.Д. Кавелина «от Петра I тянется прямая нить к реформам 60-х гг. XIX в.». Там же. С.177.

¹⁹ Там же. С.55.

²⁰ Там же. С.109.

²¹ Там же. С.199.

²² Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М.: Изд-во МГУ, 1986. С.155.

обезьянства", идущего со времени Петра I»²³. Но, согласно Н.И. Цимбаеву, обвинение Петру I от К.С. Аксакова были более серьезными. По К.С. Аксакову, «с Петра I» было установлено «иго государства над землею»²⁴. И вообще, со времени этого царя самодержавие «ведет страну к революции»²⁵, - отмечал К.С. Аксаков. Но среди славянофилов было и иное, как указывал Н.И. Цимбаев, отношение к петровским реформам. Их «исторической неизбежности» они, в частности, Ю.Ф. Самарин, не отрицали²⁶.

Выступая как биограф С.М. Соловьева, Н.И. Цимбаев подчеркивал общественное значение публичных чтений выдающегося историка, посвященного празднованию двухсотлетия Петра I в 1872 г. Как писал Н.И. Цимбаев, для С.М. Соловьева Петр I – «"народный царь", "великий учитель народный", "царь-работник", его преобразования - "народное дело"». В этом, подчеркивал Н.И. Цимбаев, проявилось понимание С.М. Соловьевым значение самодержавия в русской жизни и места Петра Великого в истории России. И когда слушатели публичных лекций С.М. Соловьева «знакомились с эпохой Петра I», они «подводились к убеждению о необходимости для современной России крепкой власти», но при этом власти «либеральной, созидательной»²⁷. Такая характеристика С.М. Соловьевым, как подчеркивал Н.И. Цимбаев, была не случайной. Она следовала из общей оценки им того, как проводились в стране буржуазные реформы, которые он считал необходимыми, особенно отмену крепостного права, к каким последствиям они привели. Отсюда, согласно Н.И. Цимбаеву, общее заключение С.М. Соловьева, что «Александр II не ровня Петру I»²⁸.

Комплексный анализ проблемы истории Петра I в отечественной историографии, в том числе пореформенного времени и начала прошлого века, был сделан Е.А. Соловьевым в его докторской диссертации и вскоре вышедшей

²³ Там же. С.159.

²⁴ Там же. С.195.

²⁵ Там же. С.197.

²⁶ Там же. С.234.

²⁷ Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М.: Молодая гвардия, 1990. С.347.

²⁸ Там же. С.349.

монографии, где автор особо обращает внимание на то, как в научной литературе наряду с размытием петровской легенды сохранялась устойчивая «маятникообразная» тенденция в оценках царя-реформатора, обусловленная, в конечном счете, их тесной сопряженностью с общими тенденциями развития как российской общественной мысли, так и всей социальной практики²⁹. Особенностью «на первый взгляд, сугубо историографического процесса» исследования проблемы реформ и личности Петра I, оказалась его «тесная сопряженность» «с общими тенденциями развития общественной мысли и социальной практики». Он справедливо указал на наличие в оценке петровских реформ С.М. Соловьевым идеи «революции сверху», и на то, что эта идея стала в пореформенную эпоху «предметом затянувшихся опровержений». Правильно он указал на мифологизацию Петра I «при активном участии как самой власти и авторов официального направления, так и нарождавшихся оппозиционных сил» еще в дореформенный период. Определенное возражение вызывает утверждение Е.А. Соловьева о том, что представление о «революции сверху» восходит «к эпохе петровских преобразований»³⁰. Характеристикам Петра I петербургскими западниками посвящена статья И.В. Кузнецовой. Автором подчеркивалось, что, по мнению петербургских западников, царю было присуще «безусловное знание остановки, в которой проводились преобразования, политическая дальновидность». Они дали его «довольно целостный образ», но, как верно замечено, «не лишенный, однако, идеализации»³¹. М.Ю. Государева проделала комплексный анализ характеристики В.О. Ключевским проекта Петра I об обучении русских дворян за границей на примере обучения за рубежом И.И. Неплюева. Она подчеркивала, что эти меры царя были положительно оценены В.О. Ключевским³².

²⁹ Соловьев Е.А. Петр Первый. Метаморфозы образа (конец XVIII – начало XX вв.). М.: URSS, 2009. С.115

³⁰ Соловьев Е.А. Петр I в отечественной историографии конца XVIII – начала XX вв.: автореф. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С.36.

³¹ Кузнецова И.В. Образ Петра I в оценке петербургских западников (40-50-е годы XIX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 2. Вып.1. С.29, 30.

³² Государева М.Ю. «Проект» Петра I об обучении русских дворян за границей в оценке В.О. Ключевского (на примере заграничного путешествия И.И. Неплюева) // Творческое наследие В.О. Ключевского в истории, культуре

Обращалось внимание на образ Петра I в качестве места российской исторической памяти, который утвердился еще в период его царствования. Анализ петровских образов, сложившихся в разных слоях русского общества в эпоху Просвещения и в дореформенный период, был проведен за последнее время Е.И. Конановой, которая подчеркивала мифологические основы этих образов³³.

Самое значительное внимание в современной историографии уделяется вопросу об отношении между властью и обществом посредством формирования властью в массовом сознании собственного образа средствами, доступными широким слоям населения. К таким средствам относилась монументальная пропаганда и организация празднования юбилейных дат. Такое внимание стало проявляться в отечественной историографии после появления в начале нынешнего столетия на русском языке двухтомника американского историка Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии», второй том которой был посвящен периоду от Александра II до Николая II. Сама постановка проблемы не случайна. В ней нашел своеобразное выражение особый интерес к более общей проблеме человека в исторических событиях, явлениях и процессах, в том числе в том, что относится к политике и идеологии, к механизмам взаимодействия и взаимоотношений между государством и обществом. В репрезентации российской власти, как показывает Р. Уортман, образ Петра I как основателя Российской империи занимал значительное место, в том числе в период буржуазных реформ и до конца существования монархии.

Не случайно поэтому за последнее время тема истории памятников и монументов Петру Великому оказалась в центре внимания К.Г. Сокола, который проделал огромную многолетнюю работу по составлению их каталога. Из описанных и сфотографированных им 46 памятников первому российскому императору к пореформенному периоду и ко времени начала XX в. относятся 30

и литературе. Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения выдающегося историка В.О. Ключевского (Пенза, 29-30 сентября 2016 г.). Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С.66.

³³ Конанова Е.И. Петр I в русском общественно-историческом сознании XVIII – первой половины XIX вв.: конструирование и деконструкция мифологического образа: автореф. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 27 с.

памятников³⁴. В том числе, как указывал Сокол, 4 памятника были поставлены в связи с празднованием двухсотлетия со дня рождения царя. Кроме того, было поставлено 15 памятников, посвященных Северной войне³⁵. Они были поставлены в местах, связанных с войной. Эти памятники также напоминали о Петре I и о роли его в этой войне.

Для характеристики места образа Петра I в русской общественно-политической мысли представляет значительный интерес исследование юбилейных кампаний в Российской империи на рубеже XIX-XX вв., сделанное К.Н. Цимбаевым. В самом деле, на пореформенный период пришелся двухсотлетний юбилей со дня рождения первого императора России. Цимбаев правомерно говорил о развертывании на рубеже веков «юбилеемании», причем сам термин, указывал он, был «общеупотребительный в периодической печати» нашего времени, «хотя в научной литературе он пока не получил распространения». По мнению Цимбаева, юбилеемания возникла тогда, «когда общество и государство были пронизаны юбилейными настроениями»³⁶. Время, когда праздновалось двухсотлетие Петра I, Цимбаев к периоду распространения юбилеемании еще не относил. Тем не менее, петровское двухсотлетие было одной из юбилейных кампаний, без учета которой трудно понять возникновение феномена юбилеемании. При праздновании в России юбилеев Цимбаев отметил противоречие между тем, как они были «идеально организованы», и тем, что их идейное наполнение было слабым. «Не было попыток по-новому истолковать роль самодержавия, явно изживавшего себя в радикально изменившихся социальных и политических условиях»³⁷, - в этом он видит одну из важнейших причин, по которым юбилейные кампании не могли решить задачу идейного сплочения общества, к которому стремилась власть. Он справедливо указывал, что «выбор юбилеев predetermined исход юбилейной кампании», а отсюда не

³⁴ Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи. Каталог. М.: Вагриус Плюс, 2006. С.35-54.

³⁵ Там же. С.175-182.

³⁶ Цимбаев К.Н. Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XI – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С.99.

³⁷ Там же. С.106.

случайно современники «констатировали неудачу юбилеев в целом»³⁸ и способность с их помощью обеспечить единение общества и самодержавной власти. В этой связи представляет интерес уяснение того, в какой степени петровский юбилей 1872 г. соответствовал идеологическим устремлениям власти и настроениям общества в период буржуазных реформ и накануне хождения революционеров-разночинцев в народ и народовольческого терроризма.

Конкретная характеристика использования юбилейных торжеств при Николае II, соединенных с образами монархов, в том числе Петра Великого, в городском пространстве столичных городов, Санкт-Петербурга и Москвы, проследила С.А. Лиманова. Она отмечала, что в ходе празднования двухсотлетия Петербурга устраивалось «историческое шествие в Летнем саду, открывались Петровские выставки», а портреты Петра I «раздавались» народу совместно с портретами Николая II. В этом, указывала С.А. Лиманова, был политико-идеологический смысл, обращенный к современности, поскольку тем самым формировался «самобытный сценарий презентации власти Николая II, основанный на обращении к прошлому»³⁹, частью которого был образ Петра Великого.

Связь образа Петра I с военными юбилеями, или с «викториальными днями», при Николае II прослеживал В. Лапин. Он указывал, что «Русская армия после поражения в войне с Японией нуждалась в "исторической амнистии", острая критика вооруженных сил очень часто являлась опосредованной критикой самодержавия». Отсюда не случайно, что образ Петра Великого был очень пригоден «для прославления заслуг Романовых перед Россией»⁴⁰.

Тему образа Петра Великого как проблемы русской историографии и исторического сознания ставил американский историк Н.В. Рязановский. По его мнению, этот образ сохранился как значимый в период с 1860 по 1917 гг. Но, тем

³⁸ Там же. С.107.

³⁹ Лиманова С.А. Официальные церемонии в городском пространстве Петербурга и Москвы в царствование Николая II.: автореф. ... канд. ист. наук. М., 2013. С.24, 25.

⁴⁰ Лапин В. Трехсотлетие Дома Романовых и военные юбилеи начала XX века // 400-летие дома Романовых. 1613-2013. Политика памяти и монархическая идея: сборник статей. СПб., 2016. С.164, 165.

не менее, место его в русском историческом сознании было уже иное, чем в более ранний период. «Первый император оставался критически важным для многих образованных россиян, но он имел лишь второстепенное значение для других представителей образованного класса, которые интересовались в первую очередь простым народом, безличными социологическими теориями или просто насущными вопросами. В общем, накануне 1917 года образ Петра Великого в России еще маячил гораздо больше, чем в натуральную величину, но уже не был образом демиурга, творящего бытие из небытия, пишущего волшебные слова на чистом листе бумаги»⁴¹, - писал он. Тем не менее, он подчеркивал, что отечественная общественно-историческая мысль того времени стремилась осмыслить место этого царя в русской истории и значение его деятельности.

Анализу образов Петра I в русской живописи пореформенного времени посвящены исследования историков искусства. В них обращается внимание на необычность характеристик царя в произведениях Н.Н. Ге и В.И. Сурикова, представлявшихся на выставках передвижников. Искусствоведы подчеркивали, что образы Петра I в произведениях этих выдающихся мастеров отражают сочувствие их к нему в значительно большей степени, чем к царевичу на картине Н.Н. Ге и к стрельцам у В.И. Сурикова⁴².

В фундаментальной монографии О.Б. Леонтьевой, содержащей анализ образов прошлого в отечественной исторической памяти и культуре XIX – начала XX вв., отмечаются противоречия петровского образа. Само название раздела, посвященного образу этого царя, «Гений-палач», хорошо выражает это противоречие, которое, как показала Леонтьева, было на уровне культурного конфликта. Она выделила четыре образа царя, сложившиеся в культуре Просвещения. Это – образы «царя-героя», «царя-реформатора», «царя-учителя», «царя-плотника». К этому Леонтьева добавила образ «царя-Антихриста», но с

⁴¹Riasanovsky N.V. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. NewYork-Oxford: OxfordPress, 1985. P.153.

⁴²Зюграф Н. Николай Николаевич Ге. Л.: Художник РСФСР, 1968. С.33-34; Порудоминский В.И. Николай Ге. М.: Искусство, 1970; Кеменев В.С. Василий Иванович Суриков. Л.: Художник РСФСР, 1991. С.38-48; Хуан Мин-Хун. Образ Петра I в русском изобразительном искусстве XVIII – начала XX века: автореф. ... канд. искусствоведения. М., 2010. – 26 с.

оговоркой, что этот образ имел место «только в неофициальной народной культуре, преимущественно старообрядческой»⁴³. В пореформенный период, справедливо отмечала она, тема Петра I и его образы становились своего рода «актуальным прошлым». По ее словам, царь и его реформы в это время были «зеркалом прошедшего времени, в которое охотно смотрелась эпоха Великих реформ»⁴⁴. Вместе с тем она отметила новые направления в формировании петровских образов. Так, она указывала, что в общественной мысли периода буржуазных реформ со всей остротой вставала «проблема политической необходимости и моральной оправданности жестоких расправ царя-реформатора над противниками»⁴⁵. К этому относилась и «трагическая история конфликта Петра I и его наследника». Благодаря тому, что, по ее словам, «решительный Герцен и осторожный Устрялов сделали общее дело», эта история, «окутанная облаком версий, гипотез и домыслов, стала теперь достоянием общественности»⁴⁶. Но при этом запрос на героический образ Петра Великого в эпоху реформ в полной мере сохранялся. В то время «фигура решительного реформатора, смело сокрушавшего пережитки прошлого, не могла не привлекать симпатий общества, жаждавшего перемен»⁴⁷, - отмечала Леонтьева. Отсюда в отношении Петра Великого «сложилось несколько соперничавших нарративов, каждый из которых обладал своим образно-метафорическим рядом». С одной стороны, это образ «неутомимого труженика, учителя и наставника подданных, великого реформатора». С другой – образ жестокого деспота, хладнокровно терзающего своих близких и свой народ во имя сомнительных политических задач». Но особенностью пореформенного времени стало то, «контрастирующие образы Петра могли уживаться друг с другом даже в творчестве одного и того же

⁴³ Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской литературе XIX – начала XX вв. Самара: Книга, 2011. С.234.

⁴⁴ Там же. С.243.

⁴⁵ Там же. С.244.

⁴⁶ Там же. С.247.

⁴⁷ Там же. С.250.

человека»⁴⁸, что в дореформенный период было исключением, и встречалось, пожалуй, только в творчестве А.С. Пушкина. В отношении к Петру I в русской общественной мысли О.Б. Леонтьева прослеживала определенный алгоритм. По его словам, «на смену периодам безудержного восхваления и преклонения перед памятью Петра приходили периоды разоблачения "черной изнанки" его реформ; за разоблачением следовало новое признание заслуг царя-реформатора»⁴⁹.

Таким образом, вопрос об образе Петра I в русской общественно-политической мысли, в исторической памяти российского общества привлекал внимание исследователей. В том числе это относится петровским образам за пореформенный период и начало XX в. отечественной истории. За это время было обосновано положение о Петре Великом как о таком месте российской исторической памяти, которая относится к наиболее значимым для нее. Обращалось особое внимание на вопрос о характеристиках образов первого российского императора в отечественной культуре, в исторической науке дореформенного и пореформенного времени. Меньше внимания уделялось вопросу об образах этого царя в контексте общественных движений и идейной борьбы того времени, когда развивался системный кризис созданной Петром Великим империи, составлявший основу его политического наследия для русского общества. Такое исследование дает возможность не только более полно и глубоко уяснить место образов Петра I в российской исторической памяти, но и в разворачивавшейся и обострявшейся идейной борьбе в российском обществе по мере приближения его революционного кризиса.

Цель исследования – реконструировать образ Петра I в русской общественно-политической мысли второй половины XIX – начала XX вв. в его динамике.

Задачи исследования:

- Выявление особенностей образов Петра I в сознании российских самодержцев послепетровского времени.

⁴⁸ Там же. С.265.

⁴⁹ Там же. С.283.

- Установление характера официального празднования в Российской империи юбилейных дат, связанных с двухсотлетней годовщиной событий из жизни и деятельности Петра I, и участие населения в праздничных мероприятиях.
- Характеристика взглядов на личность и деятельность Петра I в российской консервативной и державно-националистической общественной мысли, противоречий в ней в оценках царя-преобразователя.
- Уяснение характера подходов к личности и деятельности Петра I в российской либеральной общественно-политической мысли, ее приоритетов в оценках царя и ее противоречий.
- Изучение научных подходов к личности и деятельности Петра I.
- Установление значения дискуссии по вопросу о гибели царевича Алексея и роли в ней Петра I в выведении критического отношения к первому российскому императору на уровень критики самодержавия в целом.
- Выявление особенностей отношения к Петру I в российской демократической и революционной общественно-политической мысли, места характеристик в ней царя в условиях нараставшей критики общественно-политического строя самодержавной России.

Хронологические рамки исследования охватывают пореформенный период и начало прошлого века, когда в период буржуазной модернизации страны и нарастания системного кризиса самодержавного режима возникали предпосылки для усиления общественного интереса к личности и деятельности царя-реформатора, заложившего основы существования Российской империи.

Источники данного исследования подразделяются на письменные, изобразительные (визуальные) и вещественные.

Письменные источники составляют основную часть источниковой базы и включают в себя произведения общественных деятелей второй половины XIX – начала XX вв., материалы прессы, переписка представителей общественной мысли, а также неопубликованные документальные источники. **Первой группой** источников являются материалы, в которых выражается отношение

представителей общественной мысли к Петру I и его деятельности, и в которых определяется воздействие создававшихся ими текстов на общественно-политическое сознание. Среди публицистических произведений, используемых в диссертации, выделяются работы, принадлежащие авторству представителей разных политических направлений. Так, самодержавная публицистика представлена сочинениями М.М. Щербатова, К.С. Аксакова, А.И. Соболевского и других. Либеральные общественно-политические идеи нашли отражение в трудах К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина и других. Революционно-демократический взгляд на личность Петра представлен сочинениями А.И. Герцена, Н.А. Добролюбова, Н.К. Михайловского и других.

Российская публицистика была непосредственно связана с общественно-политическими дискуссиями, а вопрос о месте Петра I в российской истории был одним из острых вопросов, особенно обострившихся в период перемен. Особенности публицистического жанра позволяли авторам многочисленных текстов более прямо выражать свое отношение и свои предпочтения, относившиеся к первому императору России. Вместе с тем лучшие образцы публицистических произведений отличаются тем, что содержащаяся в них аргументация опирается не только на эмоциональную сферу, неизбежную в общественно-политической и общественно-исторической публицистике, но и на рациональное обоснование. Самой существенной особенностью публицистики этого времени, относившейся к Петру I, была полемичность. Она выступала в публицистических дискуссиях между консерваторами и либералами, между славянофилами и западниками, между революционерами-демократами и либералами.

О значительном возрастании интереса к общественно-политической и публицистике за последнее время свидетельствует большая публикация избранных публицистических произведений, которую осуществило в 2010 г. издательство РОССПЭН.

Второй группой письменных источников являются труды историков, благодаря творчеству которым формировались общественно-политические

представления о Петре I. Для исторических трудов этого времени характерно дальнейшее развитие тенденции, обозначившейся еще на заре формирования истории как науки в эпоху Просвещения. Так, для XVIII в. была характерна особая близость исторической науки и актуальной общественно-политической публицистики. На историческом материале историки участвовали в подобного рода общественных дискуссиях. В первой половине XIX в. появились предпосылки для изменения такого положения. Произошел сдвиг исторических трудов в сторону их научности. Этому способствовало развитие исторической критики благодаря деятельности скептической школы отечественной историографии, особому вниманию к реальной исторической критике источников, на которую указывал Н.И. Надеждин⁵⁰.

Дальнейший шаг по пути формирования истории в качестве научной дисциплины происходил в середине – второй половине XIX в., под воздействием философии позитивизма и формирования методологии истории как особой отрасли исторического знания. Теоретические обоснования хода и особенностей исторического процесса в России делались на широкой источниковой базе и тщательного ее изучения с использованием всего арсенала критических приемов, вырабатывавшихся в рамках позитивистского источниковедения. Вместе с тем в дореформенный и даже в пореформенный период отрыв истории как науки от общественно-политической публицистики не произошел. Напротив, выход в свет значимых исторических трудов был событием не только научной, но и общественной жизни. Кроме того, в отдельных случаях положения и выводы научной историографии авторы не только умели изложить в живой и доступной для непрофессиональной, но образованной аудитории форме. Так, в 1872 г. С.М. Соловьев излагал свою концепцию истории России, в которой личность и деятельность Петра I занимала исключительно большое место, для широкой публики в своих «Публичных чтениях о Петре Великом». На широкую читательскую аудиторию был рассчитан труд Д.И. Иловайского «Петр Великий и царевич Алексей», научный уровень которого несомненен. То же самое относится

⁵⁰Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 1989. С.298.

и к очерку В.О. Ключевского «Петр Великий среди своих сотрудников» или демократа Н.Я. Аристова «Разбойники и беглые времена Петра Великого (1682-1725 г.)». По существу, любой исторический труд пореформенного времени, в котором затрагивалась тема Петра I, так или иначе был рассчитан на общественную реакцию и являлся, поэтому, неотъемлемой частью общественно-исторического дискурса пореформенного периода и начала прошлого века.

Третьей группой письменных источников являются материалы периодической печати, которые делятся на публикации в центральной и местной прессе. Газетные репортажи, посвященные празднованиям юбилейных дат, относившихся к Петру I, представляют собой особый нарративный источник. Они создавались по горячим следам событий, которые описывались газетными корреспондентами-очевидцами. Кроме того, они отражали общественное мнение по вопросу о Петре I, но одновременно и формировали его. Репортажи и материалы, посвященные как празднованию юбилейных дат, так и личности Петра I в целом в столичных газетах, таких как «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», и т.н. «толстых журналах», вроде «Вестника Европы», а также в местной печати, примером которой являются газеты, издававшиеся в Области войска Донского, например, официальные «Донские войсковые ведомости» и частная газета «Приазовский край», построены по общему плану. В них присутствуют две части. Одной из них была статья на петровскую тему или изложение речи выступавшего по юбилейной теме лица, другая – непосредственное описание празднования с официальными церемониями и народными гуляниями. Газетные материалы были рассчитаны на еще более широкий круг читателей в обеих столицах и на местах, чем научные труды и общественно-политическая публицистика.

К четвертой группе письменных источников относится переписка, в частности, письма Антона Павловича Чехова к Павлу Федоровичу Иорданову, государственному и общественному деятелю, являвшемуся городским головой г. Таганрога, а также выборным членом Государственного совета с 1912 по 1917 годы. Характерной чертой переписки, как исторического источника личного

происхождения, является то, что она отражает личную позицию автора письма по какому-либо вопросу, и, как правило, носит имеет свободную структура. Вместе с тем, анализ эпистолярных источников требует постановки специфических вопросов, таких как почему в письме затрагиваются те или иные темы, каков объем представленной информации и насколько она значима для корреспондентов. Только с учетом проведенной работы письмо становится историческим источником. Переписка А.П. Чехова является значимым историческим источником, поскольку позволяет оценить место проблемы установления памятника Петру I работы скульптора М.М. Антокольского в 1903 г. в интеллектуальном климате региона. Эта переписка имеет важное значение еще и потому, что демонстрирует взаимоотношения власти в лице П.Ф. Иорданова и представителей интеллектуальной общественности.

Пятую группу письменных источников составляют неопубликованные документальные материалы церемониального отдела министерства императорского двора, посвященные подготовке празднования юбилейных дат, связанных с Петром I. В фонде этого министерства (РГИА, ф.473) имеется проект празднования двухсотлетия со дня рождения Петра I в 1872 г. и журнал совещания по поводу празднования двухсотлетия Полтавской битвы в 1909 г. К празднованию петровских юбилеев относятся документы Императорского Русского военно-исторического общества. Они сосредоточены в Историческом архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ИАВИМАИВиВС, ф.11) и включают в себя дела по участию общества в праздновании двухсотлетия битвы при Лесной и Полтавской битвы. Документы дают представление об участии государственных структур и общественной организации Императорского военно-исторического общества, близкого к военному министерству, в организации петровских праздников.

Визуальные источники, составляющие отдельный вид материалов, содержат изобразительный материал в виде гравюр, отражающих празднование 1872 г. двухсотлетие со дня рождения Петра I, которое происходило в Санкт-Петербурге, Москве и в других городах России, связанных с жизнью и

деятельностью царя. Содержатся они в юбилейном альбоме, подготовленном в том же году П.Н. Петровым и С.Н. Шубинским⁵¹, и представляют внешний облик мероприятий празднования, который не могут содержать письменные источники. По классификации источников А.С. Лаппо-Данилевского, эти гравюры относятся к источникам, изображающим исторический факт. Следовательно, они тем самым создают более определенное и конкретное представление о факте, чем источники обозначающие факт, или письменные источники⁵². К визуальным источникам относятся картины русских художников, изображавшие Петра I. Художественные образы царя, созданные Н.Н. Ге, В.И. Суриковыми В.А. Серовыми экспонировавшиеся на выставках передвижников, с опорой на средства искусства ставили перед русской общественностью вопрос об отношении к Петру I, к преобразованиям и методам их проведения, к столкновению стихии народного бунта и беспощадной самодержавной тирании. Представляется справедливым наблюдение А.С. Лаппо-Данилевского, что живописные полотна выдающихся мастеров русской живописи на петровскую тему, относящиеся к изучаемому времени, позволяют историку испытать «с большею непосредственностью реальность отразившегося в них факта», чем его «описание». И это даже в том случае, когда бы такое описание «заключало те же подробности»⁵³. Но в данном случае речь идет не о факте времени царствования Петра I. Речь идет о факте осмысления в период создания этих картин личности и деятельности изображенного на них царя.

Наконец, к отдельному виду относятся **вещественные источники**, такие как медали, посвященные петровским юбилейным датам, а также петровские монументы, которые оказались связаны с праздничными мероприятиями. Это Медный всадник Э. Фальконе, изображенный на некоторых гравюрах альбома Петрова и Шубинского, вокруг которого проходили мероприятия в 1872 г., а также открывавшийся в связи с полтавским юбилеем памятник Бернштама

⁵¹ Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого. Текст П.Н. Петрова и С.Н. Шубинского. СПб.: Изд. Германа Гоппе, 1872. С.280-281 (далее - Альбом).

⁵² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. В 2-х т. М.: РОССПЭН, 2010. Т.2. С.43,44.

⁵³ Там же. С.42.

напротив здания главного адмиралтейства. Этот памятник к настоящему времени не сохранился.

Теоретическая основа исследования связана с основными направлениями развития интеллектуальной истории в ее широком понимании как области исторического знания, связанной с изучением идей и текстов в их историческом контексте, обусловленном «как мыслительным процессом, так и внешними обстоятельствами»⁵⁴. В этом смысле интеллектуальная история – это не столько история интеллектуалов, как пишет Л.П. Репина, а весь комплекс элитарных и массовых представлений, связанных с определенным этапом развития общества⁵⁵. Более того, изучение общественно-политических представлений той или иной эпохи является одной из важнейших задач интеллектуальной истории.

Вместе с тем, общественно-политические идеи в значительной степени определяются историческим сознанием и исторической памятью. Историческое сознание представляется как часть сознания индивидуального и общественного, обращенного в прошлое. Оно имеет сложную структуру. Определяет его историческая память человека и социума, которая перерабатывается и переосмысливается в соответствии с образом жизни разных общественных слоев, сложившейся у них в силу особенностей жизни и быта системой ценностей и ментальностью. Понятие ментальности, которое ввели основоположники школы Анналов М. Блок и Л. Февр, было, как справедливо указывал А.Я. Гуревич, очень сложным. Он подчеркивал, что это понятие «действительно трудно перевести однозначно». Ему придавалось немало объяснений. К ним относились «и "умонастроение", и "мыслительные установки", и "коллективные представления", и "воображение", и "склад ума". Но, вероятно, понятие "видение мира" ближе передает тот смысл, который Блок и Февр вкладывали в этот термин»⁵⁶, - отмечал Гуревич. По словам Д. Тоша, «история ментальностей исследует не формально артикулированные принципы и идеологии, а эмоциональное, инстинктивное и

⁵⁴ Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2008. Вып. 25. С.8.

⁵⁵ Репина Л. П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. 1999. Вып. 1. С.5.

⁵⁶ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, университетская книга, 2014. С.77.

невысказанное восприятие – области мышления, зачастую вообще не находившие прямого выражения»⁵⁷. Ментальность представляет собой реакцию на окружающий мир и происходящее в нем на бессознательном уровне, но в рамках сложившейся системы ценностных установок. Впрочем, А.В. Лубский обращал внимание на существование в гуманитарном научном знании такого понимания менталитета, когда его «определяют через категорию сознания», и, когда различают «менталитет как "осознанное" и культурный архетип как "неосознанное"»⁵⁸.

Вместе с тем историческая память, сама по себе являющаяся ресурсом для общественно-политических представлений той или другой эпохи, не может быть основана исключительно на ментальности, или же на началах коллективного бессознательного. В ней присутствуют элементы рационального осмысления и переосмысления прошлого. Историческая память состоит, в свою очередь, из отдельных ее мест. Они признаются обществом, к ним прилагается шкала системы ценностей, а отсюда, следовательно, местам памяти придается позитивная или негативная коннотация. В ней присутствует ярко выраженный оценочный подход к прошлому. Историческая память общества, являясь при этом неким единым целым, содержит в себе свои противоположности. «Память порождается той социальной группой, которую она сплавливает», - подчеркивал автор современной концепции исторической памяти П. Нора. По его словам, «существует столько же памятей, сколько и социальных групп»⁵⁹. Отсюда в обществе имеет место такое явление, как «войны памятей»⁶⁰, как характеризовал его В.А. Шнирельман. Но если Шнирельман рассматривал эти войны как борьбу этнических памятей, то такие войны происходили не только между историческими памятями народов, но не в меньшей степени и между разными

⁵⁷ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000. С.245.

⁵⁸ Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. С.181-182.

⁵⁹ Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М Проблематика мест памяти // Франция-память /. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С.20.

⁶⁰ См.: Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003.

наполнениями исторической памяти внутри одного этнического сообщества по отношению к историческим событиям и личностям. Эти войны нередко составляет существенный феномен культуры, поскольку выражается в формах духовного, а иногда в материальных образах, осмысления прошлого.

Что же касается общественно-политических идей, то они были пронизаны исторической памятью. Однако, в отличие от исторической памяти, в общественных идеях в значительно большей степени присутствует рациональное начало, в них имеет место осмысление прошлого и особенно наиболее актуальных его сторон, которые нашли свое место в исторической памяти общества. Вместе с тем для общественных идей эпохи модерна в русской истории, относящихся к пореформенному периоду и к началу прошлого века, интерес к личности и деятельности Петра I был в полной мере органичен, поскольку он опирался на наиболее существенные его качественные характеристики. К ним относилась его революционность, противостоявшая традиции, и связь с идеей прогресса как «постепенного восхождения человечества к лучшему будущему»⁶¹. В этой связи тема Петра Великого и его реформ соответствовала не только традиционному интересу русской культуры к царю-преобразователю. Она также соответствовала особенностям исторического сознания своей эпохи вообще. Общественно-политическая мысль основывается на историческом сознании общества и индивида. Вместе с тем это такая часть исторического сознания, которая отрефлексирована, оформлена в образах прошлого, которые могут быть научными или художественными, и представлена обществу. Образы прошлого, сформированные в общественно-политической мысли, становятся фактором общественного сознания, общественного движения и общественной борьбы и частью духовной культуры своего времени, обращенной в прошлое.

Для российского общества нового и новейшего времени Петр Великий всегда был или важнейшим местом исторической памяти, или, по крайней мере, одним из наиболее значимых ее мест начиная со времени его царствования вплоть

⁶¹ Федорова М.М. Новейшие идеологии и кризис исторического сознания модерна // Философия и идеология: от Макса до постмодерна. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С.170.

до современности. Во второй половине XIX – начале XX вв. к его образу как к месту исторической памяти отечественная общественно-политическая мысль обращалась неоднократно, причем с самых разных позиций и при различных, в том числе и при резко противоположных, оценочных суждениях по отношению к личности и деятельности первого императора России.

Конкретным проявлением исторической памяти являются ее места, в том числе Петр Великий как одно из наиболее значительных в российской исторической памяти. Но все места исторической памяти предстают в их образах. «Память оперирует преимущественно образами»⁶², - справедливо подчеркивала Л.Н. Мазур, Понятие «образ прошлого» используется в исследованиях еще чаще, чем понятие мест исторической памяти, ставшее популярным благодаря П. Нора и его последователям во французской историографии. Со ссылкой на французского философа А. Бергсона П. Рикёр подчеркивал, что образ прошлого не сводится к полному воспроизведению в памяти самой реальности прошлого. Между образом и чистым воспоминанием имеется разница. «Воображать – это не то же самое, что вспоминать», - приводил он в этой связи высказывание А. Бергсона. П. Рикёр описывал механизм превращения воспоминания в образ. Он присоединялся к А. Бергсону, который указывал: «Прошрое, по сути своей виртуальное, может быть воспринято нами как прошрое, только если мы проследим и освоим то движение, посредством которого оно развивается в образ настоящего, выступая из сумерек на ясный свет»⁶³. Как место российской исторической памяти Петр Великий выступает в образах. Все эти образы имеют связь с тем временем, когда они были сформированы в текстах разнообразной формы. Но образ прошлого в исторической памяти также является результатом поиска⁶⁴. В то же время такие образы складываются в ходе общественного противостояния⁶⁵.

⁶² Мазур Л.Н. Событие в исторической памяти: механизмы формирования, сохранения и трансформации // Память, история, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики. Материалы международной научной конференции. М.: Аквилон, 2016. С.251.

⁶³ Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с франц. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. С.83.

⁶⁴ В этой связи А.К. Аникина отмечает: «Для памяти залогом преодоления временной дистанции является узнавание. Мы ищем нужный нам образ, этот поиск сопровождается смутным ощущением, что мы приближаемся (или удаляемся) от предмета нашего поиска». См.: Аникина А.Б. Память как матрица истории (концепция Поля

Вместе с тем предполагается учет особенностей отношения к Петру I в зависимости от места той или иной личности, высказывавшейся в разной форме о первом российском императоре, в общественном противостоянии, в рамках которого все более острым со временем становился вопрос об отношении к самодержавию. По существу, это был главный вопрос идейной и политической борьбы в России пореформенного периода и начала прошлого века. Связь этого главного вопроса с отношением к Петру I не случайна. В образе его выражался своего рода символ силы и могущества самодержавной России и ее императорской власти. На разделение всего общественного движения в России на три направления указывал выдающийся историк дореформенной и пореформенной России А.А. Корнилов. По его словам, в семидесятые годы «реакционная ... деятельность тогдашнего министра народного просвещения графа Д.А. Толстого» была направлена «на борьбу с распространением либеральных и демократических идей»⁶⁶. Замечание совершенно справедливое. Оно позволяет исходить из учета в общественном движении России трех направлений, упомянутых А.А. Корниловым. Такие же направления выделяют для пореформенного времени и начала XX в. современные исследователи, говоря о моделях переустройства страны⁶⁷. Это, условно говоря, реакционное, которое тоже было внутренне неоднородным на протяжении более полувекового периода, и могло заключать в себе и сравнительно мягкий консерватизм, и прямое реакционное черносотенство. Это также направления либеральное и революционно-демократическое. Каждое из этих трех направлений в ходе идейной борьбы обращалось к образу Петра I и давало ему свои характеристики.

Рикера) // Память, история, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: материалы международной научной конференции. М.: Аквилон, 2016. С.29.

⁶⁵ В этой связи А.С. Листкова отмечала: «Образы исторической действительности участвуют в процессе консолидации социальных общностей и способствуют их фиксации на отдельных исторических событиях». См.: Листкова А.С. Идентификационные мифы как модификации исторической памяти // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: материалы межвузовской научной конференции. Ставрополь-Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2017. С.12.

⁶⁶ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. С.300.

⁶⁷ Репников А.В. Консервативная модель // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4-х т. М.: РОССПЭН, 2016. Вторая половина XIX – начала XX в. С.414-476; Шелохаев В.В. Либеральная модель // Там же. С.476-610; Зверев В.В., Тютюкин С.В., Рублев Д.И. Социалистическая модель // Там же. С.610-712.

Поэтому учет идейного противостояния консерваторов, либералов и демократов позволит обратить внимание на причины и особенности отношения к первому российскому императору в обществе, высказывавшихся относившихся к нему оценочных суждений и характеристик его личности и деятельности.

Методологическую основу исследования составляют положения традиционной и современной исторической науки. Опора на методологический принцип историзма, рассматривающегося как «принцип мышления, в основе которого лежит представление о постепенном "органическом" развитии любого явления и о каждом этапе в истории как определенном и необходимом звене исторического процесса»⁶⁸ позволяет представить отношение к Петру I как характерному явлению культуры своего времени. Подобное отношение было типично для периода второй половины XIX – начала XX вв. с точки зрения особенностей представлений о царе в условиях русской культуры, сложившейся за десятилетия пореформенной модернизации страны. Вместе с тем исследование опирается на опыт новой интеллектуальной истории, в рамках которой принцип лингвизма с учетом приоритета языка и взгляда на язык как на средство формирования культурно-исторической реальности позволяет понять, как менялось выражение образа Петра Великого средствами языка. При этом в роли языка культуры выступали не только нарративные тексты. Это также тексты в форме таких артефактов, как памятники Петру Великому и юбилейные медали, или тексты в форме мероприятий, связанных с празднованием юбилейных дат⁶⁹. Опора на эти принципы предполагает использование ряда методов. Историко-сравнительный метод позволяет сопоставить разные по своему внутреннему содержанию выражения отношения к Петру I, и через это отношение выявить особенности идеологии и политической позиции разных общественно-политических направлений в России пореформенного времени, их взгляды на важнейшие для того времени вопросы - самодержавие и реформы. Историко-

⁶⁸ Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб.: «Алетейя: Историческая книга», 2006. С.281.

⁶⁹ Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2008. С.273.

типологический метод позволяет выявить внутри такого культурно-исторического единства, как образы Петра I, «качественно определенные типы (классы) на основе присущих им общих существенных признаков»⁷⁰. Среди образов Петра I в русской культуре пореформенного времени выделяются типологические различия, определяющиеся особенностями позиции носителей этих типов в общественно-политической борьбе. Выделение подобных типов помогает уяснить типологические особенности в рамках отечественной культуры в целом, и более конкретно понять тем самым предпосылки исторически приходящего характера российской монархии и ее конечного крушения. Метод диахронного анализа используется для уяснения изменения отношения к Петру I в отечественной общественно-политической мысли по сравнению с XVIII в. и с дореформенным периодом. Поскольку в основе этого метода лежит процедура сравнения, то с помощью этого метода можно понять, как менялись подходы к характеристикам Петра I и его деятельности, как с позиций апологетики, так и с позиций критики.

Научная новизна

1. Еще в эпоху романтизма в русском обществе сформировалась осознанная и глубокая потребность уяснения личности и деятельности Петра Великого без мифологических наслоений апологетической и критической направленности, которые сформировались еще в петровское царствование и в эпоху Просвещения. Поскольку решить эту задачу не удалось, то она сохранялась в пореформенный период, когда первый российский император уже не играл такой роли в идеологическом обосновании самодержавия, как это было очень хорошо заметно при Николае I.

2. Тем не менее, Петр Великий оставался предметом острых общественных идеологических и политических дискуссий для разных направлений российской общественно-политической мысли, что служило препятствием для более взвешенного и объективного подхода к характеристике роли и места его в истории страны.

⁷⁰ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С.176.

3. Критическое отношение русских самодержцев конца XIX – начала XX вв. к отдельным сторонам деятельности Петра I не мешало проводить юбилейные торжества, связанные с ним, целью которых было не только укрепление монархизма в массовом сознании, но и формирование представления о связи между современным самодержавием и деятельностью императора, популярного среди широких слоев населения.

4. В трудах отечественных историков разных направлений академический анализ личности и деятельности Петра I соединялся с активным участием их в общественных дискуссиях. Это дает основание рассматривать их исторические труды не только в контексте историографического изучения, но и как выражение определенной точки зрения в общественной мысли России второй половины XIX – начала XX вв.

5. Строгой зависимости между позитивным или негативным отношением к Петру I и направлением общественно-политической мысли России не прослеживается. В отношении к царю со стороны разных участников общественно-политических дискуссий имела место более сложная зависимость, определявшаяся отношением к разным сторонам личности и деятельности царя.

6. Идея А.И. Герцена «Петр Великий – революционер» выражала суть взглядов на личность и деятельность Петра I в той же степени, как ранее идея «Петр I – царь-антихрист» или взгляд на Петра Великого как на спасителя России. Степень влияния идеи Петра I – революционера в общественно-политической мысли заметна более ограниченная, чем предыдущих идей, а те отечественные мыслители, которые ее принимали, вкладывали в нее неодинаковый внутренний смысл.

Положения, выносимые на защиту:

1. Историческая память и историческое сознание относятся к базовым характеристикам культуры любого общества. Они имеют между собой тесную связь. Вместе с тем существенное различие между ними определяется отношением их к разным сторонам личности отдельного человека и культуры общества в целом. Историческая память, прежде всего, опирается на чувственно-

эмоциональную сторону, тогда как историческое сознание имеет под собой рациональную основу и составляет часть общественного сознания.

2. На протяжении XVIII – первой половины XIX вв. в русском общественно-политическом сознании сложились устойчивые образы Петра I, апологетические и резко критические, но сходные между собой в том, что в том и в другом случае царь представлялся в виде существа сверхъестественного, способного спасти или погубить Россию. К середине XIX в. по мере развития русской культуры сформировалась потребность в ином, более четком и точном осмыслении личности и деятельности Петра I, лишенном мифологических наслоений.

3. В общественно-политическом сознании носителей императорской власти XVIII – начала XX вв. имело место разное отношение к Петру I, от апологетики до сдержанной критики. Тем не менее, празднование исторических дат, связанных с этим царем, проходило на уровне мероприятий государственного значения, с использованием их в целях монархической пропаганды.

4. Для славянофильской, консервативной и черносотенной общественно-политической мысли было характерно в целом позитивное отношение к Петру I за меры, направленные на подъем страны и развитие просвещения. Резко негативным было отношение к принятию за годы его царствования значительного количества иностранцев на службу в России, а отчасти за проявление жестокости в семье и по отношению к народу.

5. Для либерального общественно дискурса характерна эволюция в отношении к Петру I. Самая положительная оценка личности и деятельности Петра Великого заметна в ней в период середины – второй половины XIX в., что было связано с признанием исторической необходимости для нее петровской европеизации и движением в этой связи к развитию индивидуального начала и к свободе личности. Значительно более критическое отношение к царю высказывалось на рубеже XIX-XX вв., когда в общественно-политической мысли либерального направления обращалось внимание на деспотические методы

петровской европеизации и ставился вопрос о цене, которую платило за нее русское общество.

6. Публикация в альманахе «Полярная звезда» письма гвардии капитана А. Румянцева Д.И. Титову с подробностями убийства царевича Алексея по распоряжению Петра I стала предметом острой общественной дискуссии. И если историк Н.Г. Устрялов приводил доводы в пользу подложности письма, то историк-демократ М.И. Семеvский доказывал подлинность письма, содержание которого позволяло напрямую разоблачать самодержавие. Но при этом между Устряловым и Семеvским имелась принципиальная общность во взглядах на вину в гибели царевича Петра I, поскольку Устрялов указывал на гибель его от пыток, которые допустил царь.

7. Позитивный в целом образ Петра I давался А.И. Герценом и Н.А. Добролюбовым. Герцен создал новый образ Петра I как революционера, решительно ломавшего отживший «византизм» русской жизни. Добролюбов же видел в Петре I не разрушителя основ старой Московской Руси, но царя, хорошо понимавшего исторические потребности русского общества своего времени и проводившего реформы в соответствии с этими потребностями, которые были приняты в русском обществе. Положение Герцена о Петре I как о революционере было переосмыслено народником Н.К. Михайловским, указывавшим, что Петр I, освобождая человека от гнета московской старины, налагал на него новый гнет.

8. Позитивное отношение к Петру I, выражавшееся Герценом и Добролюбовым, в целом не было воспринято революционной общественно-политической мыслью. Для русских марксистов было характерно резко критическое отношение к личности Петра I и его деятельности. Результатом ее они видели укрепление господства дворянства в результате дворянской революции и дальнейшее распространение принудительного труда, углубление культурного разделения русского общества на европеизированное дворянство и народ, остававшийся с основами своей традиционной культуры, а меры по насаждению промышленности признавали неудачными.

Практическая значимость исследования в возможности на его основе формирования спецкурсов и элективных курсов, связанных с темой диссертации. Ее основные положения и выводы могут быть использованы в общих курсах отечественной истории, в разработке уроков отечественной истории в средней школе по соответствующему периоду.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту научной специальности 07.00.02 – Отечественная история; в частности, следующим областям исследования: п. 9. История общественной мысли и общественных движений, п. 17. Личность в российской истории, ее персоналии, п. 22. Интеллектуальная история России, п. 25. История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Апробация работы. Основное содержание диссертации отражено в 11 публикациях, из 4 в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, общим объемом 3,5 п.л. Основные положения докладывались на международной и всероссийских конференциях в Витебске, Ростове-на-Дону и Новочеркасске.

Структура работы Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы.

Глава 1

Петр I в представлениях консерваторов и самодержавной власти

1.1. Эволюция места Петра I в идеологии самодержавия

Отношение русских самодержцев к Петру Великому не было одинаковым. Оно в значительной степени зависело от культурно-исторической ситуации определенного времени, от направления внутренней и внешней политики, от характера самих монархов.

Монархи XVIII в. отличались исключительно позитивным отношением к первому российскому императору. Особенно это стало сказываться при вступлении на престол императрицы Елизаветы Петровны и за весь период ее царствования. Вызывалось это несколькими причинами. Первой из них была генеалогия, сама Елизавета ее использовала и перед гвардейцами всегда подчеркивала, что она «дщерь Петрова». Вторая состояла в том, что указание на свою прямую генеалогическую связь с императором она могла подчеркивать постольку, поскольку среди гвардейцев лейб-компания была велика популярность Петра, который противопоставлялся существующему правительству, а популярность Петра была одной из причин популярности самой Елизаветы. «Ничтожность Брауншвейгской фамилии как бы подчеркивала в их глазах величие облика Петра»⁷¹, - подчеркивал Е.В. Анисимов. Поэтому гвардия решительно поддержала ее во время дворцового переворота 25 ноября 1741 г. После вступления Елизаветы на престол не случайно «осуществилась

⁷¹ Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. С.28.

политическая канонизация Петра Великого»⁷². Выражением официального его культа должен был стать памятник. Для него предназначалась бронзовая фигура императора, сделанная выдающимся мастером К.Б. Растрелли, который подготовил проект конного монумента, с чертежами и глиняной моделью. Конная статуя была отлита в 1743 г. итальянским мастером А. Мартелли⁷³. Однако при Елизавете Петровне памятник так и не был установлен. Не был он установлен и при Екатерине II, когда распространилось другое художественное направление, и памятник в стиле барокко уже не соответствовал искусству времени, а на смену стилю барокко пришел классицизм.

Не менее почтительным было отношение к Петру I Екатерины II. Она старалась защитить его от обвинения со стороны французского автора «Путешествия в Сибирь» аббата Ж. Шаппа д'Отероша в том, что он, «будучи наисамовластнейшим государем из всех своих предшественников, ... еще туже затянул петлю рабства». Решительно отвергая это обвинение аббата, императрица заявляла, что этого не мог сделать «Петр Великий, учредивший Сенат, давший ему право делать замечания государю»⁷⁴. Конечно же, ответ Екатерины II был неточным с исторической точки зрения. Она приписала царю, учредившему в 1711 г. Сенат, политическое мышление века Просвещения, в котором признавалась необходимость учреждений, способных ограничить монархическую власть и при необходимости защитить общества от проявлений тирании и деспотизма. Но в политическом мышлении Петра I такая идея отсутствовала. Екатерина II очень высоко ценила стремление Петра I провести европеизацию внутренней жизни России. В своем наказе Уложенной комиссии 1767 г. она заявляла, что «Россия есть Европейская Держава». «Доказательство» этому она видела такое: «Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали с климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеванием

⁷² Там же. С.45.

⁷³ Петина Е.Ф. К.Б. Растрелли. 1675-1744. Л., 1979. С.35, 36.

⁷⁴ Екатерина II. Антидот // Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша. М.: Олма-Пресс, 2005. С.284. (С.225-424)

чуждых областей. Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал»⁷⁵. Этот вывод, сделанный императрицей в соответствии с распространенной в то время теорией естественного права, с представлением о природно-географической предопределенности государственного строя и самого характера народа, стал обоснованием для позитивного отношения к Петру I. Он состоял в том, что европеизация страны, которую он проводил, была успешной, соответствовала ее характеру и потребностям и принесла ей в конечном счете пользу. Но при этом по поводу некоторых мероприятий императора она готова была делиться своими сомнениями. Это, например, относилось к оценке переноса столицы государства из Москвы в Санкт-Петербург. Это ей напоминало «предприятие Константина, который перенес в Византию престол империи и покинул Рим». В результате, по ее словам, «римляне не знали, где искать свою отчизну, и так как они не видели более всего того, что в Риме воодушевляло их усердие и любовь к отечеству, то их доблести мало по малу падали и, наконец, совершенно уничтожились». Однако и такой перенос, сделанный царем, имел, по словам императрицы, в конечном счете, положительные последствия. По ее впечатлениям, «Москва – столица безделья»⁷⁶. Но «Петербург в течение сорока лет распространил в империи денег и промышленности более, нежели Москва в течение 500 лет»⁷⁷.

Об очень высокой оценке Екатериной II всего того, что сделал Петр I, лучше всего свидетельствует установление в Петербурге Медного Всадника.

Свое столь же почтительное отношение к Петру I выразил и Павел I, при котором во дворе Михайловского замка был поставлен памятник императору с надписью «Прадеду-правнук», с бронзовой фигурой, созданной еще К.Б. Растрелли. Однако при Александре I почитание первого российского императора было несколько менее заметно. В значительной степени это может объясняться особенностями характера самого Александра I, который по своему

⁷⁵ Екатерина II. Наказ Комиссии о сочинении нового проекта Уложения. 30 июля 1767 г. // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С.115.

⁷⁶ Екатерина II. Размышления о Петербурге и Москве // Избранное. С.811.

⁷⁷ Там же. С.812.

психологическому типу очень сильно отличался от Петра Великого. Прежде всего, Петр I был тружеником и старался вникать в любое дело, от кораблестроения до реформирования русской азбуки. «То академик, то герой, То мореплаватель, то плотник, Он всеобъемлющей душой На троне вечный был работник»⁷⁸, - совершенно справедливо отмечал А.С. Пушкин. В такой же степени Александр I был ленив, «враг труда»⁷⁹, по выражению А.С. Пушкина. Очень различались методы воздействия на окружающих. Петр I полностью опирался на свое самовластье. Как отмечал А.С. Пушкин, «все состояния, окованные без разбора, были равны пред его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось»⁸⁰. Александр I был, как и Петр I, абсолютным монархом. Однако между двумя российскими самодержцами лежала эпоха Просвещения. То, что ранее могло казаться нормой в отношениях между властью и обществом, под влиянием идей Просвещения уже расценивалось как прямое проявление тирании и деспотизма. Поэтому общение с окружающими Александр I строил совершенно по-иному, чем Петр I. Он умел очаровывать людей. Не случайно, как указывала О.В. Эйдельман, в своем дневнике цесаревич Николай Павлович «ни разу не называл его ни братом, ни Александром – всегда только ангелом»⁸¹. Наконец, если Петр I был совершенно понятен всем, все знали, что он ждет от своих подданных, то Александр I был нередко просто непонятен. Так, М.М. Сперанский слишком напрямую понял его конституционные мечтания, и составил свой конституционный проект с выборной законосовещательной Думой. Отсюда его репутация «византийца», лукавого и хитрого, неразгаданного сфинкса. Есть еще одна причина отчуждения Александра I от Петра Великого. Так, А. Архангельский приводит дворцовую легенду, согласно которой Павел I увидел на столе сына, цесаревича Александра, книгу о Бруте, после чего дал ему книгу о царевице Алексее⁸². Намек совершенно очевиден. В определенном случае царь

⁷⁸ Пушкин А.С. Стансы // Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1974. Т.2. С.90.

⁷⁹ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1975. Т.4.С.175.

⁸⁰ Пушкин А.С. О русской истории XVIII века. С.162.

⁸¹ Эйдельман О. Воцарение с междоусобицей. Новое прочтение дневника Николая Павловича // Родина. 2009. № 3. С.67.

⁸² Архангельский А. Александр I. М.: Молодая гвардия, 2005. – 444 с.

мог поступить с сыном-наследником, особенно если он увлекается Брутом, точно так же, как поступил с сыном Петр I, допустивший его гибель. Тем не менее, общую тенденцию идеологии династии Романовых, в которой почитание Петра Великого занимало очень большое место, Александр I переломить не мог. Да и не желал, поскольку память о первом российском императоре составляла одну из основ легитимности монархии в историческом сознании населения страны. Поэтому при Александре I продолжали возводиться памятники Петру I.

Николай I по своим психологическим особенностям был значительно ближе к Петру I, чем Александр I. Очень четко подметил это наблюдательный французский путешественник маркиз А. де Кюстин. По его словам, «Петр Великий ближе Николаю, чем Александр, и на него (на Петра I – Т.А.) нынче куда большая мода»⁸³. Как и великому императору, ему было присуще чувство долга, который имел монарх перед государством. И, как и Петр I, Николай I рассматривал свою власть как не только самодержавную но и неограниченную, что и было выражено в первой статье Основных государственных законов Российской империи в редакции 1832 г. Отсюда не случайно, что Николай I стремился показать себя достойным преемником Петра Великого. На это прямо указывал А. де Кюстин, когда писал, что император ему будто бы прямо заявил: «вы можете меня понять: мы продолжаем дело Петра Великого»⁸⁴. Но слова царя соответствовали собственным наблюдениям маркиза. «В России дух Петра Великого вездесущ и всемогущ»⁸⁵, - писал он. В идеологии николаевского царствования образ Петра Великого занимал не меньшее место, чем теория «православие-самодержавие-народность» графа С.С. Уварова.

Взошедший на престол в 1855 г. император Александр II царствовал уже в совершенно иных условиях, чем его отец. Как и Петру Великому, ему приходилось проводить реформы, направленные на европеизацию страны, что было predetermined глубоким системным кризисом, в котором оказалась проигравшая Крымскую войну крепостническая империя к середине столетия. На

⁸³ Кюстин А. де. Указ. соч. С.178.

⁸⁴ Там же. С.198.

⁸⁵ Там же. С.167.

этом основании император, с помощью преобразований вводивший Россию в начале XVIII в. в круг европейских стран, не мог не быть близок Александру II. Кроме того, следует иметь в виду, что учителем великого князя Александра Николаевича в то время, когда он был наследником цесаревичем, был историк-юрист и западник К.Д. Кавелин, являвшийся постоянным автором «толстого журнала» «Вестник Европы». На страницах журнала за 1872 г. одновременно выходила и работа К.Д. Кавелина «Задачи психологии», и материал В.И. Герье «Кронцпринцесса Шарлотта, невестка Петра Великого. По ее неизданным письмам»⁸⁶. Будучи учителем, К.Д. Кавелин вполне мог внушить наследнику такой взгляд на Петра I, согласно которому «Петр – новое, небывалое, чрезвычайное явление в русской истории. Он – целая революция, и как всякая революция – более программа для будущего, которую пришлось выполнять последующему времени»⁸⁷. И, по-видимому, при проведении реформ императору Александру II приходилось вспоминать некоторые оценки, которые давал учитель. По словам К.Д. Кавелина, Петр I «выразил собою стремление прогрессивного меньшинства, которое тяготилось бытом тогдашнего времени, и стоял в его главе»⁸⁸. Эти слова можно было отнести и к самому Александру II. В самом деле, ему приходилось преодолевать серьезное сопротивление дворянских консерваторов при проведении не только отмены крепостного права, но и других буржуазных реформ. В этом отношении Петр I выступал для Александра II в качестве исторического примера, или монарха, который умел преодолевать консервативное противодействие. Не случайно в этой связи в 1872 г. было торжественно отмечено двухсотлетие со дня рождения Петра I. Была выпущена юбилейная медаль, посвященная этому юбилею. В Санкт-Петербурге и в ряде других городов России были проведены праздничные юбилейные мероприятия. Но при этом невозможно считать, что Александр II мог полностью соглашаться со всеми сторонами внутренней политики Петра I, и во всем ориентироваться на его

⁸⁶ Кавелин К.Д. Задачи психологии // Вестник Европы. 1872. Тт. 1-2; Герье В.И. Кронцпринцесса Шарлотта, невестка Петра Великого. По ее неизданным письмам // Вестник Европы. 1872. Т.3.

⁸⁷ Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С.182.

⁸⁸ Там же. С.183.

пример. Так, Петр I всемерно укреплял самодержавную власть, в годы его царствования сложился режим российской абсолютной монархии. Но Александру II приходилось думать уже не о дальнейшем укреплении начал самодержавия, что делалось при Николае I, но об удовлетворении потребности общества участвовать в общественно-политической жизни и влиять на судьбы страны. Отсюда – создание земств и городских дум, а также сама возможность появления проекта реформы центрального управления с введением в Государственный совет выборных от земств, который предлагал военный министр граф Д.А. Милютин⁸⁹, проекта, который предполагал участие представителей общества в обсуждении законов.

В меньшей степени соответствовал Петр I личности, характеру и направлениям деятельности двух последних российских самодержцев. Императора Александра III отделяло от Петра I принципиальное направление его внутренней политики и культурно-исторический идеал. Если не только Петр I, но и последующие монархи многое пытались делать для сближения между Россией и странами Западной Европы, для утверждения ее положения как европейской страны, то Александр III по существу пошел вопреки этому устоявшемуся направлению. Это, конечно же, не касалось внешней политики. Договор с Францией 1893 г., заключенный им, положил начало формированию блока Антанты. Но во внутренней политике курсом его было не дальнейшее развитие европеизации страны, но закрепление в жизни ее традиционных русских начал, в том виде, как они представлялись ему самому и наиболее консервативной части его ближайшего окружения во главе с его учителем, обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым. Косвенной формой такой критики петровских преобразований, связанных с европеизацией, явилось противопоставление К.П. Победоносцевым «"патриархальной" Москвы и "космополитического" Петербурга», его симпатии к сохранявшей старинный облик Москве, о которой

⁸⁹ Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4-х т. М.: Политическая энциклопедия, 2016. Т.3. Вторая половина XIX – начало XX в. С.164.

он, по замечанию А.В. Репникова, «всегда отзывался в теплых тонах»⁹⁰. Но Санкт-Петербург был общим символом личности и деятельности своего создателя. Поэтому, заявляя о своем предпочтении Москвы по отношению к новой столице, К.П. Победоносцев проводил мысль о своей симпатии русской старине и традиции, но не самому европейскому городу России и новой ее столице, созданной по воле Петра Великого. Эта мысль полностью соответствовала настроениям Александра III, который считал ценностью русскую старину, символом которой выступала в данном случае Москва.

Отношение Николая II к Петру I, также не вполне позитивное, имело несколько иную основу, чем отношение Александра III. При всем своем консерватизме последний российский император вынашивал отрицательное отношение не к самой европеизации России, но к методам внутренней политики ее первого императора, направленной на проведение европеизации. Но, кроме того, следует учитывать то, что для Николая II очень многое значила его семья⁹¹. И то, что свою первую жену, Евдокию Лопухину, Петр I отправил в монастырь, что по существу согласился на убийство сына, было для Николая II неприемлемо. Идеалом государя для Николая II был вовсе не Петр I, но его Тишайший отец, царь Алексей Михайлович. Отсюда и имя сына, наследника цесаревича Алексея. Тем самым царь как бы давал сигнал обществу, что в ходе своего правления он будет ориентироваться на царя Алексея Михайловича, но не на Петра Великого. Это означало, что тем самым Николай II исключал возможность каких-либо крутых изменений сверху в сложившихся основах существования общества, в жизненном укладе разных слоев населения, что его царствование будет по преимуществу консервативным. Все это несколько не исключало позитивного отношения к некоторым сторонам деятельности Петра I. Так, было торжественно отмечено двухсотлетие Полтавской битвы, и была выпущена в честь этого события юбилейная медаль. На церемонии празднования в Полтаве присутствовал Николай II. Юбилейная медаль и рубль были выпущены в 1914 г. в честь

⁹⁰ Победоносцев К.П. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С.18.

⁹¹ Дианина К. Возвращенное наследие: Николай II как новодел // Новое литературное обозрение. № 149 [1'2018]. С.228-230.

двухсотлетия победы русского флота при мысе Гангут. В некоторых городах появились новые памятники Петру I. Это дает основание для выделения двух сторон в отношении последнего российского императора к первому. Он не мог принять некоторые стороны отношения Петра I к своей семье и вообще грубых методов его внутренней политики. Но, с другой стороны, Николай II готов был принять на себя отблеск военной славы Петра Великого, достигнутой им в войне со Швецией. Этот отблеск был необходим не только для него самого. Он был необходим для устойчивости монархии в условиях, когда в стране все более заметным становилось обострение кризиса монархической системы правления, когда в обществе был по существу поставлен вопрос о замене монархии новым политическим строем, в большей степени соответствующим характеру и особенностям общественных отношений и культуры своего времени.

Таким образом, в сознании российских самодержцев, находившихся на престоле после Петра I, образ первого российского императора занимал очень большое место. С ним связывались идеи самодержавия и славы России. Самое почтительное отношение к нему имело место в сознании императриц и императоров XVIII в. начиная с Елизаветы Петровны, а также Николая I, причем в государственной идеологии николаевского времени образ Петра Великого занимал очень большое место. В сознании двух последних монархов Российской империи отношение к Петру I было более сложным. Так, по-прежнему в полной мере они готовы были учитывать заслуги его в военных победах России и в строительстве основ империи. Но появились некоторые обстоятельства, которые затрудняли для них давать первому российскому императору исключительно позитивную оценку. Для Александра III это была европеизация страны, для Николая II – отношение его к первой жене и к сыну и грубые методы преобразований.

1.2. Празднование юбилеев Петра I как элемент общественно-политической жизни в пореформенной России

На пореформенный период и на начало XX в. пришлось несколько юбилейных дат, связанных с двухсотлетием событий, относившихся к Петру I. Это, прежде всего, двухсотлетие со дня рождения самодержца, которое отмечалось в 1872 г., а также взятия русскими войсками Азова в 1696 г., битвы при Лесной в 1708 г. и Полтавской в 1709 г.

Празднование двухсотлетия появления на свет первого императора России должно было проходить с большим размахом. В начале 1872 г. была создана императорская комиссия по подготовке празднования юбилея. Организация празднования возлагалась на несколько министерств – внутренних дел, военного, морского, императорского двора. В комиссию вошли не только представители этих министерств, но и депутаты городской думы, а председателем комиссии был назначен член Государственного Совета граф П.Н. Игнатьев. Подробный сценарий проведения праздника был разработан церемониальной частью министерства императорского двора. Предусматривался вынос «петровских достопамятностей» - мундира, шпаги и шляпы Петра I и знаков ордена Андрея Первозванного, проведение богослужений, военного парада, орудийные салюты с Петропавловской крепости и судов. В церемонии участвовала императорская фамилия, высшие военные и гражданские чины, представители дипломатического корпуса иностранных государств. Весь ход церемонии расписывался подробно и в деталях. Мероприятия, связанные с участием народа, должны были проводиться на Царицыном лугу. На этом же лугу комиссия приняла решение о помещении картин, относящихся к разным эпизодам из жизни монарха. Предполагалась иллюминация города и судов⁹². Судя по фотографиям из альбома, сделанным П.Н. Петровым и С.Н. Шубинским, мероприятия происходили в разных городах

⁹² РГИА. Ф.473. Оп.1. Д.1468. Л.1-13 об.

империи, прежде всего в местах, так или иначе связанных с жизнью и деятельностью Петра I. Первоначально предполагалось проведение этнографической процессии в Санкт-Петербурге и в Москве наподобие той, которая была при Петре I по случаю заключения Ништадтского мира. Также предполагалась иллюминация с транспарантами, напоминавшими «главнейшие деяния Петра». Заключался договор с яхт-клубом, чтобы провести на Неве «эволюцию», напоминавшую «эволюцию» петровского флота, причем в этом шествии должен был занимать особое место «дедушка русского флота» - известный петровский «ботик»⁹³. Все эти мероприятия, как предполагалось, должны были проходить при большом скоплении народа.

Проведение праздника описывалось в местной и центральной печати⁹⁴. Судя по этим описаниям, торжества в обеих столицах империи, в разных городах, особенно связанных с деятельностью Петра I, прошли с большим размахом. Состоялся крестный ход, а икону, взятую в петровском домике, торжественно внесли в Петропавловский собор, к месту захоронения российских монархов начиная с Петра Великого. В соборе совершилась торжественная панихида в присутствии императора Александра II. Еще один молебен был проведен около памятника Петру I на Сенатской площади – Медного Всадника. После молебна был проведен военный парад. Народные гуляния с разнообразными развлечениями для публики проходили до глубокой ночи. На эти гуляния вышло множество народу. Как отмечал корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей», «от Невы до Исаакиевского собора возвышались эстрады, залитые народом». Публика была даже «на крыше Исаакиевского собора, на Адмиралтействе, на всех домах Петровской и Адмиралтейской площадей, и на здании главного штаба»⁹⁵. На фоне этих развлечений народу внушалась мысль о подвигах и величии Петра I, а по существу имела место ненавязчивая монархическая пропаганда. Не случайно во время народных гуляний на Царицыном лугу в Санкт-Петербурге «раздавали книжки, знакомившие народ с

⁹³ Альбом. С.280-281.

⁹⁴ Азовский вестник. 1872.

⁹⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 148 от 1 июня.

его (Петра I – Т.А.) деятельностью, и описания событий, представляемых картинами. Все это видимо интересовало народ, толпившийся перед ними и внимательно слушавший, как грамотные читали вслух подписи под картинами»⁹⁶.

В ходе празднования петровского юбилея в Москве важнейшая роль отводилась ботику Петра I, или «дедушке русского флота», который должен был напоминать о роли царя как создателя флота и о его военно-морских победах. «Московские ведомости» описывали торжественную встречу ботика на Курском вокзале Москвы, куда он был привезен из Санкт-Петербурга по Николаевской железной дороге. Несмотря на прибытие поезда поздним вечером, его встречали «толпы народа», присутствовали на встрече командующий Московским военным округом, московский оберполицеймейстер и другие представители военных и гражданских властей города⁹⁷. Торжественные мероприятия происходили в других городах империи – в Архангельске, Воронеже, Дербенте, Новочеркасске. Мероприятия были в станице Старочеркасской Области войска Донского⁹⁸, где в главном городе донского казачества бывал царь во время Азовских походов и после подавления Булавинского восстания. Все эти мероприятия с подробностями освещались в местной печати.

Празднованию двухсотлетия со дня рождения Петра Великого была посвящена серия гравюр с изображениями праздничных мероприятий. На гравюре, изображающей народное гуляние в Санкт-Петербурге 30 мая 1872 г., судя по одежде присутствовавших, выходили люди самого разного социального положения. Бросается, однако, в глаза преобладание чисто народных образов, одетых в рубахи с веревочным поясом, в шаровары и сапоги. Хорошо заметны на переднем плане купцы с бородами, в головных уборах, несколько напоминающих армейские фуражки. Также заметно присутствие большого количества офицеров. Изображено типичное народное развлечение – влезание на гладкий столб с закрепленным на верхушке призом для того, кто сумел залезть. На втором плене гравюры изображены два шатра, в которых давались театральные представления.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Московские ведомости. 1872. № 134 от 30 мая.

⁹⁸ Альбом. С.286.

На заднем плане видно другое народное развлечение, которое могло привлечь публику – канатоходцы с шестами⁹⁹. Другая гравюра изображает празднование в Москве. По реке Москве на фоне кремлевской стены проплывает петровский ботик – «дедушка русского флота» в сопровождении лодок под Андреевскими флагами. На переднем плане с крыши дома на левом берегу реки на прохождение ботика и лодок смотрит народ. Видно также, что вдоль левого берега реки в шеренгу стоят солдаты с оружием¹⁰⁰.

Совершенно иная картина на гравюре с изображением панихиды в Петропавловском соборе. У гроба Петра Великого с возложенной на этот гроб императорской короной находится высшее духовенство в торжественном облачении. За духовенством – царь, рядом с которым стояли высшие военные и гражданские чины в парадных мундирах, с головными уборами в руках. Александр II хорошо заметен, но все-таки он не на переднем плане гравюры. Ряд гравюр изображают другой молебен, около памятника на Сенатской площади. Одна из них дает общий план с видом на Неву, при этом бросается в глаза, что на площади при памятнике строем стоят солдаты. По Неве видно движение судов, украшенных флагами. Две гравюры дают более близкие планы. Заметно, однако, что народа на этих гравюрах также не так много, преобладают войска, выстроенные в колонны и шеренги. Явно не соответствует духу празднования и его общему торжественному тону гравюра с изображением заднего плана Медного Всадника. Сам памятник отгорожен забором. На переднем плане, перед памятником и забором – две толпы, которые явно бегут друг на друга. Похоже, что изображена сцена известного народного развлечения, когда в борьбе, напоминающей драку, стороны шли друг на друга стенка на стенку. Показаны люди, размахивающие руками и сбитые от ударов на землю. Двое полицейских явно неудачно пытаются как-то остановить одну из толп. Совершенно при этом не понятно, как такое народное развлечение, известное по самым разным местностям России, было связано с общей идеей торжественного празднования петровского

⁹⁹ Там же. С.253.

¹⁰⁰ Там же. С.237.

юбилея. Кроме того, на гравюре хорошо заметны монархические знамена, причем даже на черно-белой гравюре довольно неплохо видно, что они бело-желто-черного цвета¹⁰¹.

Таким же порядком, с литургией в Архангельском соборе Кремля, с крестным ходом, с встречей петровского ботика – «дедушки русского флота» и с народными гуляниями юбилейные мероприятия проходили в Москве. На одной из гравюр изображена сцена юбилейного заседания 30 мая в актовом зале Московского университета¹⁰². По одной гравюре относится к изображению праздничных мероприятий в других городах. В Архангельске изображен молебен перед Троицким собором. На заднем плане гравюры видна полоса Северной Двины с проходящим по ней парусником¹⁰³. Имеется гравюра картины, выставленной в здании городской думы Воронежа с рисунком судов петровского времени и с датами на нижней части гравюры¹⁰⁴. Это были 1696 и 1709 гг., когда Петр I посещал Воронеж. Празднование 30 мая в городе Петровске на Каспийском море, где начинался Персидский поход Петра I, показано на гравюре, на которой виден морской причал и большие корабли с флагами¹⁰⁵.

В заключительной части роскошно изданной книги-альбома П.Н. Петрова и С.Н. Шубинского с гравюрами четко выражена основная идея данного издания. «Покорное орудие его (Петра Великого – Т.А.) могучей воли, - народ, - за которой не щадил жизни своей вечный труженик, - понял наконец цель его стремлений и забот». Поэтому сам народ «продолжает идти к развитию, на которое за полтора века назад указывал направление хода, в такой форме и размерах, может быть и не рассчитывал сам Петр Великий»¹⁰⁶, - писали авторы. Это краткое заключение альбома содержит две мысли. Одна из них заключается в том, что предначертания преобразователя России нашли свое осуществление, причем благодаря воле и активности самого народа, который принял самое решительное участие в

¹⁰¹ Там же. С.254.

¹⁰² Там же. С.269.

¹⁰³ Там же. С.189.

¹⁰⁴ Там же. С.261.

¹⁰⁵ Там же. С.277.

¹⁰⁶ Там же. С.291.

преобразовании своей жизни. Другая мысль - в том, что все эти успехи в развитии и народном просвещении могут быть достигнуты только на базе прочного и неразрывного единения народа и монархической власти.

Формой празднования была чеканка юбилейной медали в честь двухсотлетия Петра Великого. В книге-альбоме приведено ее изображение. На аверсе медали отчеканен профиль императора, с лавровым венком на голове, что восходило к римской традиции чествования победителей. На реверсе была сделана надпись о двухсотлети со дня рождения царя, даты рождения Петра I и празднования двухсотлетнего юбилея с этого дня, и указывалось, что медаль была сделана в царствование императора Александра II¹⁰⁷. Были сделаны и другие медали. Сведения о медалях, чеканившихся «в воспоминание двухсотлетия (так – Т.А.) со дня рождения Преобразователя России» приводятся в издании Юлиа Иверсона и членов Императорского русского археологического общества, Одесского общества истории и древностей и Общества истории и древностей Прибалтийского края¹⁰⁸.

Впрочем, имелись также отклики на юбилей императора с хорошо заметным критическим и даже сатирическим подтекстом. Это с особой наглядностью проявилось в стихотворении поэта А.Н. Апухтина, который в юбилейном 1872 г. находился на лечении в Карлсбаде – известном европейском курорте, где в 1711-1712 гг. на водах бывал Петр I. Это давало поэту повод для создания стихотворения по случаю царского юбилея. Идея произведения – торжественное празднование юбилея и участие в нем народа происходило вне учета того, что петровское царствование ознаменовалось не только введением просвещения, но и кровавыми методами этого введения. «С треском бороды летят... пытки, казни... Все в смятеньи!.. Так вводилось просвещение ... Двести лет тому назад», - писал Апухтин. Но через двести лет все эти ужасы, поражавшие многих современников и дававшие им основание для появления теории царя-антихриста, стерлись из народной памяти. И поэтому «сегодня в храм святой,

¹⁰⁷ Там же. С.277.

¹⁰⁸ Медали на деяния Императора Петра Великого в воспоминание двухсотлетия со дня рождения преобразователя России, изданные Юлием Иверсеном. СПб., 1872. (- XXV, 65, XII с.)

Незлопамятны, смиренны, Валят русские толпой... И, коленопреклоненны, Все в слезах благодарят Вседержателя благого, Что послал царя такого... Двести лет тому назад»¹⁰⁹. В коротком, но очень сильном в идейном отношении и по уровню поэзии стихотворении хорошо заметна сатира. Но направлена она не в столько в адрес царя-юбиляра, который ушел в историю, сколько русского общества, готового забыть кровавое прошлое и умиляться величию самодержца и проводившимся им преобразованиям.

Своеобразно был отмечен двухсотлетний юбилей Петра I в русской живописи. В предъюбилейном 1871 г. на первой выставке русских художников из товарищества передвижников особым вниманием зрителей и критиков пользовалась картина Н.Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе»¹¹⁰. Интерес к ней был не случаен. В ней исключительно остро и выразительно была представлена художественная трактовка темы, относящейся к самодержавию, которая в условиях нарастания кризиса российской политической системы становилась особенно актуальной. Тем более это относилось к Петру Великому как к основоположнику российского самодержавия нового времени, в котором такая важнейшая черта, как неограниченная власть царя, сохранялась и не затрагивалась буржуазными реформами. Другой причиной особого внимания к картине являлась то, что темой ее также стал наиболее драматический эпизод петровского царствования, связанный с отношениями царя с сыном и с трагической гибелью царевича, а ее художественная трактовка ярко и убедительно вскрывала характеры действующих лиц этой исторической драмы. Общественная дискуссия о Петре I и о роли его в деле царевича, начатая А.И. Герценом, историками М.И. Семевским и Н.Г. Устряловым, была ярко продолжена выдающимся живописцем Н.Н. Ге с опорой на силу искусства и глубокой художественной выразительности. Не случайно поэтому, как справедливо отмечала О.Б. Леонтьева, «картина по праву признана шедевром

¹⁰⁹ Апухтин А.Н. По поводу юбилея Петра Первого // Нива. 1918. Э 30. С.467.

¹¹⁰ Николай Николаевич Ге. М.: Директ-Медиа, 2010. С.26-27.

реалистической исторической живописи»¹¹¹. Уже в первом отклике на появление этой картины, написанном искусствоведем-критиком В.В. Стасовым, произведение Н.Н. Ге не случайно оценивалось как «новая наша чудесная картина»¹¹².

Отзыв на эту картину В.В. Стасова свидетельствовал о самых широких возможностях, которое имело произведение, созданное Н.Н. Ге, в осмыслении сложной и внутренне противоречивой темы отношения Петра I к сыну, который противопоставил себя как враг отцу и делу всей его жизни, а также более общей проблемы российской самодержавной власти. В картине он как критик увидел яркие образы царя и царевича, которым дал свою характеристику в форме вербального истолкования этих визуальных образов. Царь на картине, по словам В.В. Стасова – «сама энергия, непреклонная и могучая воля, великан-красавец в Преображенском кафтане и высоких военных сапогах». Напротив, царевич «ничтожен, он презрен, он гадок в своей бледности и старообрядческой трусости»¹¹³. Такое отношение к образам Петра I и царевича Алексея разделял М.Е. Салтыков-Щедрин. Он писал, что, «по-видимому, личность Петра чрезвычайно симпатична г-ну Ге»¹¹⁴. По его словам, на картине царь «суров и даже жесток». Но при этом «жестокость его осмыслена и не имеет того характера зверства для зверства, который отличает жестокие действия временщиков позднейшего времени»¹¹⁵, прототипы которых он вывел в образах глумовских градоначальников из «Истории одного города». И, более того, по его словам, «фигура Петра представляется исполненной той светящейся красоты, которую дает человеку только, несомненно, прекрасный внутренний его мир»¹¹⁶, - подводил итог он своему впечатлению от петровского образа на картине Н.Н. Ге.

Но отношение к делу царевича Алексея и к Петру I как к вершителю его судьбы было на самом деле в картине Н.Н. Ге значительно сложнее. Это глубоко

¹¹¹ Леонтьева О.Б. Указ. соч. С.267.

¹¹² Стасов В.В. Передвижная выставка 1871 года // Избранные сочинения в трех томах. М.: Искусство, 1952.

¹¹³ Там же. С.205

¹¹⁴ Салтыков-Щедрин М.Е. Первая русская передвижная художественная выставка // Собрание сочинений в 20-ти т. М.: Художественная литература, 1970. Т.9. С.229.

¹¹⁵ Там же. С.229.

¹¹⁶ Там же. С.231.

и пронизательно отметил В.В. Стасов. Симпатии и художника, и его критика к царю и к его делу, направленному на преодоление отсталости страны, к его европейскому выбору, несомненна. Если б их отношение исходило только из этого, то оно не выходило бы за рамки отношения к царю как к идеальному правителю новой России, характерного для бывшего императора Николая I, который, по меткому замечанию В.И. Порудоминского, «натягивал на себя халат Петра Великого и мнил, что осчастливит Россию своими указами»¹¹⁷.

Однако в картине Н.Н. Ге присутствовал также второй план. Указывая на него, В.В. Стасов подчеркивал противоречие в личности царя, выраженное в картине и трагически сказавшееся на судьбе цареви́ча. «Петр I был великий, гениальный человек - в этом никто не сомневается; но это еще не резон, чтоб варварски, деспотически поступать с своим собственным сыном и, наконец, чтоб велеть задушить его, после пыток, подушками в каземате»¹¹⁸, - писал он. Несомненна психологическая глубина картины. Как верно заметил искусствовед Хуан Мин-Хун, Н.Н. Ге при этом «укрупняет и усложняет образы», тем самым «превращая случившийся факт в явление истории»¹¹⁹. К такому явлению истории он относил самодержавный деспотизм как общее явление истории самодержавия. Что же касается психологической стороны, то художник нашел наиболее острый эпизод в деле цареви́ча. В.И. Порудоминский правильно отметил, что Н.Н. Ге «пишет сложную и жуткую психологическую драму»¹²⁰, но совершенно без внешних эффектов.

Так начиная с картины Н.Н. Ге живопись, посвященная петровской теме, одной из главных для русской истории, мощно проявила себя в общественной дискуссии о самодержавной власти нового времени, о возможности сочетания действий монарха на благо страны и народа и проявлений тирании ради достижения этой цели. Несомненна правота современников и позднейших исследователей, дававших этой картине самую высокую оценку. Но при этом

¹¹⁷ Порудоминский В.И. Николай Ге. М.: Искусство, 1970. С.52.

¹¹⁸ Стасов В.В. Указ. соч. С.210

¹¹⁹ Хуан Мин-Хун. Указ. соч. С.13.

¹²⁰ Порудоминский В.И. Указ. соч. С.56.

совершенно очевидно, что ответа на этот вопрос, так волновавший русское общество того времени, Н.Н. Ге в своем произведении не давал. Он лишь еще более заострял его, приковывал к нему внимание не только научной и творческой интеллигенции того времени, но и более широкие слои населения, которые посещали выставки картин и интересовались живописью.

Вместе с тем картина Н.Н. Ге означала начало нового этапа трактовки образа Петра Великого в русском искусстве. Это уже не «Кумир на бронзовом коне», который «На высоте, уздой железной Россию поднял на дыбы»¹²¹, но царь, не останавливавшийся ради своего дела перед расправой с сыном, не пожелавшим следовать по его пути. Или жестоко расправляющийся с восставшими стрельцами, поскольку впечатления от стрелецкого бунта, пережитого десятилетним царевичем Петром в 1682 г., были очень глубоки. С новым, но совершенно не торжественным юбилеем, двухсотлетием событий этого бунта, которое в России не отмечали, почти совпала девятая выставка передвижников. Она состоялась в 1881 г., и на ней также в центре внимания оказалась картина выдающегося мастера исторической живописи В.И. Сурикова «Утро стрелецкой казни»¹²². Казнь происходила в Москве не за двести лет до выставки картины, но 30 сентября и 11 октября 1698 г.¹²³, и хорошо запомнилась в народе. Она также служила основанием для обвинения Петра I в злодействе современниками и потомками, не в меньшей степени, чем гибель царевича. Ответ на это обвинение давал М.В. Ломоносов как решительный апологет Петра I. Он оправдывал все действия царя по подавлению стрельцов и старообрядцев. В своей «героической поэме» «Петр Великий» он приводил слова царя, которые тот будто бы говорил настоятелю Соловецкого монастыря Фирсу во время своей поездки в монастырь. «Ты ведаешь раскол, что начал Аввакум И Пустосвят-злодей, его сообщник дум, Невежество почет за святость старой веры, Пристали ко стрельцам ханжи и лицемеры: Хованский с сыновь ми, и Мой, и церкви враг, Не устыдился быть в

¹²¹ Пушкин А.С. Медный всадник // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1975. Т.3.С.262, 266.

¹²² Василий Иванович Суриков. М.: Директ-Медиа, 2010. С.10-11.

¹²³ Павленко Н.И. Петр Первый. М.: Молодая гвардия, 1976. С.73.

совете побродяг»¹²⁴, - говорил он об опасности со стороны стрельцов, еще в 1682 г. совместно выступавших со старообрядцами.

Как и в картине Н.Н. Ге, экспонировавшейся за десять лет до «Утра стрелецкой казни», в произведении В.И. Сурикова представлено столкновение старой и новой России. Но если в картине Н.Н. Ге оно дается в контексте глубочайшей драмы в царской семье, то В.И. Суриков показал столкновение царя не со своим непутевым сыном, но со значительной частью народа, закоснелого в своем традиционализме и невежестве. Суриковский Петр I представлял, безусловно, Россию новую, стремившуюся в европейский мир, к западному просвещению. Тем не менее, безоговорочного оправдания действий царя у художника нет. Мастер показал Петра I молодым и сильным, безусловно уверенным в виновности стрельцов и в опасности стрелецкого бунта для государства, которое ему вверено. Безусловно уверенным в своей правоте, что и выражал его взгляд. Но если эту уверенность готовы были разделять петровские апологеты XVIII в. наподобие М.В. Ломоносова и И.И. Голикова, если апологеты первой половины XIX в. предпочитали по этой острейшей теме прямо не высказываться, то в пореформенный период положение изменилось. Российская общественно-историческая мысль, признавая исторические заслуги первого императора в выводе страны на более высокий уровень в своем развитии, не готова была скатываться к апологетике прежних лет и без всяких оговорок оправдывать творимые царем-преобразователем ужасы. Сила мастерства выдающегося художника проявилось в том, что он не указал при изображении этой исторической сцены позитивного начала, не расставил все точки, как бы приглашая зрителя к размышлению над необходимыми для страны петровскими реформами и над тем, что стоило для русского общества проведение этих реформ петровским самодержавием. Страшным представлялась зрителю стихия народного бунта, ярко выраженная в образе одного из стрельцов, с ненавистью смотревшего на царя, восседавшего на коне. Страшной представлялась и сила

¹²⁴ Ломоносов М.В. Петр Великий. Героическая поэма // Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т.8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. С.716.

самодержавия, готового для достижения своих целей к тиранству, не считавшегося с людьми, их традициями и культурой.

Еще одним крупнейшим произведением русской живописи, содержащим образ Петра I и относящимся к пореформенному времени, была картина В.А. Серова «Петр I»¹²⁵. Создана картина была в 1907 г., в год не юбилейный. Тем не менее, следовавшие в начале столетия одна за другой юбилейные даты, актуализировали в русском общественно-историческом сознании петровскую тему. Кроме того, завершавшаяся в 1907 г. революция вновь со всей остротой ставила перед обществом вопросы об объективной необходимости для него коренных перемен, но в то же время и о степени готовности общества к ним, а также о методах их проведения. В.А. Серов наглядно показывал зрителю Петра Великого как личность, наделенную несокрушимой волей, готовую во благо, как ему казалось, отечества, отцом которого он был титулован в 1721 г., преодолевать любое препятствие и сопротивление, не считаясь ни с чем и ни с кем. Но выдающийся мастер не менее наглядно выразил несоответствие между настроением царя и готовностью его к преобразованиям, и настроением петровской свиты, сопровождающей монарха. Он показал, насколько противоречил их культуре и традиционному укладу их жизни переезд на завоеванный выход к морю, переселение из спокойного и хорошо устроенного московского быта в возводившийся по воле самодержца Петербург. А по существу, он показал, насколько русское общество не было готово к переменам, которые несла ему вся политика Петра Великого.

Заметно скромнее проходило празднование в 1896 г. двухсотлетия взятия русскими войсками во главе с Петром I Азова. Такая скромность могла объясняться тем, что было хорошо известно об утрате Россией Азова после неудачного Прутского похода 1711 г. Несомненно, что более широко праздник проходил в самом Азове, имевшего в то время статус посада Ростовского округа Области войска Донского. Местная пресса уделяла этому юбилею заметное внимание. Газета «Приазовский край» сообщала о заседании по вопросу

¹²⁵ Валентин Александрович Серов. М.: Директ -Медиа, 2009. С.30.

празднования Азовской городской думы. На заседании было принято постановление о сооружении в Азове памятника царю за счет городских сумм и частных пожертвований. Также было принято решение о ходатайстве присвоения азовской мужской прогимназии наименования «Петровской». В зале городской думы 19 июля был проведен торжественный обед в честь двухсотлетия азовского присоединения. «Приазовский край» приводит сведения о меню этого обеда. Это был «перечень следующих яств: водка – а-ля флот, закуска – Петровские крендели, щи – Преображенские, каша – Семеновская, суп а-ля Полтавский бой, осетрина – Корабельная, соус – Маршальский, птица и дичь – Азовские, десерт – Царская забава, кофе – а-ля Нева»¹²⁶. Такая прямая связь между названиями блюд и юбилеем свидетельствует о мещанских вкусах организаторов из городской думы.

В связи с основанием Таганрога в 1698 г. в городе напротив городского сада был установлен в 1903 г. памятник Петру I работы М.М. Антокольского. В настоящее время, как и желал А.П. Чехов, принимавший самое активное участие в установлении монумента, памятник стоит на высоком берегу Азовского моря¹²⁷. О своем видении памятника на морском берегу великий русский писатель упоминал в письме от 16 апреля 1898 г. таганрогскому врачу П.Ф. Иорданову. Соглашаясь с высокой оценкой памятника М.М. Антокольского своим адресатом, А.П. Чехов писал: «Это памятник, лучше которого не дал бы Таганрогу даже всесветный конкурс, и о лучшем даже мечтать нельзя. Около моря это будет и живописно, и величественно, и торжественно, не говоря уж о том, что статуя изображает настоящего Петра, причем Великого, гениального, полного великих дум, сильного»¹²⁸. Идея постановки памятника Петру Великому в Таганроге была весьма популярна среди мастеров монументальной скульптуры. В другом письме П.Ф. Иорданову, от 3 мая того же года, А.П. Чехов указывал, что «Бернштам с

¹²⁶ Приазовский край. 1896. № 197 от 25 июля.

¹²⁷ Бодик Л.А., Гришков Я.Г., Пушкаренко А.А., Тоценко Л.Т. Таганрог. Историко-краеведческий очерк. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1971. С.80; Донскова Л.А. Антокольский Марк Матвеевич // Таганрог. Энциклопедия Таганрог: ООО «Антон», 2008. С.189-190; Таганрог. М.: Планета, 1987. С.56.

¹²⁸ Чехов А.П. Письмо П.Ф. Иорданову от 16 апреля 1898 г. // Собрание сочинений в 12-ти т. М.: Художественная литература, 1964. Т.12. С.203-204.

радостью взялся бы за статую для Таганрога». Из этого же письма известно, что мастер Л.А. Бернштам считал, что на этом памятнике «Петр должен быть молодым, каким он был, когда основывал Таганрог»¹²⁹. Образ царя был в видении Л.А. Бернштама романтическим¹³⁰, что соответствовало особенностям его художественного мышления.

На 28 сентября 1908 г. предусматривалось празднование двухсотлетия победы корволанта Петра I над корпусом генерала Левенгаупта у деревни Лесная. Свои проекты празднования, с выездом на место события выдвинули Русское Императорское военно-историческое общество и штаб Виленского военного округа. В проекте округа говорилось о проведении торжественного богослужения и парада, а также о краткой лекции о сражении, с указанием событий на местности¹³¹. В проекте Военно-исторического общества говорилось, кроме того, об освещении братской могилы. На этом освещении, помимо военного начальства, должно было присутствовать местное земское и уездное начальство, включая станового пристава Евневича, который обнаружил эту могилу, а также местные жители¹³².

Для празднования двухсотлетия Полтавской битвы была образована межведомственная комиссия под председательством генерала от кавалерии барона Бильдерлинга, в состав которой вошли представители духовенства, министерств императорского двора, военного, морского, внутренних дел, народного просвещения, петербургский градоначальник и петербургский городской голова¹³³. Подготовкой сценария праздника занималась церемониальная часть министерства императорского двора. В проекте празднования юбилея Полтавской битвы 1909 г. была заложена смета расходов. Но если комиссия запросила на празднование 416580 рублей, то эти расходы были

¹²⁹ Чехов А.П. Письмо П.Ф. Иорданову от 3 мая 1898 г. // Там же. С.205.

¹³⁰ Для работ А.Л. Бернштама были характерны также черты салонного искусства, что проявлялось в его проекте памятника Петру I, о котором писал А.П. Чехов. См.: Муратов А.М. Бернштам // Большая Российская энциклопедия. М.: Научное изд-во БРЭ, 2005. Т.3. С.400.

¹³¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф.11. Оп.1. Д.40. Л.14.

¹³² Там же. Л.11.

¹³³ РГИА. Ф.473. Оп.2. Д.1378. Л.11-11 об.

сокращены до 240000 рублей¹³⁴. Вообще в документах о подготовке полтавского юбилея финансовый вопрос иногда возникает, причем указывается на нехватку отпускаемых средств. Так, по докладной записке временного комитета о праздновании двухсотлетия сампсониевского храма, заложенного Петром I в год полтавской победы, указывалось на значительный дефицит средств на приготовление к празднованию храма, который составлял от 10 до 20 тысяч рублей¹³⁵.

Свой проект празднования полтавского юбилея предложило Военно-историческое общество. По своей направленности он не отличается от проекта министерства императорского двора. Несколько более в проекте исторического общества усилена мысль о необходимости того, чтобы в мероприятиях приняли как можно более широкое участие «высшие государственные установления и высшие чины Империи». И тогда «ближе подойдет это празднование к обычаям Петровского царствования и к мыслям ПЕТРА, конечно никогда не забывавшего отметить день Полтавы особым торжеством»¹³⁶.

Порядок празднования полтавского юбилея в Одессе был тщательно расписан в проекте одесского городского отдела Военно-исторического общества¹³⁷, по образцу росписи юбилейных церемоний.

Об организации лекционных чтений для народа к Военно-историческому обществу обращалось отделение Союза русского народа на Петроградской стороне, и договор о чтении лекций был заключен¹³⁸. Для пропаганды знаний о Полтавской битве и о деятельности Петра I Военно-историческое общество объявило конкурс на подготовку популярной брошюры. Предусматривалось издание брошюры, победившей на конкурсе, с уплатой гонорара автору в 300 рублей¹³⁹. Юбилей вместе с тем дал повод для ходатайства об издании пятого тома труда Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого», который не

¹³⁴ Там же. Л.15.

¹³⁵ Там же. С.36-36 об.

¹³⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф.11. Оп.1. Д.40. Л.3-3 об.

¹³⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф.11. Оп.1. Д.47. Л.83-84.

¹³⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф.11. Оп.1. Д.40. Л.71-72 об.

¹³⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф.11. Оп.1. Д.22. Л.1.

был издан. С письмом в Военно-историческое общество об этом издании обратился внук известного историка, В.Ф. Устрялов¹⁴⁰.

По описанию торжеств 1909 г. по случаю двухсотлетия Полтавской победы очень заметна религиозная составляющая празднования, причем в такой степени, которой не было при праздновании двухсотлетия со дня рождения Петра I. «Санкт-Петербургские ведомости» описывают несколько крестных ходов, которые направлялись к часовне Спасителя в домике Петра I, с молебном перед иконой Спаса Нерукотворного, «сопутствовавшей Петру Великому в его походах». Кроме религиозных церемоний, частью праздника стало открытие на берегу Невы против здания главного адмиралтейства нового памятника Петру I. Этот памятник был отлит из бронзы в Париже по модели скульптора Л.А. Бернштама и изображал царя в драматический момент спасения утопающих, на котором «фигура Царя дышит мощью и безграничной отвагой»¹⁴¹. Между тем, этот памятник как бы отсылал к традиции двухсотлетнего прошлого. «После Полтавы изобразительное искусство открыто характеризовало Петра как императора и бога»¹⁴², - вполне справедливо замечал Ричард С. Уортман. Несомненно, что черты Петра Великого на памятнике напоминали своего рода божество, спасающего людей от гибели в водяной пучине. Этому способствовала такая деталь, как мощные руки царя, обхватывавшие двух спасенных им рыбаков¹⁴³.

С двухсотлетием битвы под Полтавой было связано посещение Николаем II Полтавы и Киева. В газетном описании этих посещений двухсотлетие битвы как повод было упомянуто только один раз – при описании торжественной встречи царя с волостными старшинами Полтавской губернии и с представителями мещанства. Что же касается посещения царем Киева, то в газетном сообщении о Полтавской битве, юбилей которой был вообще-то поводом для поездки царя в

¹⁴⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф.11. Оп.1. Д.40. Л.26-27.

¹⁴¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 143 от 28 июня.

¹⁴² Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: О.Г.И., 2002. Т.1. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. С.77.

¹⁴³ Северюхин Д.Я. Любимый скульптор Государя // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. М.; СПб: Atheneum Феникс, 1993. С.252-253.

Полтаву и Киев, не упоминалось вообще. Все внимание было привлечено к торжественной встрече императора, к народным гуляниям и к выражению народом своих монархических чувств¹⁴⁴.

Особенностью юбилейных газетных материалов о датах, связанных с Петром I, было сочетание сообщений о празднованиях в стиле репортажа с материалом, который должен был оказаться интересным для серьезного читателя. Большой материал такого рода был помещен в «Санкт-Петербургских ведомостях» без авторской подписи, и которая может считаться поэтому редакционной. В ней подчеркивается, что и при жизни «у Петра было больше врагов, чем друзей», «сознательных и бессознательных», в том числе в «народе», когда «одни называли его антихристом, другие – не настоящим, подмененным царем». Как своего рода особый исторический феномен подается факт, что в условиях «полувосточного московского трона рождается лицо, с ранних лет обреченное гибели своею роднею». Но среди всей своей родни он занимал совершенно особое место, «в этом юноше горит искра высокого призвания», И в результате юноша-царь «вырастает в гиганта; гигант берет на свои здоровые плечи целое царство и разом выносит его на свет Божий, на свет европеизма». «Гений взял свое над предубеждениями темной массы», - подчеркивал автор. Но он ведет полемику с современными критиками Петра I, обвинявшими царя в самых ужасных поступках вроде того, который привел к гибели царевича Алексея, причем, как признает автор, обвинявших справедливо. Однако он подчеркивал, что говорить «об историческом лице, забывая ужасающие нас теперь нравы и другие условия эпохи, в которую он жил, - едва ли позволительно не только историку, но и всякому, кто желает получить или передать другим ясное и правдивое представление об этом историческом лице». Главное, по мнению автора, что оставил Петр I в качестве завещания, было то, что следует продолжать идти по пути «великого прогрессивного движения, во главе которого стоял Петр»¹⁴⁵, и это по существу была защита дела Петра I от консервативной

¹⁴⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 144 от 1 июля.

¹⁴⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 147 от 30 мая.

критики. Более определенно о развитии просвещения и образования в стране как о важнейшей стороне заветов Петра I говорится в редакционной статье без подписи в «Московских ведомостях». «Русская школа, устроенная по европейски, должна трудиться в Петровском духе, чтобы выдвинуть наконец наш народ в Европу как члена во всех отношениях полноправного»¹⁴⁶, - подчеркивал автор. Изложение речи преподавателя новочеркасской гимназии Н.А. Норова на праздновании двухсотлетия со дня рождения Петра I приводит газета «Донские войсковые ведомости». Норов подчеркивал, что «Петр Великий с одной стороны заканчивает старую Россию, а с другой – начинает новую», и народ «после восьмивекового движения на восток, круто начал поворачивать на запад». По его словам, реформы Петра I относились не только ко времени его царствования. Россия «обязана ему и современным нынешним своим состоянием. Современная нам действительность – великое наследие Великого Петра»¹⁴⁷, - делал он общий вывод. Этот вывод также представлял собой ответ консервативным критикам петровских реформ и, возможно, апологетам донской казачьей допетровской вольной старины.

Говоря о восприятии русским обществом смерти Александра I, Р.С. Уортман справедливо отмечает: «"Кульτ памяти" усопшего монарха становится неотъемлемой частью сценариев русской монархии в XIX столетии»¹⁴⁸. Но эта мысль может быть дополнена тем, что подобный культ распространялся не только на память об императорах этого столетия, но и на память о Петре Великом.

Таким образом, празднование во второй половине XIX – начале XX вв. юбилейных дат, связанных с Петром I и его деятельностью, свидетельствует о сохранении и о прочном закреплении в исторической памяти русского общества имени царя и важнейших событий его царствования. В разных слоях общества проявлялось глубоко позитивное отношение к царю. Вместе с тем в посвященных петровским юбилеям статьях имела место скрытая полемика с критиками Петра I, причем не называвшиеся, но подразумевавшиеся современные критики

¹⁴⁶ Московские ведомости. 1872. № 134 от 30 мая.

¹⁴⁷ Донские войсковые ведомости. 1872. № 21 от 30 мая.

¹⁴⁸ Уортман Р.С. Указ. соч. С.361.

связывались с критиками петровского времени из разных слоев общества, в том числе с теми критиками из народа, кто выдвинул теорию Петра I как царя-антихриста или подмененного царя. Юбилейные даты, имевшие отношение к Петру I, всемерно использовались для укрепления пропаганды и монархических чувств. Проводилась мысль о том, что нужные для страны преобразования возможны только при единении российской монархии и общества. Образ Петра Великого служил при этом примером того, как под властью самодержавия обеспечиваются условия для развития страны, для вступления ее в ряды ведущих стран Европы.

1.3. Образ Петра I в славянофильской и консервативной публицистике

Традиции освещения жизни и деятельности Петра I, формирования его образа с консервативных позиций сложились в отечественной общественной и исторической мысли еще в эпоху Просвещения и развивались в эпоху романтизма. Характеристики Петра I авторами этого времени, относившимися к кругу дворянских консерваторов, основывались на двух положениях. С одной стороны, признавалась необходимость для страны проведенных царем преобразований. Общему направлению его деятельности и его личности давалась положительная оценка. Но, с другой стороны, при этом допускалась критика Петра I, содержание которой сводилось к тому, что при проведении реформ разрушались обычаи, освещенные традицией и стариной, насаждались чуждые народу и его культуре нововведения, а в разные структуры управления входили люди незнатного происхождения и иностранцы. А это уже, в свою очередь, имело целый ряд негативных последствий. О важнейшем из них такой консервативный критик Петра I, как князь М.М. Щербатов, писал с яркими подробностями и на

самом высоком художественном уровне для русской литературы своего времени как «О повреждении нравов в России». Это давало основание для критики самого Петра I, которая, однако, звучала весьма осторожно и сдержано.

Со второй трети XIX в., когда сформировалось славянофильство, оно восприняло консервативный подход к освещению отечественного прошлого. Определялся он его идеализацией и неприятием изменений, которые были направлены на разрушение сложившейся за века существования российского общества и государства культурно-бытовой самобытности. Эта самобытность составляла для славянофилов своего рода исторический идеал, к всемерному сохранению которого они призывали русское общество. Они при этом, однако, допускали, что далеко не все, существующее и утвердившееся в стране, соответствовало этому идеалу. Это давало основание относить их к либеральному направлению общественной мысли. Подобное отношение к традициям и новым явлениям вызывало с неизбежностью их интерес к жизни и деятельности первого российского императора и стремление дать оценку его делам и их результатам для общества, последствиям, которые они имели.

При этом характеристики первого российского императора и результатов его деятельности в славянофильской общественно-исторической мысли середины – второй половины XIX в. вовсе не сводились к прямому и одностороннему одобрению или отрицанию того, как это было в отечественной общественной мысли более раннего времени. Совершенно очевидно, что в подходе к истории страны, в том числе к Петру I, были усвоены начала диалектики великого немецкого философа Г. Гегеля. Диалектика в гегелевской философии истории получила самое широкое признание в России, она давала несравненно большие возможности для углубленного понимания сути исторических и культурных явлений и процессов, чем это было в более ранний период XVIII – первой половины XIX вв.

Такой подход к оценке Петра I нашел свое выражение в магистерском сочинении 1846 г. кандидата философского факультета московского университета К.С. Аксакова. «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». В

результате петровских реформ русское общество, по словам К.С. Аксакова, было освобождено «от оков исключительной национальности». Само упоминание о «национальности» ясно указывает на славянофильство К.С. Аксакова, для которого «национальность» составляет историческую ценность и органичный, исторически сложившийся признак общества и государства. Но, как мыслитель середины XIX в., усвоивший диалектический подход Гегеля, он видел «национальность» как явление сложное и противоречивое. Отсюда он говорил не только о позитивных сторонах национальной исторической традиции, но и о том, что оно могло быть вместилищем «оков», налагавшихся на общество. В этой связи освобождение от таких «оков» он считал положительным результатом всей деятельности Петра I. Но К.С. Аксаков видел результат деятельности Петра I не только в освобождении от «оков». Другим результатом стал наступивший со времени петровских реформ в российской истории и культуре «период безотчетного подражания чужому, наставший логически и необходимо непосредственно за предыдущим». Следовательно, результатом деятельности Петра I и освобождения им общества от «оков» стал период, имевший свои негативные последствия. Ответом на тезис стал, таким образом, антитезис, или отрицание царем-реформатором предыдущего периода в истории и культуре страны с его «оковами». Но за таким отрицанием следует новая стадия в отечественной истории и культуре, когда общество отошло от понимания своего прошлого как только «оков» и стало осознавать то, что и в нем имелись стороны, представлявшие ценность. Поэтому не случайно, по словам К.С. Аксакова, «мы с полным сознанием, свободные от всякой возможной односторонности, возвращаемся к нашей истории, к нашей жизни, к нашему отечеству». На место антитезиса становится синтез, поскольку К.С. Аксаков писал не просто о возвращении к прошлому, о восстановлении всего того, что было до Петра Великого. В русском обществе произошло «сознательное возвращение к себе», причем такое «сознательное» действие стало как раз результатом долговременных и глубоко позитивных последствий реформ Петра I. «Просвещение Запада», - вот что явилось итогом петровских реформ, но «возвращение к себе», которое

наблюдал К.С. Аксаков, было «результатом этого просвещения». Благодаря Просвещению как прямому последствию реформ Петра I, отмечал К.С. Аксаков, «мы нашли доказательство, сильную опору нашему национальному чувству; мы поняли необходимость национальной стороны и в то же время ее значение и место»¹⁴⁹. Просвещение, следовательно, придало «национальному чувству» новую качественную основу. Это произошло как раз благодаря такому качественному изменению в русском сознании, которое с неизбежностью следовало за количественным накоплением знаний и просвещенности, в соответствии с гегелевским диалектическим законом перехода количественных изменений в качественные. Благодаря просвещению, подчеркивал К.С. Аксаков, «сознательным путем дошли мы до необходимости национальной жизни»¹⁵⁰. Таким образом, по мысли К.С. Аксакова, Петр I заложил необходимые исторические предпосылки не только для просвещения, но и для появления в будущем славянофильской идеи.

Некоторое уточнение к своей характеристике Петра I К.С. Аксаков внес в своей более поздней газетной статье «О современном литературном споре». Он более четко отметил, что Петр I совершил переворот, но «в перевороте была правда». Правда была, по его словам, в том, что «Русь, не до-Петровская, а перед-Петровская, замешкалась», что «в ней была ложь». Эта «ложь» заключалась в «коснении», «несвойственном» вообще-то для Руси. По К.С. Аксакову, причиной этому было «нарушение земского голоса», или нарушение земских основ управление делами общества и государства. Конкретно же эта причина состояла в том, что «в нарушение земского голоса ... стрельцы, произвольно определяющие царей, без совета всей земли, являют это нарушение». Как отмечал К.С. Аксаков, против этой «ограниченности» «восстал Петр», причем «с мыслью просвещения и пользования благами всех народов». Таким образом, Петр I выступил у К.С. Аксакова как защитник народа и исторически сложившейся в России земской системы управления. Но при этом, «восставши против односторонности, он ввел

¹⁴⁹ Аксаков К.С., Аксаков И.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.117.

¹⁵⁰ Там же. С.118.

новую страшную односторонность», и об этом К.С. Аксаков четко говорил в статье о М.В. Ломоносове. В этом уточнении выразилось стремление К.С. Аксакова как славянофила к идеализации русской старины. Причина, оказывается, заключалась только в «коснении» в период непосредственно перед петровскими реформами, а виновниками оказались стрельцы, действовавшие «без совета всей земли»¹⁵¹. Таким образом, К.С. Аксаков по существу резко снижал значение реформ Петра I. Их позитивную роль он видел лишь в устранении «коснения», «несвойственного» России в целом, но наступившего вдруг по неясным причинам накануне петровских реформ. Такая защита старой России не может не быть признана слабой, поскольку она, не давая объяснения вдруг наступившим негативным процессам, и была неисторичной, поскольку не дала объяснение, как такое «коснение» могло возникнуть внезапно, в нарушение идеи органичности исторического развития, которая признавалась в исторической мысли, начиная с эпохи романтизма.

Более резкая критика Петра I с точки зрения славянофила звучала у К.С. Аксакова в ответ на заявление В.Г. Белинского, что реформы первого российского императора «не уничтожила, не разрушила стен, отделявших в старом обществе один класс от другого», но «наклонила их набок». К.С. Аксаков с этим решительно не согласен. «Петр не только не пошатнул стены между сословиями, но он-то и построил их. В старину до Петра Великого их вовсе и было»¹⁵², - указывал он. В отношении Петра I данное замечание К.С. Аксакова было критическим. Он, как и славянофилы в целом, упрекали царя за разделение русского общества на классы. На несправедливость этого упрека указывалось неоднократно. В самом деле, русское общество и в допетровский период было разделено на классы, и такое разделение было совершенно для многих очевидно. Но верным в этом упреке было то, что такое разделение стало более отчетливым, оно усилилось и приобрело новый оттенок, который состоял в различии на уровне культуры. Так, если дворянство благодаря петровским реформам стало активно воспринимать

¹⁵¹ Аксаков К.С., Аксаков И.С. О современном литературном споре. Указ. соч. С.179.

¹⁵² Аксаков К.С., Аксаков И.С. Три критические статьи г-на Имрек. Указ. соч. С.172.

западноевропейскую культуру, то большинство народа оставалось в своей традиционной культуре. Поэтому можно было бы говорить о том, что Петр I своими реформами не положил начало разделению русского общества на классы, но усилил его и вывел его на уровень культурных различий. Вместе с тем данный упрек Петру I был для К.С. Аксакова как для славянофила не случаен и представлял собой оборотную сторону идеализации в славянофильской общественно-исторической мысли старой допетровской России.

Еще раз эту мысль К.С. Аксаков высказал в своей рецензии на первый том «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, представлявшей собой черновую и незавершенную рукопись. В ответ на утверждение С.М. Соловьева, «что Петр был продолжателем, что дело заимствования от иностранцев полезного было еще до него», он заявлял, что заимствования в русской жизни были и ранее, но носили они иной характер, чем при Петре I. Еще со времен Древней Руси, после принятия христианства, по словам К.С. Аксакова, у нас «перейдены были границы исключительной национальности во имя Христианской Веры». «Дух нашего народа есть христианско-человеческий»¹⁵³, - подчеркивал К.С. Аксаков, говоря, что заимствования были для русского народа вовсе не чужды. Однако, по его словам, до Петра I «принимали одно полезное от иностранцев, не заимствуя чужой жизни, но оставаясь при своей жизни». В результате «Россия оставалась самостоятельной». Но Петр I, «напротив, стал принимать все от иностранцев, не только полезное и общечеловеческое, но и частное, национальное». По его оценке, такое восприятие «непременно стало не свободным заимствованием, а рабским подражанием»¹⁵⁴. И вообще, в России исторически сложился «добровольный союз» «Земли и Государства» как своеобразная система управления делами общества и государства. Но «вся эта система нарушилась Петром»¹⁵⁵. В этих словах критическое отношение к Петру I с позиций К.С. Аксакова как славянофила выражено очень отчетливо. Но при этом общий

¹⁵³ Аксаков К.С., Аксаков И.С. Несколько слов о русской истории, возбужденных Историею г. Соловьева //Указ. соч. С.212.

¹⁵⁴ Там же. С.211.

¹⁵⁵ Там же. С.226.

уровень критики был несколько ниже, чем в магистерском сочинении о М.В. Ломоносове. Такая критика соответствует критике Петра I, которая шла еще от Н.М. Карамзина в его записке «О древней и новой России», когда автор записки, давая общую оценку результатов деятельности царя, заявлял: «Мы стали гражданами мира, но перестали в некоторых случаях быть гражданами России. Виною Петр»¹⁵⁶.

Еще одно обвинение Петру I от К.С. Аксакова состояло в том, что первый российский император придал России «внешнего величия, но внутреннюю ее целостность он поразил растлением»¹⁵⁷. Причину он видел в том, что «петровская система» была прочно соединена «с чувством рабским, которое порождает власть правительственная». Такое чувство, распространившееся в народе, вело к тому, что «с этим рабским чувством соединяется чувство бунтовщика». Несомненно, отмечал он, что «рабы сегодня – бунтовщики завтра; из цепей рабства куются беспощадные ножи бунта»¹⁵⁸. Под рабством в данном случае К.С. Аксаков имел в виду крепостное право. Он предупреждал нового императора: «Чем долее будет продолжаться Петровская правительственная система ... тем более будут колебаться основы Русской земли, тем грознее будут революционные попытки, которые сокрушат, наконец, Россию»¹⁵⁹. Но «правительственная система», о которой говорил К.С. Аксаков, по его словам – «Петровская». И в этой связи, говоря об опасности, которую представляла для государства «Петровская правительственная система», он призывал императора к реформам. Но, не указывая при этом на конкретное содержание реформ, он отмечал, что в целом они должны были способствовать расставанию народа с «чувством рабским», им упомянутым. Так славянофильская критика реформ Петра I, дополненная консервативной идеализацией русской старины допетровского времени оказывалась соединенной с призывом к реформам, которые должны были

¹⁵⁶ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.293.

¹⁵⁷ Аксаков К.С., Аксаков И.С. Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II в 1855 г. Указ. соч. С.244.

¹⁵⁸ Там же. С.243.

¹⁵⁹ Там же. С.244.

разрушить существующую систему, основанную на крепостном праве, призывом вполне либеральным по своей направленности.

Критическое отношение к Петру I К.С. Аксакова было поддержано его братом, И.С. Аксаковым, в статье «Петербург и Москва», в которой автор-славянофил обратился к достаточно традиционной для этого направления теме антагонизма Санкт-Петербурга и Москвы. С основанием Петербурга И.С. Аксаков связывал негативные стороны деятельности Петра I. «Разрыв с народом, движение России по пути западной цивилизации, под воздействием иного просветительного начала, измена прежним основам жизни, поклонение внешней силе, внешней правде одним словом – вся ложь, все насилие дела Петрова, - вот чем окрашен был городок Питер-бурх при своем основании», - писал он. Но, между тем, основание Петербурга на отвоеванной у Швеции земле было одним из главных результатов деятельности Петра I. И.С. Аксаков признавал при этом также позитивную сторону петровских преобразований, наличие у них «всемирно-исторического содержания». Но вместе с тем, по его оценке, в деятельности Петра I «элементов случайности, временности, зла, насилия, лжи, запечатленных его необыкновенною личностью», «есть настолько же, если не более»¹⁶⁰, чем позитивных результатов. Обращает на себя внимание, что в данном отрывке И.С. Аксаков прямо связывал негативные стороны реформ Петра I с личностью самого императора. Тем самым в отношении критики Петра I И.С. Аксаков пошел еще дальше К.С. Аксакова и выразил ее более определенно.

Яркое высокохудожественное выражение негативных последствий реформ Петра I давал И.С. Аксаков в статье «Мы глупы и бедны». Как он писал, что в результате их до сих пор «мы живем жизнью не настоящею». В самом деле, «даже к концу XIX века, обретается вся наша интеллигенция расписанною по табели о XIV немецких рангах, и столицею русского народа и Святой Руси – город с немецким прозванием, чуть не за русским рубежом, где-то на Ингерманландской

¹⁶⁰ Аксаков И.С., Аксаков К.С. Петербург и Москва // Указ. соч. С.424.

трясине лицом к Европе, задом к России». И как вывод: «достойная иллюстрация этого исторического периода!»¹⁶¹

Видный либерал, земский деятель и славянофил А.И. Кошелев, представлявший свой проект отмены крепостного права, в статье «Земская дума в России», вышедшей в семидесятых годах, ставил вопрос о государственном строе в России. Он не соглашался с распространенной мыслью о том, что самодержавие обязательно связано с деспотизмом. Это было не случайно. В полном соответствии с реалиями времени Александра II, когда самодержавие, между прочим, выступило инициатором крестьянской реформы, продвигало другие реформы, такое заявление вполне объяснимо. По его словам, за нынешний век «самодержавная власть ... почти постоянно шла впереди не только народной массы, но и так называемого общества, или дворянства»¹⁶². Но это не означало, что он готов был оправдывать каждого отдельного самодержца и его деятельность. Это проявилось в его краткой характеристике царствования Петра I. «Царствование Петра I было временем страшнейшего деспотизма», - подчеркивал он; «крепостная зависимость была окончательно утверждена и распространена, до известной степени, на все состояния». Но этой точной и справедливой констатацией характеристику Петра I он не ограничивал и указал на противоречия его царствования. Этот царь, подчеркивал А.И. Кошелев, «явился на Руси в такое время, когда старые порядки отживали, и когда чувствовалась потребность в обновлении руководящих бытовых начал». Пребывание его за границей привело к тому, что он «был очарован успехами и действиями тамошнего просвещения». После этого он «решился приобщить свою страну к благам, им доставляемым, призвал оттуда много дельных и искусных людей, и тем соответствовал этой, смутно ощущавшейся тогда потребности обновления». Но эта положительная сторона его деятельности сочеталась с ее оборотной стороной, которой были методы петровского обновления. Он стал «беспощадно ломать старое, вводить новое и мало обращать внимание на действительные

¹⁶¹ Аксаков И.С., Аксаков К.С. Мы глупы и бедны // Указ. соч. С.719.

¹⁶² Кошелев А.И. Общая земская дума в России // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.379.

нужды и желания народа»¹⁶³, - отмечал А.И. Кошелев. Для него петровское самодержавие выступало очень наглядным примером того, как самодержавная форма власти, способная проводить необходимые для общества реформы и преобразования, при определенных исторических обстоятельствах может обернуться своей негативной стороной.

Другой выдающийся славянофил и деятель крестьянской реформы, Ю.Ф. Самарин, в своем труде «Стефан Яворский и Феофан Прокопович» давал анализ отношения Петра I к православной церкви в России и к религии вообще. Это была не только тема научного исследования, но и часть вопроса о месте церкви в государстве и обществе, который, также, относился к общественной мысли времени накануне отмены крепостного права и пореформенного времени. Он при этом не принимал популярной точки зрения, что Петр I просто стремился подчинить церковь. Им было четко показано, на какой основе царь строил свою политику в отношении церкви. Так как он был «по преимуществу гений практический», строивший государство, в котором был «полным властелином», то все остальное, в том числе церковь, «были ему доступны, во сколько они служат государству». В самой «религии Петр Великий видел необходимое условие могущества и благоденствия государства, основу народной нравственности, без которой не может быть прочного, истинного отношения между подданными и Государем»¹⁶⁴. Взгляд его на место церкви в государстве определял его представление о духовенстве. Поскольку, считал царь, «духовное сословие имело назначение трудиться для государства, и более никакого, то, следовательно, его устройство, управление, деятельность должны были условливаться государством как частный орган целым»¹⁶⁵, - писал Ю.Ф. Самарин. Отсюда шло упразднение патриаршества, которое им высмеивалось в известных «святотатственных оргиях»¹⁶⁶, и полное подчинение церкви государству. Положения и выводы Ю.Ф. Самарина, касавшиеся отношения Петра I к церкви и

¹⁶³ Там же. С.378.

¹⁶⁴ Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.107.

¹⁶⁵ Там же. С.114.

¹⁶⁶ Там же. С.137.

духовенству, позволяют более полно представить личность царя и его деятельность, направленную на всемерное укрепление государственного начала в жизни русского общества. Между тем, воззрения Ю.Ф. Самарина на Петра I казались опасными еще при Николае I. Н.И. Цимбаев приводил выдержку из дневника цензора А.В. Никитенко. В ней царь осуждал Ю.Ф. Самарина за то, что тот «пустил в народ опасную идею, толкуя, что русские цари со времени Петра Великого действовали только по наущению и под влиянием немцев. Если эта мысль пройдет в народ, она произведет ужасные бедствия». Эти слова отражают то, «что тревожило власть в идеях славянофилов»¹⁶⁷.

Видный представитель позднего славянофильства К.Н. Леонтьев в своем труде «Византизм и славянство» давал в целом позитивную оценку деятельности Петра I. Он подчеркивал, что этот царь создавал предпосылки для развития страны. По его словам, с Петра I в России «началось более ясное, резкое расслоение нашего общества, явилось то разнообразие, без которого нет творчества у народов». Несколько ниже К.Н. Леонтьев рассуждал также о положительном значении деятельности не только Петра I, но и Екатерины II. При всех различиях между ними оба выдающихся российских монарха XVIII в., по его мнению, делали общее дело. «Деспотизм Петра был прогрессивный и аристократический, в смысле вышеизложенного расслоения общества. Либерализм Екатерины имел решительно тот же характер. Она вела Россию к цвету, к творчеству и росту. Она усиливала неравенство. Вот в чем главная ее заслуга»¹⁶⁸, - писал он. В этом рассуждении К.Н. Леонтьева вызывает сомнение указание на «аристократический» деспотизм Петра I, хотя само указание на деспотизм не вызывает сомнения. В своей статье «Двадцатипятилетие царствования», написанной в 1880 г., он уже говорил не о аристократизме, но, напротив, о демократической мере Петра I, когда он ввел «особого рода демократический феодализм выслуги», который «еще более дисциплинировал

¹⁶⁷ Цимбаев Н.И. Славянофильство. С.130.

¹⁶⁸ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С.50.

Русь»¹⁶⁹. В своей передовой статье от 13 марта из «Варшавского дневника» 1880 г. К.Н. Леонтьев использовал применительно к оценке деятельности Петра Великого категорию исторического прогресса. «Время Петра I было, конечно, прогрессивным временем»¹⁷⁰ в истории России, - указывал он. Оценка первого российского императора К.Н. Леонтьевым, таким образом, безусловно, положительная и заметно отличается от оценок, которые давали братья Аксаковы. С целью создания условий для развития России, «европейскую маску ... намазала на лицо наше железная рука Петра I, дабы мы могли неузнанными или полуузнанными пройти шаг за шагом то вперед, то, как будто назад – до заветной точки нашего культурного возрождения»¹⁷¹, - отмечал К.Н. Леонтьев. В целом К.Н. Леонтьев давал позитивную оценку деятельности Петра I, но заметно при этом, что он опирался на понятие об историческом прогрессе, возникшее еще в эпоху Просвещения, и характеризовал Петра Великого в связи с отношением его разносторонней деятельности к этому понятию. Позитивная общая оценка деятельности Петра I означала у К.Н. Леонтьева, таким образом, то, что он делал вывод о продвижении России благодаря петровским реформам по пути прогресса.

С охранительных позиций критическое отношение к славянофильской мысли о разрыве между народом и государством, ставшим результатом реформ Петра I, выступал редактор газеты «Московские ведомости» М.Н. Катков. Но еще в 1862 г., когда он принял газету «Московские ведомости», он не считался консерватором. Как отмечала В.А. Твардовская, в то время «Катков имел репутацию умеренного либерала-западника, англомана, публициста, если не находящегося в оппозиции, то не разделяющего официальную точку зрения по ряду вопросов русской жизни». Но такая репутация на самом деле не соответствовала его действительному мировоззрению и общественно-политическим настроениям. Поэтому уже в то время, начиная работу в газете, М.Н. Катков отличался, как писала В.А. Твардовская, «ненавистью к демократическим социалистическим идеям» и усматривал «самый надежный

¹⁶⁹ Леонтьев К.Н. Двадцатипятилетие царствования // Указ. соч. С.279.

¹⁷⁰ Леонтьев К.Н. Передовая // Указ. соч. с.321.

¹⁷¹ Леонтьев К.Н. Записки отшельника (1887 г.) // Указ. соч. С.524.

оплот против них в самодержавии», которому стремился «служить ... последовательно и неуклонно»¹⁷².

Тем более это сказывалось в более позднее время. В статье «Истинные задачи для пересмотра учреждений губернского и уездного управления. Самоуправление в Англии и в России», опубликованной в ноябре 1881 г. он давал ответ на предложение умеренных реформ и созыва Земских соборов, высказанное в произведении генерал-адъютанта И.И. Воронцова-Дашкова и генерала Р.А. Фадеева «Письма о современном состоянии России». Он резко критически воспринял заявление авторов о том, что с Петра Великого «самодержавная власть разрознилась с народом, между ними втиснулась бюрократия, которая разделила их и выросла наконец в громадную всеподавляющую силу, вредоносную как для самодержавия, так и для народа и исполненную всяких неправд, хищений, измены и крамолы». М.Н. Катков излагал тем самым одно из известных идеологических установок периода контрреформ Александра III, или положение теории «народной монархии», согласно которому было необходимо разрушить стену между самодержавием и народом, которую представляла собой бюрократия¹⁷³. Такая точка зрения имела в тот период последователей. Но, при этом сам он, излагая эту точку зрения генералов-авторов «Писем», решительно не соглашался с ними в том, что в результате реформ Петра I произошли коренные изменения в характере управления, и на место дворянства стала бюрократия. Говоря о времени после Петра I, М.Н. Катков указывал, что «управление главным образом находилось в руках помещного дворянства. Где же нашел автор бюрократию, которая управляла народом и разделяла его с самодержавной властью?», - спрашивал он. И далее он разъяснял, на чем было основано сохранение управления дворянства и в чем оно состояло при крепостном праве. «Владея на праве частной собственности миллионами народа и управляя ими, помещное дворянство само управляло своими делами», - утверждал он. «Большого

¹⁷² Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М.: Наука, 1978. С.23.

¹⁷³ По словам В.А. Твардовской, в этом состояла «давняя идея Каткова о различии самодержавия и администрации, верховной власти и правительства». См.: Твардовская В.А. Указ. соч. С.227.

самоуправления невозможно придумать», и в этом был его общий вывод. Следовательно, никаких разрушений основ старого порядка, сложившегося в России до Петра I во внутреннем управлении, М.Н. Катков не видел. По его мысли, такое разрушение началось в результате крестьянской реформы Александра II, когда «крепостное право пало, а с ним прекратилось и основанное на нем дворянское самоуправление». Однако на место его стала не бюрократия, но, по его словам, «целый ряд других самоуправлений»¹⁷⁴: крестьянское, городское, земское, железнодорожное и другие. Таким образом, разрушение традиций в России стало результатом реформ, однако не преобразований Петра I, но буржуазных реформ при Александре II. Еще более определенно с положительной оценкой реформ Петра I Н.М. Катков высказывался в статье «Наши аномалии и судебная республика», опубликованной в 1884 г. в «Московских ведомостях». Он заявлял, что «реформы Петра Великого еще глубже изменили Россию его времени, однако историческое существо ее переросло в новую фазу своей жизни, не потрясенное, не ослабленное а, напротив, усиленное». Такую оценку реформам Петра I Н.М. Катков давал с учетом реформ новейшего времени. Давая ее, он с осторожностью предполагал, что и целый ряд буржуазных реформ, проведенных при Александре II, «могут удовлетворить наши народные потребности, обеспечить порядок и свободу внутри государства, его достоинство среди других держав»¹⁷⁵.

Славянофильская точка зрения заметна в рассуждениях Н.М. Каткова о значении реформ Петра I в области просвещения и о ее последствиях для русского общества. Она была высказана в статье «Общий очерк борьбы за учебную реформу», опубликованной в 1871 г. в «Московских ведомостях». Он указывал, что при проведении своей внутренней политики Петр I «был одушевлен мыслью о просвещении своего народа, о насаждении в нем науки». Но, по его словам, интерес «просвещения, образования, науки действовал в Петре Великом как страсть, смутно и смешанно. Одушевляемый им, преобразователь совершил

¹⁷⁴ Катков М.Н. Самоуправление в Англии и в России // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С.81

¹⁷⁵ Катков Н.М. Наши аномалии и судебная республика // Избранное. С.98.

великие дела, но не достиг своей высшей цели». Выразилось это в том, что царь «вдвинул Россию в Европу, но ... поработил русский народ чужому просвещению». И далее следует весьма точное наблюдение Н.М. Каткова. Петр I, писал он, «хотел насадить у нас науку как начало всякого улучшения, как подспорье всякому полезному делу; но он научил нас только пользоваться плодами чужого труда». Результатом стало то, что мы, по словам автора, «до сих пор остаемся данниками чужой мысли, и наша народность ничем не ознаменовала себя во всемирном труде разумения, знания изобретения». Но при этом в обществе сформировались некоторые другие черты: «Подражательность, склонность к наружному усвоению, вечное ученичество, умственное несовершеннолетие». И все это, по оценке автора, было создано «первым преобразователем», то есть Петром I. Оценка, таким образом, крайне резкая, еще более, чем у славянофильских критиков первого российского императора. Но эта критика со стороны редактора «Московских ведомостей» усиливается еще более при указании им на последствия такого усвоения европейских знаний и европейского опыта, которые проявились на международной арене, в отношении к России в европейских странах. Россия была принята в европейский мир, но «казалась ненужным пришельцем, тунеядцем за чужой трапезой»¹⁷⁶. Он тем самым ставил под сомнение обобщающий результат всей деятельности Петра I, заключавшийся в превращении России в страну по-настоящему европейскую. И тем самым отрицал положительные последствия петровских реформ для страны. Таким образом, по вопросу об оценках деятельности Петра I в статьях М.Н. Каткова, опубликованных в 1871 г. и в 1884 г., заметна принципиальная разница. Резко негативная, высказанная в разгар эпохи буржуазных реформ Александра II, сменилась на весьма положительную в период контрреформ Александра III. Такое изменение соответствовало особенностям идеологии при этих двух царствованиях. Так, если при Александре II преобладал критический настрой по отношению к недавнему прошлому, основы которого были заложены при Петре Великом, то при Александре III верх взяли охранительные тенденции. М.Н.

¹⁷⁶ Катков М.Н. Общий очерк борьбы за учебную реформу // Избранное. С.385.

Катков, таким образом, чутко реагировал на изменения в идеологии самодержавия и старался следовать принятым установкам.

Путь от революционера до консерватора проделал народник-пропагандист и член «Народной воли» Л.А. Тихомиров, перешедший окончательно к концу восьмидесятых годов на охранительные позиции. Этому способствовала, как указывает А.В. Репников, его «внутренняя переоценка мировоззренческих ценностей»¹⁷⁷. Свои исторические и политические взгляды, которые сложились у него к концу XIX – началу XX вв. он выразил в книге «Монархическая государственность». По его мнению, монархическое правление имеет решающие преимущества по сравнению с аристократией и демократией. Она имеет свой нравственный идеал, а для России является наиболее благоприятной формой государственной власти. При этом, как подчеркивает А.В. Репников, опасность для России, как полагал Л.А. Тихомиров, состояла в том, что после Петра I государственное право России «испытывало сильнейшее влияние европейской правовой системы, базирующейся на обязательной эволюции монархии в сторону республиканской формы правления»¹⁷⁸.

Идеалом Л.А. Тихомирова был среди всех русских монархов Александр III. Но и Петра I он ценил также высоко. В главе 14 «Петр Великий как русский человек» из третьей части книги он подчеркивал, что в нем сосредоточена важнейшая черта характера русского человека, которая состояла в поиске правды, или, по словам Л.А. Тихомирова, истины. «Петр был величайшим выразителем русского человека в этой решимости жить только истиной, хотя бы она была "люторская", голландская и какая угодно. Он готов был отречься от всего, в чем не видел истины, и прилепиться к чему угодно, если усматривал в нем истину»¹⁷⁹, - писал он. В Петре I он видел и «величие русского духа», и его противоречивость, которой была «жалкая отсталость России, бедность ее умственных средств». Сам царь выступал в «привлекающем величии своего гения, давшего нашей монархии новый момент самодержавного водительства

¹⁷⁷ Репников А.В. Консервативные проекты переустройства России. М.: Academia, 2007. С.170.

¹⁷⁸ Там же. С.138.

¹⁷⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С.313-314.

народа в его величайших во времени задачах». Но при нем, по оценке Л.А. Тихомирова, произошел «опаснейший кризис – смешения самодержавия с абсолютизмом»¹⁸⁰.

Величие Петра I, по мнению Л.А. Тихомирова, состояло в том, что он взял «на свои плечи тяжкую задачу: привести Россию возможно быстрее к возможно полному обладанию всеми средствами европейской культуры». По его словам, такое обладание было необходимо, поскольку вообще «стоял для России вопрос "быть или не быть"», с угрозой от быстро развивавшихся европейских государств. Поэтому «Петр, железной рукой принудивший Россию учиться и работать, был, конечно, спасителем всего национального будущего»¹⁸¹. Для этого царь, согласно Л.А. Тихомирову, закрепостил Россию. Но он видел обратную сторону этих действий Петра I. Состояла она в том, что царь «не обозначил никаких пределов установленному им всеобщему закрепощению государства, не принял никаких мер к тому, чтобы временная система не стала постоянной»¹⁸². Еще одно основание для критики Петра I Л.А. Тихомиров видел в политике его по отношению к церкви. По его словам, причиной такой его политики было «чрезвычайное непонимание идеи своей власти» самим царем. В результате «такого отношения к народной вере» церковь попала «в "вавилонское пленение"». И, наконец, указывал Л.А. Тихомиров, Петр I «уничтожил правильное престолонаследие», за что Россия «расплатилась ... полустолетием государственных переворотов»¹⁸³. Вместе с тем Л.А. Тихомиров как человек, поздно и на почве разочарования в революционной деятельности обратившийся к религии, преувеличивал религиозные чувства Петра I. Он указывал, что у царя «стремление к реформе появилось в детстве под влиянием мечты собрать силы для крестовых походов и освобождения Св. Гроба»¹⁸⁴. По источникам подобных настроений у Петра I не прослеживается ни в молодости, ни в более позднее время.

¹⁸⁰ Там же. С.314.

¹⁸¹ Там же. С.316.

¹⁸² Там же. С.317.

¹⁸³ Там же. С.321.

¹⁸⁴ Там же. С.314-315.

Таким образом, в консервативной общественно мысли России, которую выражали славянофилы и охранители, можно заметить отсутствие четкого и однозначного отношения к Петру I и его деятельности. Признание позитивных ее сторон сочетается с критикой, причем нередко весьма решительной и резкой. По магистерскому сочинению К.С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» было заметно стремление выстраивать характеристики Петра I и петровских реформ на основе начал гегелевской диалектики, что придавало этим характеристикам черты углубленного анализа. Но при этом у других авторов нередко заметен простой аксиологический подход к Петру I, который имел место и в более раннее время и который сводился к выявлению в деятельности царя положительных и отрицательных сторон. Заметна, кроме того, связь между отношением этих авторов к реформам Петра I и к буржуазным реформам второй половины XIX в. В целом все эти авторы признавали необходимость реформ Петра I, но отмечали их противоречивый характер.

1.4. Образ Петра I в державно-националистической публицистике

На рубеже XIX-XX вв. государство и общество в России вступило в полосу своего системного кризиса. Складывалась революционная ситуация, обернувшаяся в начале XX в. двумя революциями, результатом которых было свержение самодержавия и всего прежнего государственного строя, и наступления новой эпохи в истории страны. В таких условиях интерес к Петру I и его деятельности с неизбежностью оказывался на периферии общественного внимания. Тем не менее, ощущение наступления переломного периода в жизни народа и государства, которое проникало в массовое сознание, давало основание

обратиться к опыту прошлого, к периоду бурных преобразований, которые происходили двумя столетиями ранее. Такое обращение позволяло осмыслить столь сложное социальное и культурное явление, как реформирование основ общественной жизни, которое при Петре I было настолько решительным, что при их общей оценочной характеристике даже выдвигалась идея революции сверху, а сам первый российский император назывался революционером на троне.

Среди авторов консервативного направления, которое в условиях революционных событий 1905 г. приобретало не только охранительно-монархическую, но и державно-националистическую направленность, Петр I также вызывал интерес. В центре внимания их оказывались такие стороны его жизни и деятельности, как отдельные реформы в жизни страны и отношения его в семье.

Выдающийся филолог, будущий академик и член Союза русского народа А.И. Соболевский в своей речи в Санкт-Петербургском университете, произнесенной в 1892 г., рассматривал воздействие реформ Петра I на образованность народа. Как указывал А.И. Соболевский, видимым следствием реформы образования стало усиление расслоения русского общества по образовательному признаку. По его словам, «равенство образования, соединявшее все сословия допетровской Руси в одно целое, будучи нарушено впервые в конце XVII в., совсем исчезло в XVIII в.» Оценка кажется вполне традиционной для консервативной мысли. В самом деле, указание на возникновение в результате петровских реформ в русском обществе культурной разобщенности встречается достаточно часто, причем не только среди консерваторов, но и среди славянофилов. Но А.И. Соболевский на этом не ограничивается, мысль его не столь прямолинейная, как кажется на первый взгляд. Он находил не только негативную, но и вполне позитивную сторону от такой перемены, произведенной в результате реформ в сфере культуры и образования Петра I. «Высшее светское сословие (а отчасти и среднее – чиновничество) около того же времени пошло в другую новую, прямо из Западной Европы перенесенную к нам школу, то общеобразовательную, то специальную. Его образованность возросла и

количественно, и качественно», - отмечал он. Замечание это совершенно справедливое. Повышение образовательного уровня дворянства и чиновничества, приобщение их к передовой европейской культуре для А.И. Соболевского было явно положительным последствием петровских реформ. Однако он указал и на обратную сторону этих перемен. Образовательная реформа, дававшая позитивные результаты для дворян и чиновников, ни в малейшей мере не затронула «низшее светское сословие (особенно крестьянство)». Оно, писал А.И. Соболевский, «должно было остаться при старых училищах и продолжать учиться по часослову и псалтыри у дьяконов и дьячков»¹⁸⁵. Таким образом, известный филолог справедливо указал на противоречивый характер деятельности Петра I в сфере реформирования образования. Реформирование просвещения для верхов русского общества вводило образованную часть дворянства и чиновничества в систему европейской культуры, что уже произошло в царствование самого Петра I, а тем более в последующие периоды. Между тем, сохранение для абсолютного большинства населения старой, традиционной культуры закладывало предпосылки для последующего раскола русского общества по социальному и культурному принципу. Истоки такого раскола А.И. Соболевский выявил вполне в своей характеристике реформирования образования при Петре I. В этой связи отношение его к царю и его преобразованиям в сфере культуры было в большей мере отрицательным, чем положительным.

Напротив, вполне положительное отношение к реформам Петра I в области культуры выразил известный консервативный писатель, публицист и журналист М.О. Меньшиков, один из организаторов Всероссийского национального союза. В статье «Заветы веков», посвященной трехсотлетию дома Романовых, он отмечал, что и в Смуту, и после нее «анархические» начала в русской жизни были очень сильны, тогда как начала «творческие» не могли проявить себя. Просвещение, внедрявшееся в страну Петром I, он считал важнейшим условием для наиболее полного раскрытия и всемерного развертывания «творческого» начала. Он при

¹⁸⁵ Соболевский А.И. Образованность Московской Руси XV-XVII веков. Речь, читанная на годовичном акте Императорского С.-Петербургского университета 9 февраля 1892 года. СПб., 1892. С.22.

этом ставил вопрос, в какой степени реформы Петра I были «отступничеством от заветов предков». Ответ он давал не только положительный, но и отрицательный. С одной стороны, «Петр Великий напрасно пожертвовал многим великим, что заключала в себе наша средневековая старина, - патриаршеством, боярством, земским собором и пр.» Однако при этом главному «завету предков» - «величию России» - его реформы, по оценке М.О. Меншикова, соответствовали в полной мере. Сторонник консерватизма, он подчеркивал, однако, что «истинным консерватизмом» невозможно было считать состояние, когда «наши предки коснели в невежестве». Консерватизм, таким образом, с его точки зрения, вовсе не означал сохранение остатков старины, не соответствовавших современной жизни, а тем более невежества. Напротив, подчеркивал он, консерватизм нисколько не чужд ни просвещению и культуре, ни прогрессу.

Значение деятельности Петра I для русской истории он видел в том, что она не выбивается из предшествовавшего хода русской истории, но вполне соответствует ей. Она выступает как продолжение деятельности русских князей, принимавших и утверждавших христианство на Руси. В то же время в Екатерине II он усматривал достойную последовательницу Петра Великого и продолжательницу его дела. «Подобно святой Ольге и святому Владимиру, которые некогда приобщили новгородско-киевскую Русь к современной им христианской цивилизации, Петр Великий и Екатерина II приобщили Россию к неохристианской культуре», - подчеркивал он. Данная мысль интересна в том отношении, что положение о неохристианской культуре нового времени было не столь уж типичным для консервативной общественной мысли. Напротив, для нее культура Просвещения представляла собой несомненный разрыв с христианством, и, следовательно, угрозу традиционным устоям общества. Не случайно М.О. Меншикова иногда даже причисляют к такому течению общественной мысли того времени, как особое, консервативное западничество.

Разъясняя понятие современной «неохристианской культуры», он писал, что такая культура «основана на эпохе Возрождения, на развитии наук и искусств, на утверждении идеи права и закона». По мысли М.О. Меншикова, вся работа

Петра I по преобразованию страны, и прежде всего по развитию ее культуры, была прямым продолжением деятельности не только князей времен Великого Новгорода и Киева, но и первых царей из династии Романовых. «Михаил и Алексей с трудом собрали русское царство из развалин, Петр Великий дал ему культурную душу и поставил на великодержавное место в мире»¹⁸⁶, - указывал он. В этом высказывании заметно упоминание в самом положительном смысле о российском великодержавии. Оно вовсе не случайно для консервативного и монархически настроенного публициста. Также для такого публициста характерно указание на то, что «некоторые древние заветы при этом были пренебрежены» Петром I. А это уже обернулось долговременными негативными последствиями, на которые указывал он: «снова Русская земля, хотя и возрожденная омрачилась отсталостью и смутами, до сих пор не перестающими терзать Россию»¹⁸⁷. Слова «снова» и «не перестающими терзать» указывают на то, что автор имел в виду современную ему ситуацию. Получалось, таким образом, что причины революции, которую уже пережила Россия в 1905-1907 гг., и революции, надвигавшейся в скором будущем, сводились всего-навсего к пренебрежению еще Петром I заветами старины. Для консервативного публициста такое объяснение было не случайно. Но было очевидно, что оно не вскрывало причин революции начала XX в., которые были значительно более глубокими и не могли сводиться лишь к последствиям деятельности Петра I.

Известный ученый и член Союза русского народа, историк Д.И. Иловайский, давал свою характеристику Петру I в своем очерке «Петр Великий и Алексей». Очерк написан как хорошее литературное произведение, читается легко, и поэтому представлял собой не столько научный труд, сколько очень качественную популярную литературу, рассчитанную на заинтересованного широкого читателя. Сама по себе тема взаимоотношений между отцом и сыном предполагала, что автор даст свою оценку семейным делам царя. Отмечая, что Петр I отправил в монастырь свою первую жену, Евдокию Лопухину, что он

¹⁸⁶ Меньшиков М.О. Заветы веков // Письма к русской нации. М.: Изд-во журнала «Москва», 2005. С.363.

¹⁸⁷ Там же. С.364.

отнял у нее их сына, девятилетнего Алексея, Д.И. Иловайский писал о царе, что «во всей силе сказался его необузданный нрав, не признававший для себя никаких нравственных и семейных обязанностей»¹⁸⁸. И вообще, к делам воспитания сына-царевича царь «обнаружил явное равнодушие»¹⁸⁹. И.Д. Иловайский подчеркивал, что Петр I не сумел решить такой важной своей задачи, как воспитание сына в качестве наследника, способного продолжить его дело. Он внушал Алексею «рабский страх и трепет» перед собой» которые заставляли его «лгать и изворачиваться для того, чтобы не подвергнуться его гневу и побоям»¹⁹⁰. Читатель мог делать вывод, что такое воспитание на страхе не могло сделать Алексея наследником, способным продолжать реформы. Очень выразительно Д.И. Иловайский отметил исключительную жестокость розыска по делу царевича Алексея, когда были казнены, подвергались пыткам и ссылались те, кто, так или иначе, оказывался связан с этим делом.

В связи с темой отношения между царем и царевичем Д.И. Иловайский затронул вопрос о реформах в области культуры. И если А.И. Соболевский отмечал положительные последствия реформ для повышения образования верхов русского общества, то Д.И. Иловайский подчеркивал другую, негативную сторону петровских преобразований. Говоря о пристрастии царевича к употреблению крепких напитков, он отмечал, что «сам Петр распространял и укоренял эту некультурную привычку в окружающей его среде»¹⁹¹. Замечание совершенно точное. Но распространение этой привычки также было одной из сторон преобразований культуры русского быта, поскольку эти преобразования сами по себе были внутренне противоречивы и сочетали в себе самые противоречивые стороны. Тем самым Д.И. Иловайский указывал на противоречивость преобразований Петра I в сфере культуры.

Говоря же о последствиях отношения к первой жене и сыну, о заточении жены в монастырь, Д.И. Иловайский отмечал: «Этот поступок был началом той

¹⁸⁸ Иловайский Д.И. Петр Великий и царевич Алексей // Гродненский сейм 1793 года. Последний сейм Речи Посполитой. Историко-биографические очерки. СПб.: Наука, 2013. С.248.

¹⁸⁹ Там же. С.249.

¹⁹⁰ Там же. С.258.

¹⁹¹ Там же. С.250.

трагедии, которое омрачило знаменитое царствование, и печальные следствия которого Россия не перестает испытывать до сих пор»¹⁹². Но Д.И. Иловайский резко критически отзывался не только об отношении Петра I к жене и сыну. Он отмечал, что вообще в период реформ «многие русские люди сетовали на крайнюю жестокость и деспотичность царя, на страшную тяжесть бесконечной шведской войны, на его пристрастие к иноземцам, на его резкое неуважение к старым русским обычаям и преданиям, на его презрительное отношение к церковной иерархии»¹⁹³. Д.И. Иловайский был прав. В самом деле, далеко не случайно, что теория «Петр – царь-антихрист» получила такое широкое распространение и пережила самого «царя-антихриста».

Д.И. Иловайский выделял три причины такого отношения к Петру I среди разных слоев общества. Во-первых, это то, что «он своими пытками и казнями сломил все попытки к отпору его нововведениям и довел царскую власть до ничем не ограниченного самовластия», причем в этом отношении он был полной копией Ивана Грозного. Во-вторых, он тем самым «еще более испортил народный характер, усиливая в нем раболепие». Выделение этих причин было вполне понятно для российского читателя предреволюционного времени. Но, в-третьих, к причинам он также относил то, что «своим пристрастием к иноземцам, полным унижением родовой русской аристократии, отменой Боярской думы (разумея вместе с нею и Освященный собор), и водворением бюрократии, переполненной на верхних ступенях немцами, он приготовил немецкое господство на Руси». Причем вообще, он считал, что такое переполнение «немцами» составляло «главное»¹⁹⁴ звено в перечисленном им комплексе причин. Вывод о немецком господстве для члена черносотенно-националистической организации «Союз русского народа» не удивителен. Как и не удивительно то, что к главной причине негативного отношения народа к Петру I Д.И. Иловайский считал пристрастие царя к иноземцам, которое будто бы вело к так называемому немецкому засилью.

¹⁹² Там же. С.248.

¹⁹³ Там же. С.284.

¹⁹⁴ Там же. С.285.

Еще одна тема, связанная с Петром I и его царствованием, касалась отношения царя к религии и церкви, выразившегося в отдельных его высказываниях, развлечениях и различных политических мероприятиях. Эту тему поднимал член Русского собрания и Русского окраинного общества Н.Д. Тальберг, который, находясь в эмиграции, в Париже, издал свою книгу «Святая Русь». В своих оценках деятельности Петра I по религиозному вопросу он стремился учесть противоположные начала и противоречия в его деятельности, связанной с церковью. «Великий преобразователь, но и великий разрушитель - император Петр I - строил империю наново», - подчеркивал Н.Д. Тальберг. Причину таких разрушительных действий царя он объяснял тем, что он «преклонился перед обольстившим его Западом и начал крушить свое родное»¹⁹⁵. Такое объяснение вполне характерно для националиста, которым и был автор. При этом указание на обольщение было в духе церковной риторики, в которой идея обольщения человека со стороны дьявола и антихриста занимает очень значительное место, начиная с ветхозаветного повествования об обольщении Евы змием. Согласно же Н.Д. Тальбергу, в роли змия выступал запад со всей его просветительской культурой, которая завершилась «мерзостями французской революции»¹⁹⁶, а в роли Евы – Петр I. Такое объяснение отвечало религиозной направленности сочинения Н.Д. Тальберга. В данном случае обращает на себя внимание, что отношение к западному просвещению для двух авторов черносотенно-националистического направления, какими были Н.Д. Тальберг и М.О. Меншиков, было очень разным.

Действия обольщенного западом русского царя имели, согласно Н.Д. Тальбергу, тяжелые последствия: «Нарушен был им уничтожением патриаршества канонический строй русской Церкви, высшее духовенство было отстранено от участия в государственной жизни и искусственно замкнуто в исключительно церковные рамки, лишаясь этим в большой степени политического значения. Сломан был многовековой русский быт». Кроме того, у

¹⁹⁵ Тальберг Н.Д. Надлом Русской Жизни // Святая Русь. Париж, 1929. 84 с.

¹⁹⁶ Там же. С. 88.

царя были «греховные забавы, затрагивавшие духовный чин», под которыми автор имел в виду, конечно же, всешутейший, всепьянейший, сумасброднейший собор. Однако при этом Н.Д. Тальберг был не только националистом и защитником религиозных устоев, но еще и монархистом. Поэтому он не мог при характеристике Петра I ограничиться только этими негативными сторонами. Он также выделял такие стороны деятельности царя, которые вполне соответствовали представлению о православном государе и покровителе церкви. «Петр не был тем безбожником, которым хотят представить его некоторые хулители императорского периода Русского государства», - заявлял он и приводил доказательства этому. Автор указывал, что Петра можно было видеть «поющим на клиросе и читающим Апостола в соборе Животворящей Троицы на Петербургской стороне», «чтецом в русской церкви в Париже и читающим в великую субботу паремии в Соловецком монастыре»¹⁹⁷, приводил и другие доказательства такого же рода. Упоминал он и о том, что в Усть-Желтиковом монастыре под Тверью, где некоторое время содержался царевич Алексей, «царь-отец, принеся сын в жертву считаемой им пользе государства, построил впоследствии церковь во имя святителя Алексия». Но все это не могло предотвратить того, что «многовековой строй все же был сломан Петром». Это имело, подчеркивал Н.Д. Тальберг, самые тяжелые последствия. По его словам, «нанесенная Святой Руси рана давала о себе знать с годами все сильнее и сильнее. Русское общество нового образования все сильнее удалялось от родных, живых истоков и подпадало под тлетворное влияние Запада, все более утрачивавшего свои нравственные устои и пропитывавшегося грубым и пошлым материализмом»¹⁹⁸. Негативная оценка деятельности Петра I в отношении церкви у Н.Д. Тальберга, таким образом, преобладала. Не только как националист и монархист, но и как эмигрант, он усматривал в реформах Петра I внедрение таких начал, которые пагубно сказывались на церкви, на религиозном состоянии

¹⁹⁷ Там же. С.85.

¹⁹⁸ Там же. С. 87.

общества, и, в конечном счете, привело русское общество к материализму и революции.

Таким образом, авторы консервативно-националистической и черносотенной направленности давали Петру I противоречивые характеристики. Положительные оценки его деятельности определялись признанием вклада царя в развитие образования и просвещения, при том, что к самому европейскому просвещению было не одинаковое отношение. Но в целом критики было заметно больше. Она относится к тому, что при Петре I происходил разрыв с обычаями и традициями русской старины, а сам он при проведении своей политики в значительной мере опирался на иностранцев. При этом справедливо указывалось на крайнюю жестокость царя по отношению к народу и к своей семье. Читатель подводился авторами этого направления к выводу, что беды России современного периода имеют свои истоки в реформах Петра I, которые несли в себе западное влияние, а вместе с ним материализм, который с неизбежностью вел к революции.

Таким образом, российские императоры постоянно обращались к образу Петра Великого и в полной мере осознавали темную связь между его преобразованиями и основами своей императорской власти. Самая решительная апологетика Петра I хорошо заметна в сознании императриц и императоров от Елизаветы Петровны до Николая I, однако в меньшей степени у Александра I. Все они видели свою историческую роль в продолжении и развитии тех начал, основы которых были заложены Петром Великим. Несколько более критический подход по отношению к первому российскому императору замечен в сознании двух последних императоров России – Александра III и Николая II. Для Александра III это объяснялось его русофильскими настроениями и отсюда неприятием западничества Петра Великого. Для Николая II – в значительной мере ориентацией на спокойное правление и на семейные ценности, что определило в качестве его исторического идеала монарха не Петра I, но царя Алексея Михайловича.

Празднование юбилейных дат, относящихся к двухсотлетию событий петровского царствования, организовывалось государством в лице министерства

императорского двора с активным участием общественности и широких слоев населения. Этим празднованиям придавался глубокий монархический и казенно-патриотический смысл, они должны были укрепить в массовом сознании его монархические основы при всемерном использовании для этого популярного имени Петра Великого. Глубокий интерес к эпохе Петра I и к личности царя, проявившийся во время юбилейных кампаний, нашел отражение в особом внимании русского общества к живописным образам самодержца, представленным на выставках передвижников Н.Н. Ге и В.И. Суриковым. В их картинах затрагивались события из истории его царствования, вызывавшие наиболее острые споры. Это - гибель царевича Алексея и расправа 1698 г. со стрельцами. Это также картина В.А. Серова «Петр I», в которой остро был поставлен вопрос о воле царя как движущей силе реформ и о неготовности русского общества к ним. В форме живописи, наиболее доступной для массового восприятия, был поставлен острый политический вопрос пореформенного времени, заключавшийся в отношении к самодержавной власти, к возможности признания ее права на насилие в интересах государства и общества.

В российской славянофильской и консервативной общественно-политической мысли второй половины XIX в. Петру I и его реформам уделялось самое значительное внимание. Это внимание усиливалось в связи с проводившимися в России во второй половине XIX в. буржуазными реформами. В отдельных случаях, в частности, К.С. Аксаковым, характеристика Петра I и его реформ велась на основе гегелевского диалектического метода, что придавало им более глубокий характер. В целом признавалось огромное значение деятельности Петра Великого для подъема России, и даже, как это было у Л.А. Тихомирова, для спасения ее существования. Но Петр I мог подвергаться также самой решительной критике за создание им такой государственной системы, при которой культура России оказалась способной лишь к подражанию западных образцов. Такую критику давал М.Н. Катков в период буржуазных реформ. Позже, уже в период контрреформ, он отказался от столь критического отношения к Петру I и итогам его преобразований. В целом позитивное и даже

апологетическое отношение к первому российскому императору в славянофильской и консервативной общественно-политической мысли было преобладающим. Это не исключало того, что А.И. Кошелев указывал на петровский деспотизм, а Ю.Ф. Самарин – на чисто утилитарное отношение царя к церкви как средства для укрепления государства.

Авторы конца XIX – начала XX вв., относившиеся к националистическому и черносотенному направлению русской общественной мысли, характеризовали Петра I и результаты его деятельности не одинаково. Положительной стороной они видели развитие в стране благодаря петровским реформам просвещения, которое коснулось дворян и чиновников. Однако жестокость по отношению к обществу и отношения его к своей семье служили предметом весьма резкой критики. Особо критически воспринимали эти авторы нарушения царем традиций и обычаев русской старины и широкое привлечение иностранцев на службу, что не случайно для представителей националистического направления. Последствия реформ Петра I ставились ими в ряд предпосылок революции в новейшей российской истории.

Глава 2

Петр I в русской либеральной общественной мысли

2.1. Взгляды либеральной общественности России на европеизацию и образ Петра I

Историческая значимость Петра Великого ясно осознавалась не только в консервативном, но и в либеральном общественно-политическом и историческом дискурсе России середины – второй половины XIX в. и начала прошлого века. Это было не случайно. В нем виделась великая историческая личность, которая с исключительной четкостью осознала, что Россия должна занимать свое место среди европейских стран и сделавшая много для того, чтобы сдвинуть русское общество и его культуру в данном направлении. В этом отношении, с одной стороны, прослеживается определенная культурно-историческая традиция русской общественной мысли. В самом деле, роль Петра I как государя, способствовавшего усвоению Россией достижений западных стран, признавалась еще с XVIII в. Но в либеральном течении русской общественной мысли это признание приобрело новое качество. За Петром I признавалась заслуга не просто в усвоении передового опыта и передовой культуры стран Западной Европы, не просто в подражании передовым западноевропейским странам. Его заслугу оно видело в выводе России на большую дорогу вступления в европейский мир, в семью народов и государств Запада, место в котором ей должно было принадлежать по праву, как стране европейской с народом историческим, или способным к развитию. Конечно же, такое направление мысли было новым для русского общества не вполне. Зачатки его наблюдались еще в конце XVII в., когда Российское государство вступило в союзе со странами Европы в антиосманскую

коалицию, или по словам В.О. Ключевского, «формально вступило в концерт европейских держав»¹⁹⁹. Как часть европейского мира рассматривал Россию историк конца XVII в. А.И. Лызлов. Участник Крымских, а затем Азовских походов, он в своей «Скифской истории» ставил Россию в один ряд с европейскими христианскими странами в борьбе против турецкой агрессии²⁰⁰. И в дальнейшем, на протяжении XVIII в., взгляд на Россию как на часть европейского мира продолжал утверждаться. Так, в своем наказе Уложенной комиссии 1767 г. Екатерина II прямо заявляла: «Россия есть Европейская Держава»²⁰¹. Эта мысль была твердо усвоена императором Александром I. Проект Священного союза, в формировании которого он принял самое активное и решающее участие после завершения войн против наполеоновской Франции и Венского конгресса, означал выражение идеи европейского единства, в котором Россия занимала свое видное место.

После смерти Александра I и восстания декабристов получила преобладание, однако, идея противоположного характера. Европейские революции, прежде всего Великая Французская буржуазная революция, потрясения наполеоновских войн, а также восстание декабристов выдвинули на первый план идею, согласно которой между Россией и странами Западной Европы существуют самые резкие различия в их истории и в их современном состоянии, которые не позволяют отнести Россию к странам европейского мира. И, следовательно, создают исторические гарантии невозможности революции в стране. Подчеркивалось при этом, что Россия – страна с особым историческим путем. С точки зрения М.П. Погодина, Россия и страны Западной Европы представляли собой «две большие, качественно иные мировые цивилизации – западноевропейскую, наследницу Римской, и восточноевропейскую, наследницу Восточной Римской империи»²⁰², - писали А.А. Шириянц и К.В. Рясенцев.

¹⁹⁹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.3 // Сочинение в 8-ми т. М.: Госполитиздат, 1957. С.353.

²⁰⁰ Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...». Очерки о русских историках второй половины XVII века. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988. 136 с. С. 126-127.

²⁰¹ Наказ комиссии о сочинении проекта нового Уложения. 30 июля 1767 г. // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С.115 - 189.

²⁰² Шириянц А.А., Рясенцев К.В. Михаил Петрович Погодин // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.8.

Замечание совершенно справедливое. Впрочем, однако, даже М.П. Погодин не решался полностью оторвать Россию от стран Западной Европы. По его словам, высказанным в статье «Петр Великий», «Россия есть часть Европы, составляет с нею одно географическое целое, и, следовательно, по физической необходимости должна разделить судьбу ее и участвовать в ее движении». И при этом прибавлял: «как планета повинуетя законам своей солнечной системы»²⁰³, поскольку параллели между историческими и физическими явлениями он считал очень убедительным аргументом. Но для М.П. Погодина эта мысль была все-таки маргинальной и находилась на периферии его мировоззрения, в котором положение об исторической обособленности России от западных стран было краеугольным. По существу, он и не отрицал это положение, поскольку говорил о России как о части Европы, прежде всего, в географическом смысле, а общность судеб России и западноевропейских стран определялась, по мысли его, географией.

Но если М.П. Погодин не допускал мысли о полном отрыве России от стран Запада, то тем более идея общности исторического пути России и стран Западной Европы была близка либеральной общественной мысли. Западническое ее направление допускало, что изначально, на стадии своего исторического становления, Русь была глубоко самобытной страной. Однако уже в новое время сохранение самобытности, отрыв от европейской культуры означал не что иное, как консервацию отсталости. Поэтому переход на европейский путь развития, европеизация государственных структур, общественного быта и культуры, с превращением ее в часть европейской международной политической системы, с включением русской культуры в культуру европейского мира представляли, на взгляд западников, глубинную потребность страны. Так, Н.П. Павлов-Сильванский замечал, что сама мысль о Петре Великом как о творце новой России, «о петровской реформе как залоге дальнейшей европеизации России», по существу «разрывала органическое развитие России на две половины»²⁰⁴. Тем не

²⁰³ Погодин М.П. Петр Великий // Указ. соч. с.234.

²⁰⁴ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в Древней Руси // Феодализм в России. М.: Наука, 1988. С.8.

менее, идея органического развития русской истории в полной мере разделялась в западной исторической мысли. Но она и вполне уживалась с представлением о переходе на европейский путь развития при Петре I. В частности, органичный характер русской истории признавали в полной мере К.Д. Кавелин и С.М. Соловьев. Возможно, что поэтому замечание Н.П. Павлова-Сильванского о нарушении при противопоставлении допетровской и новой России понятия об органичном развитии истории страны не было подхвачено и не получило сколько-нибудь заметного продолжения. Напротив, подчеркивалось, что С.М. Соловьев столь глубоко понимал органичный характер исторического развития страны, что проводил мысль о преемственности между историей страны времени Петра I и состоянием ее в период реформ при Александре II. В этой связи совершенно справедливо указывал В.Е. Иллерицкий, что, на взгляд С.М. Соловьева, «реформы Петра I ввели Россию в семью европейских народов, современные должны были завершить "европеизацию" России посредством создания "правового" государства, исключающего социальные конфликты»²⁰⁵. Замечание В.Е. Иллерицкого вскрывает еще одну сторону. Уже на этом основании положения и выводы С.М. Соловьева о петровской европеизации России были достоянием не только историографии, но и общественной мысли в целом, в которой запрос на европеизацию разных сторон внутренней жизни был в период реформ очень заметен.

Едва ли поэтому случайно С.М. Соловьев не только поставил Петра Великого на самое видное место в отечественной истории, не только уделил огромное внимание ему и его деятельности в своей фундаментальной «Истории России с древнейших времен», но и хорошо понял необходимость сделать личность и деятельность Петра I темой публичных чтений. Для слушателей эти лекции представляли интерес, а их важнейшие положения находили в их сознании поддержку и понимание. Это было не случайно. В условиях проводившихся в стране буржуазных реформ, в ходе которых некоторые важные стороны внутренней жизни передовых стран Европы утверждались в русской

²⁰⁵ Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М.: Наука, 1980. С.130.

действительности, слушатели из образованной московской публики могли принять мысль С.М. Соловьева, что развитие России и европейских стран идет в одном направлении²⁰⁶, только Россия по причинам своего географического положения, поставленная в непосредственное соседство со степными ордами Азии, отстала в своем развитии. То, что происходило в России при Петре I, означало, как указывал С.М. Соловьев, ее «переход из древней истории в новую, из возраста, в котором господствует чувство, в возраст, когда господствует мысль». И в отношении такого перехода он видел «между нами и нашими европейскими братьями, разницу на два века»²⁰⁷. Однако «русский народ ... как и другие европейские народы ... имеет наследственную способность к сильному историческому развитию»²⁰⁸, - подчеркивал он. Но интерес к странам Запада и к их культуре был не случаен и возник в России еще до Петра I. По его словам, «богатство и умелость заморских иностранцев, противопоставленные собственной бедности и неразвитости, пробудили в сильном историческом, т.е. способном к развитию народе стремление выйти из своего затруднительного печального положения»²⁰⁹. На таком стремлении также основывался вывод С.М. Соловьева об органичности исторического развития России. Такое движение в сторону сближения с передовыми странами «так естественно (органично – Т.А.) и необходимо, что тут не может быть и мысли о каком-то заимствовании»²¹⁰, - указывал С.М. Соловьев. Он заявлял: «Необходимость движения на новый путь была осознана ... народ поднялся и собрался в дорогу; ... ждали вождя; вождь явился»²¹¹, и таким вождем был Петр I. Мысль состояла в том, что, проводя реформы, способствуя европеизации России, царь будто бы выражал общенародные потребности. Объективно оно так и было. Порядки и традиции

²⁰⁶ В этой связи Л.В. Черепнин справедливо отмечал: «Интерес Соловьева к преобразовательной деятельности Петра I как к явлению, подготовленному всем ходом предшествующей истории России, может быть объяснен политическими чаяниями русской либеральной интеллигенции середины XIX в., желавшей умеренных реформ без революционных потрясений». См.: Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII-XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М.: Наука, 1984. С.18.

²⁰⁷ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. С.17.

²⁰⁸ Там же. С.18.

²⁰⁹ Там же. С.29.

²¹⁰ Там же. С.33.

²¹¹ Там же. С.78.

старой допетровской Руси в полной мере соответствовали культуре разных слоев русского общества. Но для нового времени они устарели безнадежно, и консервация их вела к еще большему отставанию и без того отсталой страны. Поэтому Петр Великий, с настойчивостью проводивший европеизацию страны, нередко не без основания считавшейся европейцами страной варварской, был, по определению С.М. Соловьева, «сын своего времени и своего народа»²¹². Другой вопрос, насколько их необходимость была, как утверждал С.М. Соловьев, «осознана» в народе. Несомненно, что абсолютным большинством народа необходимость таких перемен для их жизни едва ли была осознана. Все это создавало почву для популярности теории «Петр – царь-антихрист», распространявшейся в разных слоях русского общества. Она возникла в самом начале XVIII в. по причине недовольства мероприятиями, проводившимися царем, в том числе привлечением таких проводников и пионеров петровской европеизации России, как иностранцы. На недовольство преобразованиями справедливо указывал В.О. Ключевский, подчеркивавший, «по какой раскаленной почве шел Петр, вводя реформу со своими сотрудниками. Все вокруг него роптало на него, и этот ропот, начинаясь во дворце, в семье царя, широко расходился оттуда по всей Руси, по всем классам общества, проникая в глубь народной массы»²¹³. Но слова о готовности народа идти «в дорогу» были не случайны. Они были созвучны мыслям и надеждам либерального сегмента русского общества того времени, когда проводились буржуазные реформы, или, по существу, имела место дальнейшая европеизация России, основы которой были заложены Петром I.

Положение С.М. Соловьева о русском народе как о народе историческом разделял мыслитель первой половины XX в. Н.П. Карсавин. Вместе с тем в само понимание этого положения он внес принципиальное изменение и рассматривал его по существу с противоположных позиций, чем это делал С.М. Соловьев. Внимание Л.П. Карсавина к вопросу о значении петровской европеизации, о

²¹² Там же. С.13.

²¹³ Ключевский В.О. Петр Великий среди своих сотрудников // Сочинения в 8-ми т. М.: Госполитиздат, 1959. Т.8. С.346.

самом понятии исторического народа было не случайным. Революция и эмиграция способствовали оживлению традиционного для русской общественной мысли вопроса о европеизации России и ее последствиях, о роли русского народа как народа исторического. Как отмечал Л.П. Карсавин в своем труде «Восток, Запад и русская идея», изданном впервые в 1922 г. за рубежом, в настоящее время «Россия переживает второй период острой европеизации (считая первым эпоху Петра)». Однако если для большинства мыслителей либерального, и не только либерального, направления европеизация России была явлением в целом позитивным, то Л.П. Карсавин отнесся к позитивной оценке европеизации критически и вступил в скрытую полемику с С.М. Соловьевым. Так, место русского народа среди исторических романо-германских народов определялось, с точки зрения С.М. Соловьева, тем, что он в результате петровской европеизации он оказался способен к развитию, а само развитие понималось как европейский прогресс. Для того времени, когда работал С.М. Соловьев, такое отношение было не случайно. Идея исторического прогресса, четко обоснованная в период Великой Французской буржуазной революции Ж.А. Кондорсе, сохраняла свое влияние и принималась в социальной науке, переживавшей период своего становления. Петровская европеизация рассматривалась С.М. Соловьевым как форма осуществления этой идеи в России. Однако иное отношение к идее прогресса сложилось в конце XIX в., а особенно в начале XX в., когда человечество пережило потрясение мировой войной, а затем революцией в России. Идея поступательного движения истории по пути прогресса, было подвергнуто сомнению. Отсюда для Л.П. Карсавина критерий, по которому народ мог быть историческим, был иным, чем для С.М. Соловьева. По его словам, «не в европеизации смысл нашего исторического существования ... Если бы было так, мы были бы народом неисторическим, годным лишь на удобрение европейской нивы». Исторический народ не тот, кто следует по пути европейских народов, но тот, который имеет свою идею. Л.П. Карсавин считал возможным говорить о «русской идее» как о чем-то реальном, но до сих пор еще не четко не установленном и не сформулированном. Но, во всяком случае, для него было

очевидно, что «не в "европейских" тенденциях русской мысли, общественности и государственности надо искать эту идею»²¹⁴. Таким образом, в отличие от С.М. Соловьева, Л.П. Карсавин не связывал с европеизацией положение об историческом народе. Он указывал, что активное ее внедрение в русскую жизнь Петром I нисколько не соответствовало понятию об историческом народе, поскольку это не выходило за рамки усвоения идей, сформировавшихся в других культурах, среди народов романо-германской Западной Европы.

Другой видный представитель западнического направления русской общественной мысли и современник С.М. Соловьева, К.Д. Кавелин, обращал внимание не только на направление реформ Петра I в сторону европеизации. Будучи одним из постоянных авторов «Вестника Европы»²¹⁵, он подчеркивал, что идея европеизации сформировалась в России до Петра I. «О преобразованиях на заграничный лад думали и до Петра; кое-что уже было сделано в этом направлении»²¹⁶, - верно отмечал он. Проводя европеизацию, Петр I нисколько «не нарушил традиции, а, напротив, следовал преданию московских государей с Ивана III, а особенно с Ивана Грозного»²¹⁷, - писал он. «Сама сила вещей вынуждала нас облечься в европейские формы», - обосновывал он это положение, и далее указывал, как разворачивалась сама потребность в реформах, направленных на европеизацию России. Он указывал, что «потребность приобрести Остзейский край вовлекала нас в войну со Швецией, а это настоятельно потребовало преобразования войска по европейскому образцу и создания флота»²¹⁸. За этим последовали неизбежные «перемены во внутреннем быте»²¹⁹. К.Д. Кавелин прямо не говорил об осознании Петром I такой взаимосвязи. Но он давал, тем не менее, понять, что царь эту взаимосвязь ощущал вполне и европеизацию страны проводил очень последовательно и настойчиво, в отличие от своих предшественников. Поэтому он подчеркивал, что «никогда еще

²¹⁴ Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С.48.

²¹⁵ Кавелин К.Д. Задачи психологии // Вестник Европы. 1872. С. 130-169.

²¹⁶ Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории / Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С.256.

²¹⁷ Там же. С.259.

²¹⁸ Там же. С.257.

²¹⁹ Там же. С.258.

до него преобразование не было возводимо в принцип», и что «никто до него не проникался так всецело идеалом европейского государства и быта». И поэтому «Петр внес этот идеал в русскую жизнь», причем «вступил во имя его в борьбу с тогдашней действительностью»²²⁰. К.Д. Кавелин безусловно стремится защитить Петра I от нападков со стороны своих оппонентов славянофилов. И он нашел сильный аргумент в пользу признания петровской европеизации органичным явлением русской жизни. Доказательством этому служит, по его словам, то, что «все образованное меньшинство русского общества бросилось в "прорубленное Петром Великим окно в Европу" и протеснялось туда наперерыв, неудержимо, с удивительной энергией, до нашего времени»²²¹. Тем самым он подчеркивал, что европеизация соответствовала не только потребностям государства, но и интересам русского общества. Глубоко позитивная оценка петровской европеизации К.Д. Кавелиным совершенно очевидна. Как и очевидна для него была ограниченность и незавершенность петровской европеизации. Петр I, писал он, «переменил одни лишь наружные формы нашего внутреннего быта и заменил их иностранными, что, разумеется, не могло переродить нас в европейцев». Поэтому он указывал на дальнейшее ее развитие после Петра I. Сами же петровские реформы были, по его оценке, «только новым условием нашей жизни, под влиянием которого она стала исподволь развиваться далее»²²². С ними европеизация России не завершалась, но только начиналась.

Уже в другой исторический период пореформенной России, в начале восьмидесятых годов, когда в стране начались контрреформы, о значении петровской европеизации писал выдающийся историк-юрист Б.Н. Чичерин в своем труде «Собственность и государство». Наблюдая происходившие в стране процессы, такие, как усиление революционного терроризма, явную неспособность власти справиться с ним и возраставшее отчуждение власти от общества, четко осознавая невозможность с помощью усиления мер охраны предотвратить надвигавшиеся потрясения, Б.Н. Чичерин выражал большую обеспокоенность.

²²⁰ Там же. С.256.

²²¹ Там же. С.161.

²²² Там же. С.267.

«Глубокий разлад, разъедающий современные общества, отражается у нас в потрясающих явлениях и порождает страшные события»²²³, - писал он в заключительной части своего труда. Он пытался предложить какой-то выход из положения и приводил как пример опыт европеизации страны при Петре I, тем более, что, как справедливо отметил А.И. Нарезный, он рассматривал историческое развитие России «в контексте европейской цивилизации»²²⁴. Он при этом отвергал всякую обоснованность действий, «возлагая все свои надежды на темные инстинкты масс». Тем самым он отрицал революционный путь, вероятность которого в то время обозначалась в стране все более отчетливо. Выход он предлагал иной: «не отрекаться от всемирной истории как от чего-то нам чуждого, не отвращаться от ясной области разума». Именно таким был исторический путь, проделанный почти за двести лет до выхода «Собственности и государства», «новой России, введенной гением Петра в семью европейских народов». Он при этом подчеркивал наличие исторической связи между реформами Петра I, направленными на европеизацию страны, и буржуазными реформами при Александре II, указывая, что эти буржуазные реформы составляли продолжение идеи, заложенной в петровской европеизации. В этом он видел направление пореформенных преобразований, «великих и дорогих всякому русскому преобразований минувшего царствования, которые окончательно поставили нас на европейскую почву, перестроив весь наш общественный быт на началах свободы»²²⁵. Указание Б.Н. Чичерина на продолжение при Александре II петровской европеизации было не случайным. Он по существу стремился опереться на Петра Великого, как бы предлагая иной путь развития страны по сравнению с тем, который был заключен в манифесте о незыблемости самодержавия, написанном К.П. Победоносцевым, или в революционном пути, угрозу которого русское общество все сильнее ощущало. Конечно же, Б.Н. Чичерин понимал, что в такой логической связи была натяжка с исторической

²²³ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М.: РОССПЭН, 2010. С.889.

²²⁴ Нарезный А.И. Борис Николаевич Чичерин // Собственность и государство. С.10; Он же. Чичерин Б.Н. о судьбах российской власти в XX веке // Экономические, социально-политические, исторические аспекты модернизации России (XIX – начало XXI в.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2013. С.181.

²²⁵ Там же. С.890.

точки зрения. И если перестройку страны «на началах свободы» еще можно было как-то связывать с буржуазными реформами, то петровская европеизация нисколько не соответствовала началам свободы. Но в данном случае такое логическое построение было полемическим приемом, который использовал Б.Н. Чичерин против реакционеров.

Мысль С.М. Соловьева и Б.Н. Чичерина о европеизации России как о внутреннем содержании и методе проведения петровских реформ воспринял другой выдающийся историк, В.О. Ключевский. Как он указывал, эти реформы, начинавшиеся еще до царя-реформатора, «были предприняты частью под влиянием Западной Европы и исполнены при содействии людей той же Европы. До той поры русское общество жило влиянием туземного происхождения, условиями своей собственной жизни и указаниями природы своей страны»²²⁶. Замечание очень точное. По склонности В.О. Ключевского к кратким, четким и образным выражениям своей мысли он выразил то, что привлекало Петра I и русское общество к странам Запада и к их культуре. «На Западе знают больше нашего и даже для нас могут много сделать лучше, чем мы сами. Таким образом, Запад для нас и школа, и магазин полезных изделий, и своего рода курс исторических уроков», - писал он. Но вместе с тем В.О. Ключевский обосновывал пределы и границы европеизации, проводившейся Петром I. Он заявлял, что Петр I «по-видимому, думал, что Россию связывает с этой Европой временная потребность в военно-морской и промышленной технике, которая там процветала в его время, и что по удовлетворении этой потребности эта связь разрывалась». Историк даже утверждал, что царь будто бы так говорил по этому поводу: «Европа нужна нам еще на несколько десятков лет, а там мы можем повернуться к ней спиной». Тем самым Петр I будто бы сам четко ограничил цели и пределы европеизации. Но, отмечал В.О. Ключевский, ограничить европеизацию русского общества этими пределами было невозможно. По его словам, «ослабевая в государственной и экономической жизни, западная культура проникала в жизнь общественную, в нравы, понятия и привычки общежития, прививая к нему

²²⁶ Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С.417.

западные удобства и украшения, пристаая к нему, как пыль к колесу»²²⁷. Отсюда вытекало неизбежное следствие. После Петра I «русское общество и не думало повертываться спиной к Западной Европе»²²⁸. Это верно, европеизация страны, резко ускоренная Петром I, продолжала развиваться после него. Но вместе с тем мысль В.О. Ключевского о стремлении царя ограничить европеизацию только сферой, относящейся к науке и технике, к военному и морскому делу, к непосредственным нуждам государства противоречит некоторым сторонам реальной деятельности по европеизации дворянства вообще. Тем более, что сам В.О. Ключевский несколько противоречил в этом отношении сам себе. Он указывал правильно, что «когда иноземная культура навязывается обществу, не чувствующему в ней потребности, необходим механический проводник, который бы искусственными средствами прививал и вводил ее в это общество»²²⁹. В роли такого проводника он видел дворянство. Но в результате того, что на него была возложена подобная роль, оно, по словам историка, «успело уже связаться с Западом разнообразными нитями, которые трудно было порвать»²³⁰. Да и не заметно, чтобы царь как-то пытался порвать эти связи. В отличие от С.М. Соловьева, читавшего публичные лекции о Петре Великом в условиях реформ Александра II, В.О. Ключевский читал курс также публичных лекций о европеизации после Петра I в московском Политехническом музее уже в период контрреформ. Сама тема давала ему повод для раздраженного высказывания об особенностях идеологии этого времени. Он отмечал, что «прилив патриотизма и тоска по самобытности так могущественно захватывает наше общество, что мы, обыкновенно довольно неразборчивые поклонники Европы, начинаем чувствовать какое-то озлобление против всего европейского»²³¹. По существу этот курс был призван напомнить о прочности петровской европеизации России, которая успешно продолжалась уже без самого царя.

²²⁷ Там же. С.420.

²²⁸ Там же. С.421.

²²⁹ Там же. С.424.

²³⁰ Там же. С.428.

²³¹ Там же. С.421.

Более точно, чем В.О. Ключевский о пределах петровской европеизации России говорил уже в период первой мировой войны П.Г. Виноградов. Он в своей статье «Россия и Европа» исключительно позитивно оценивал «широкий путь, на который решительно вступил Петр Великий – путь приобщения к великой европейской культуре»²³². Так, через категорию культуры, он понимал европеизацию России. Но такое понимание позволяло включать в европеизацию самые разные сферы жизни, относящиеся к военному делу и к технике, к экономике и к государственному строительству, к духовной культуре и разным сторонам быта. П.Г. Виноградов соглашался с В.О. Ключевским, что «Петр и его последователи интересовались, прежде всего, приобретением технических навыков» в странах Европы. Но он более четко заявлял о социальной составляющей петровской европеизации. Так, В.О. Ключевский говорил лишь о дворянстве как о проводнике реформ и европеизации. П.Г. Виноградов отметил последствия этой европеизации для «зависимой народной массы на Руси». «Кроме хозяйственного и юридического крепостничества получилось разделение по культурным началам», - указывал он, имея в виду разделение этой народной массы и дворянства. Но П.Г. Виноградов вместе с тем указывал и на то, что и для самого дворянства европеизация была ограниченной. Благодаря этому выходило так, что «своеобразным смягчением противоположности (культурной противоположности между народом и дворянством – Т.А.) являлось полудикое состояние самих правящих классов, для которых наносная культура в значительной степени осталась лишь внешней формой»²³³. Следовательно, сам культурный уровень старой России ставил пределы европеизации. И если исследователь допетровской европеизации Т.В. Черникова говорила о поверхностном ее характере²³⁴, то П.Г. Виноградов также указывал по существу своим читателем на столь же поверхностное усвоение европейских начал значительной частью русского дворянства при Петре I и после него. Еще более

²³² Виноградов П.Г. Россия и Европа // Виноградов П.Г. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.411.

²³³ Там же. С.414.

²³⁴ Черникова Т.В. Европеизация России во второй половине XV – XVII веках. М.: МГИМО-Университет, 2012. С.845.

точно он указал на такую поверхностность в своей несколько более поздней статье «Положение дел в России», написанной уже после революции. «Начавшись с поверхностного влияния в восемнадцатом столетии, соединение русской культуры с культурой Центральной и Западной Европы достигло быстро возрастающей стремительности в девятнадцатом»²³⁵, - отмечал он. Тем самым европеизацию России петровского времени он также считал поверхностной и ограниченной. Однако на европеизацию России в либеральной общественной мысли указывалось не только как на ограниченную, но и как на далеко не завершенную. В своем «Общем ходе всемирной истории» Н.И. Кареев, выделяя европеизацию России как значимое явление не только отечественной, но и мировой истории, указывал на ее последствия. Он писал, что «со времени петровской реформы, подготовленной, впрочем, всем предыдущим историческим развитием, Россия мало-помалу заняла свое место в Европе». Это, по его словам, означало, что «высшая культура», под которой он имел западную культуру, нашла свое место и в России, которая до Петра I отличалась своей самобытностью и твердостью исконных начал. Однако само вхождение в европейский мир ни при царе-преобразователе, ни после него завершено, как подчеркивал Н.И. Кареев, не было. Отсюда не случайно «наша историческая отсталость и до сих пор дает о себе знать»²³⁶. Это было написано им в конце XIX в., однако и в более позднее время отсталость так и не была преодолена.

С.Л. Франк проделал путь от участника революционных народнических и марксистских революционных группировок к легальному марксизму и деятельности в либеральном «Союзе Освобождения», а затем к религиозной философии. В статье «Из размышлений о русской революции», вышедшей в свет в эмиграции в 1923 г., сравнивал процессы «раскрепощения личности и секуляризации культуры» в странах Запада и в России. Он отметил, что на Западе «этот процесс начинается с могущественного и совершенно спонтанного духовного и религиозного движения – с Ренессанса и Реформации». Но в России

²³⁵ Виноградов П.Г. Положение дел в России // Избранные труды. С.513.

²³⁶ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.342.

не было «ни Ренессанса, ни Реформации». Начиналось все в России «сразу как бы с периферии – с секуляризации государственности и связанных с нею внешних, граждански-юридических форм культуры». На этом основании он связывал с Петром I не просто европеизацию России. В своей оценке он шел дальше и заявлял, что «Петр Великий ... был действительно первым русским революционером, и не случайно большевики при последнем ограблении церквей, ссылались на его пример»²³⁷. Сравнение весьма показательное. Несомненно, что для С.Д. Франка, пережившего революцию и эмиграцию, как и для эмигрантской среды вообще, сравнение с революционером Петра I несло в себе явно негативный смысл. Вместе с тем С.Л. Франк справедливо указал на достаточно широкую распространенность в то время представления о Петре Великом как о революционере на троне.

Таким образом, общественная мысль России либерального направления признавала европеизацию России в качестве органичного исторического явления, вызванного всем ходом развития страны и выражавшего ее потребности. В целом европеизации России при Петре I давалась позитивная оценка. Она соответствовала тому, что в обществе того времени, по словам исследователя истории русского либерализма В.В. Леонтовича, «преобладало стремление к либеральному абсолютизму»²³⁸. Указывалось при этом на ее незавершенность. С общей оценкой европеизации России была связана оценка личности и деятельности самого царя-преобразователя, в том числе в связи с ролью его в укреплении в России государства и самодержавного строя.

²³⁷ Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.282.

²³⁸ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М.: Русский путь – Полиграфресурсы, 1995. С.309.

2.2. Либералы о роли Петра I в создании условий для развития личности, укреплении государства и самодержавия

Петровская европеизация в конечном счете являлась средством, необходимым в условиях нового времени для укрепления государства. Само такое укрепление виделось как упрочение самодержавной власти. Подобное упрочение определялось как общая цель реформ Петра I, на которую указывалось в общественно-политических дискуссиях. Но, между тем, имел место и несколько иной взгляд на соотношение цели и методов в реформах Петра I, при котором как раз укрепление государства и власти также не выходило за рамки средства, направленного на достижение более общей и далеко идущей цели. Такой целью было обеспечение условий для всемерного развития личности. Что касается высказываний на этот счет российских либералов середины – второй половины XIX в., то в них очень четко прослеживается представление о европеизации России в ходе реформ Петра I как о явлении, глубоко прогрессивном и положительном в своей основе. Подобное отношение их к реформам определялось тем, что в них формировались условия, при которых на русской почве могла, хотя и постепенно, возникнуть свободная личность, получавшая условия для своего развития. Идея свободы как цели исторического развития человечества была четко указана Гегелем. По его словам, «конечною целью мира было признано сознание духом его свободы». А от признания духом свободы Гегель видел «действительность его свободы», или от свободы как осознанной духом идеи к свободе как реальной действительности. «Это конечная цель есть то, к чему направлялась работа, совершавшаяся во всемирной истории; ради нее приносились в течение долгого времени всевозможные жертвы на обширном алтаре земли»²³⁹, - утверждал великий немецкий философ. Эту идею полностью принимало либеральное направление русской общественной мысли и

²³⁹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С.72.

государственная школа русской историографии, к которой принадлежали К.Д. Кавелин и С.М. Соловьев. Свободная и развитая в культурном отношении личность составляла для либеральной идеологии главную ценность, поскольку только при опоре на такую личность возможно было обеспечить развитие общества, продвижение его по пути прогресса. К.Д. Кавелин заявлял по этому поводу, что «индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития, без нее немыслим человеческий быт»²⁴⁰. Отсюда все то, что могло обеспечить появление такой личности в России, получало с их стороны самую положительную оценку, и с этих позиций оценивались реформы Петра I.

Однако, согласно характеристике К.Д. Кавелина, в России ко времени Петра I в силу сложившихся исторических условий «индивидуальность не имела простора; начала личности не было вовсе». Между тем, такое начало «составляет основание всего европейского развития, что определяло европейскую жизнь»²⁴¹ уже к тому времени. В России же после Смуты утвердились «обязанности всех и каждого нести в пользу государства личную службу, натуральную повинность. Вытекая из начал рабства, эта обязанность простиралась на всю жизнь и на все потомство»²⁴², - писал он. Совершенно очевидно, что при таком положении личности условий для развития общества и государства К.Д. Кавелин не видел. Однако это не означало, что Россия была исторически обреченной на рабство страной. «Начало личности было и у нас исстари и рвалось на свободу. Беглецы, разбойники, казаки как другая сторона медали. Дикая, безграничная, необузданная воля, воспетая в особом отделе народной литературы», - писал он. Отсюда – противоречия «индивидуальности ... с крепостным началом» во внутренней жизни страны, и отсюда – «неспособность индивидуальности создать гражданский быт»²⁴³.

Отсюда освобождение личности составляла конечную цель, с точки зрения К.Д. Кавелина, неизбежных для дальнейшего развития страны реформ. «Начало

²⁴⁰ Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю // Избранное. С.181.

²⁴¹ Там же. С.180.

²⁴² Там же. С.179.

²⁴³ Там же. С.181.

личности», имевшееся исторически в России, составляло предпосылку ее достижения. В европейском устройстве виделось направление движения к этой цели. Но необходима была личность, которая могла взять на себя исключительно сложную миссию такого перехода. К.Д. Кавелин видел ее в Петре I. Он подчеркивал, что «Петр – первая свободная великорусская личность, со всеми ее характеристическими чертами: практичностью, смелостью, широтою, и со всеми недостатками, обусловленными тою средою и теми обстоятельствами, при которых она появилась»²⁴⁴. В этих словах К.Д. Кавелин, конечно, противоречит сам себе. Если он видел первую свободную личность в России только в Петре I, то откуда же тогда имелись «исстари» начала свободной личности. Но главное было то, что свободную личность в этом царе, разрывавшим со многими устоями и традициями русской жизни и придворного быта, он мог видеть.

Только такая свободная и крупная личность, как Петр I, согласно К.Д. Кавелину, могла не просто поставить задачу преобразований в стране в европейском духе. «С Петром Великим начало личной свободы было поставлено в России как программа, как требование». И далее следует прибавление, необходимость которого К.Д. Кавелин хорошо осознавал, поскольку глубоко знал внутреннюю жизнь страны петровского и послепетровского времени: «которое должно было постепенно осуществиться в действительности». В самом деле, очень постепенно. До утверждения свободы России было еще очень далеко. Основы всеобщей несвободы, заключавшиеся в прикреплении высшего класса русского общества к службе, а остальных к тяглу или к земле, при Петре Великом не только сохранились, но и укрепились. Но первым шагом к свободе, как указывал К.Д. Кавелин, являлся решительный слом Петром I старых порядков. «Первая личность – Петр Великий – наносит сильнейший удар исторически образовавшимся общественным разрядам». На их место царь «ставит идею государства, которому все и каждый должен служить». В результате он получил «выигранное государственное начало». Но далее на пути к свободе следовало «провести ее очень искусно», «идя постепенно сверху вниз, от высших слоев

²⁴⁴ Там же. С.182.

русского общества к низшим»²⁴⁵. Таким образом, государство Петра I и его власть оказались инструментом, с помощью которого царь начинал вести общество к свободе. Согласно К.Д. Кавелину, государство в России проводило постепенное освобождение сословий, вплоть до отмены крепостного права при Александре II. Столь положительное отношение его к государству в России не случайно. Оно в полной мере соответствует не только идеологии либерализма, но и составляет одно из положений государственной школы русской исторической науки, основы которой К.Д. Кавелин закладывал. В свете этого положения, движение России к свободе способно осуществлять только государство, но не само общество. Поэтому государство и государственный строй, в том числе укрепление при Петре I самодержавия, остались у К.Д. Кавелина вне рассмотрения и вне критики.

Отношение к петровскому самодержавию К.Д. Кавелин четко выразил в своем более позднем труде, «Мысли и заметки о русской истории». Справедливо указывая, что Петр I не создал самодержавия, что оно «родилось с Великороссией»²⁴⁶, он подчеркивал, что при этом царе самодержавию было придано новое качество. Состояло оно в том, что царь собственным примером «вписал навеки в наш государственный устав, что власть есть труд, подвиг, служба России, прежде всех и больше всех». Тем самым он «своим лицом и своею жизнью укрепил царскую власть, начавшую было перед ним колебаться». По его словам, «в этом его величайшая, бессмертная заслуга перед Россией»²⁴⁷. Идеализация петровского самодержавия в этих словах несомненна. Но в них заключалась не просто идеализация, но настоящий гимн петровскому самодержавию, прочно соединенному с идеей свободы. Мысль более чем сомнительная. К тому же в шестидесятые годы, когда был создан этот труд К.Д. Кавелина, в общественной мысли России все более утверждались идеи противоположной направленности, с резко критическим отношением к самодержавию.

²⁴⁵ Там же. С.183.

²⁴⁶ Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории. С.265.

²⁴⁷ Там же. С.266.

Но если К.Д. Кавелин рассматривал связь между идеей свободы личности и укреплением государства и власти Петра I с позиций русской философии истории, то С.М. Соловьев подходил к анализу этой связи как историк, на основании большого эмпирического материала, которым он владел и который демонстрировал слушателям своих публичных чтений. Для него поэтому шаги на пути к свободе личности, делавшиеся уже при Петре I, приобретали вполне конкретное выражение. Для этого он показывал, какое наследство оставляло Петру I Московское государство времени первых царей из династии Романовых, да и более раннего времени. «Нравы были грубы»²⁴⁸, - так определял он одну из важнейших культурно-исторических характеристик этого государства и общества. Для этого, казалось бы, очевидного положения он приводил два очень четких доказательства. Одно состояло в том, что имело место «затворничество женщины», и это было «доказательство ясное и неопровержимое». Объяснял он затворничество тем, что «женщина не могла быть безопасна в обществе, на улице»²⁴⁹. Это имело неблагоприятные последствия для общественных нравов. Как указывал С.М. Соловьев, «удаление женщины, бывшее необходимым следствием грубости нравов и отсутствия безопасности, в свою очередь производило еще большее огрубление нравов»²⁵⁰. Еще одним примером такого состояния нравов в русском обществе было нахождение городского населения под воеводской властью. Отсюда, указывал С.М. Соловьев, «одним из первых внутренних преобразований ... было высвобождение городского промышленного народонаселения от власти воевод, самоуправление промышленного сословия»²⁵¹. Такое положение городского населения вытекало из общего состояния государства. Как подчеркивал С.М. Соловьев, самому воеводе, назначенному в город на управление, «бедное государство не могло дать ... жалования». Но оно «предоставило ему содержаться доходами с управляемой им местности,

²⁴⁸ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. С.63.

²⁴⁹ Там же. С.64.

²⁵⁰ Там же. С.103.

²⁵¹ Там же. С.97.

кормиться за ее счет»²⁵², что вызывало очень большое недовольство посадского населения. И, конечно же, в качестве важнейшего фактора, обусловившего грубость нравов, он указывал на крепостное право. Но он это объяснял отсутствием у государства материальных средств на решение оборонительных задач, на иной способ содержания войска. «Прикрепление крестьян – это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении», - писал он. Но он справедливо отметил, что в таком же положении находились также «посадские, тяглые люди, промышленники, торговые люди»²⁵³. Несвободное состояние касалось по существу всех. В том числе относилось это в полной мере к служилым людям, составлявшим верхушку русского общества. Отсюда С.М. Соловьев отметил типичное поведение служилого человека при выполнении определенных видов службы. При его посылке с поручением, указывал С.М. Соловьев, «давали ему длинный наказ, инструкцию, определявшую с точностью каждое его движение», или, по его образному выражению, «длинный свивальник, которым пеленали взрослого человека». И в таком случае, если при выполнении этого поручения он «встречал какое-нибудь малейшее обстоятельство, непредвиденное в наказе, он останавливался и слал из дальнего места в Москву за новым наказом»²⁵⁴. Проявлять малейшую самостоятельность он боялся. Такое поведение для несвободного человека вполне типично. Таким образом, С.М. Соловьев указал на вполне конкретные проявления несвободного состояния в Московском государстве и сделал убедительной мысль о том, что шаги по пути к свободе личности составляли потребность русского общества.

Об укреплении государства и царской власти как власти самодержавной С.М. Соловьев не упоминал, хотя важнейшие правовые источники, которые он очень хорошо знал, на это прямо указывали. Так, подобные положения содержались в Артикуле воинском, Генеральном регламенте, Духовном регламенте и в других документах. Все свое внимание С.М. Соловьев уделял

²⁵² Там же. С.23-24.

²⁵³ Там же. С.23.

²⁵⁴ Там же. С.95.

тому, как Петр I использовал свою власть во благо общества. Это начиналось, указывал он, «с преобразования экономического; государство земледельческое должно было умерить односторонность своего экономического быта усилением промышленного и торгового движения»²⁵⁵. Другая задача – получение выхода к морю. Это позволяло России «приобщить ... к мореплавательной деятельности богатых государств, дать возможность разделить их громадные барыши»²⁵⁶. Не менее важны были перемены в духовной сфере. «Необходимость науки была осознана и провозглашена торжественно», - писал С.М. Соловьев. И это заставило обратиться «непосредственно к поморским народам, заимствовать у них умелость, практические знания»²⁵⁷. Но это предполагало необходимость изменений во взглядах на жизнь вообще, сложившихся в Московском государстве. Выражением этого стало то, что было особенно заметно разным слоям населения – перемена одежды и бритье бород как мера, которая коснулась высшего слоя русского общества. С.М. Соловьев верно объяснил социокультурное значение этой меры. По его словам, европейская, то есть «короткая и узкая одежда есть выражение бодрствования, выражение сильной деятельности»²⁵⁸, что было необходимо привить русскому обществу, вывести его боярско-дворянскую верхушку из привычного дремучего состояния. Наконец, это было подавление массовых движений. К ним С.М. Соловьев относился крайне негативно. Это были темные силы старого общества, «которых покой был нарушен тряскою, разнообразием нововводимой европейской жизни и которые хотели восстановить прежнее азиатское, степное единообразие». Так, в Астрахани «между заводчиками бунта мы встречаем и ярославца, и москвича, и симбирян, и нижегородцев; тут действуют раскольники, тут же действуют и стрельцы»²⁵⁹. Еще опаснее для государства было восстание на Дону. Как указывал С.М. Соловьев, это определялось тем, что «в Москву в одно время собирались два гостя: Карл XII с образцовым западноевропейским войском и Кондратий Булавин с ссыльными и

²⁵⁵ Там же. С.30-31.

²⁵⁶ Там же. С.33.

²⁵⁷ Там же. С.37.

²⁵⁸ Там же. С.72.

²⁵⁹ Там же. С.111.

каторжными»²⁶⁰. Победа над восстаниями давала возможность продолжать преобразования. То, что это была очередная победа государства над народом, С.М. Соловьев не указывал. В этом было выполнение царской властью в лице Петра I своих функций, и, следовательно, для С.М. Соловьева – оправдание и обоснование сильной царской власти как власти на благо страны. Но о самой царской власти и, тем более, о самодержавии Петра I С.М. Соловьев не упоминал. Едва ли это случайно. В документах петровского времени царь, конечно же, упоминается как «самодержец всероссийский» и как «самовластный монарх»²⁶¹, кем он и был на самом деле. Но в условиях подъема общественного движения и постепенно разворачивавшейся критики самодержавного строя С.М. Соловьев не решился упоминать о петровском самодержавии. Это, как он понимал, могло бы резко снизить положительный образ Петра Великого, который он формировал в своих публичных чтениях.

Продолжение дискуссии западников со славянофилами уже в начале XX а. заметно в труде социолога М.М. Ковалевского «Очерки по истории политических учреждений России». Отвечая на обвинения в адрес Петра I в том, что он не принимал меры к развитию представительного начала в государстве и сформировал бюрократию по западноевропейскому образцу, М.М. Ковалевский указывал, что они были «основаны на идеализации слабых зачатков самоуправления, которыми пользовалась в древнем русском государстве община»²⁶². Кроме того, эпоха Петра I вообще «не была золотым веком представительного образа правления»²⁶³, - подчеркивал он. Сам первый российский император был, по его оценке, «величайший из русских революционеров». Основание для такой оценки в том, что, по словам Ковалевского, его царствование «является поворотным пунктом в истории России. Если Россия в настоящее время представляет собой европейское

²⁶⁰ Там же. С.113-114.

²⁶¹ Артикул воинский // Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти т. М.: Юрлит, 1986. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. С.327, 331.

²⁶² Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России // Избранные труд в 2-х ч. м.: РОССПЖЭН, 2010. Ч.1. С.237-238.

²⁶³ Там же. С.236.

государство, то этим она обязана Петру»²⁶⁴. Следовательно, такое превращение М.М. Ковалевский рассматривал как общую цель петровских реформ. Эти реформы состояли в заимствованиях европейских образцов политической культуры, в том числе способов усиления монархической власти. Он отмечал, что «Франция, Германия, Швеция могли его научить, какими способами монархическая власть уничтожала всякие препятствия, которые ставили ее усилению дворянство, духовенство и третье сословие»²⁶⁵. Следовательно, реформы Петр I проводил при опоре на сильную монархическую власть. Но после смерти императора, «во время недолгого правления Екатерины самодержавие должно было уступить свою власть бюрократической олигархии»²⁶⁶. Таким образом, он признавал власть Петра I самодержавной, но не особенно устойчивой. Зависимость ее от обстоятельств, таких, как личность монарха, была для него слишком очевидной.

Но если у К.Д. Кавелина и С.М. Соловьева демонстрируется не просто позитивное, но порой благоговейное отношение к Петру Великому, а анализ их российской истории и деятельности первого императора страны местами содержит настоящий панегирик ему, то совершенно иное отношение к царю было у В.О. Ключевского. В нем нет ни тени благоговения по отношению ни к Петру I, ни к институту монархии тем более. Кратко и афористично это свое отношение он выразил в дневниковых записях. Конечно же, эти записи носят камерный характер, однако они выражали мысли, которыми жило общество на рубеже столетий, и которые едва ли В.О. Ключевский скрывал от близких ему по духу и мыслям людей. Поэтому эти высказывания выдающегося историка занимали свое место в общественной мысли своего времени.

Так, если К.Д. Кавелин видел в укреплении начавшейся колебаться царской власти великую заслугу Петра I, то В.О. Ключевский прямо заявлял: «Русские цари — мертвецы в живой обстановке»²⁶⁷. Скорее всего, в этом высказывании

²⁶⁴ Там же. С.235.

²⁶⁵ Там же. С.236.

²⁶⁶ Там же. С.244.

²⁶⁷ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1966. С.339.

историк не имел в виду Петра I. Эта личность была слишком живой в русской истории. Имел в виду он монархов последующего времени, особенно второй половины XIX в., когда загнивание монархии в России проявлялось все более отчетливо. Но все равно, тем самым он все петровские меры по укреплению монархии считал исторически бесперспективными. Петра I он характеризовал в качестве не только самодержца, но и царя-деспота. В его деятельности он видел противоречия между положением его как самодержца и его замыслами и целями, которые он вынашивал в период своего царствования. «Деятельность Петра сплелась из противоречий самодержавного произвола и государственной идеи общего блага; только он никак не мог согласовать эти два начала, которые никогда не помирятся друг с другом»²⁶⁸, - отмечал В.О. Ключевский. Это проявлялось, как указывал историк, в ходе его военной реформы. «Новый военный порядок Петр создавал не столько официальными указами, сколько письмами, частичными распоряжениями по отдельным случаям без соображения с законом». И делал вывод: «Это не законодательство, а личные распоряжения деспота, вышедшего из рамок закона»²⁶⁹. Замечание совершенно справедливое. Однако не только способ принятия решений, но и внешнюю политику Петра I и ее результаты, в которой традиционно видели одни достижения за исключением Прутского похода и Прутского мира, подвергал критике В.О. Ключевский. «Через Полтаву он (Петр I – Т.А.) выходил на большую европейскую дорогу», - констатировал он. И далее указывал: «Он по-прежнему оставался туп к пониманию нужд народа. Но он стал более чуток к условиям своего международного положения: он понял, что начинается игра не по карману». И исключительно яркий вывод: «Предстояла роль нищего богача»²⁷⁰. Мысль совершенно справедливая. Роль России как великой европейской державы, которую она приобрела после Полтавы, не соответствовала экономическому уровню страны. Эту же мысль так же афористично выразил он в своем курсе

²⁶⁸ Там же. С.385.

²⁶⁹ Там же. С.391.

²⁷⁰ Там же. С.393.

русской истории. «Внешние успехи новой России напоминают полет птицы, которую вихрь несет и подбрасывает не в меру силы ее крыльев»²⁷¹, - писал он.

Отсюда и общий результат его деятельности. По его словам, «Петр – деспот, своей деятельностью разрушил деспотизм, подготавливая свободу своим обдуманном произволом, как его преемники своим либеральным самодержавием укрепляли народное бесправие»²⁷². В этой оценке есть признаки единства с характеристиками Петра I К.Д. Кавелиным и С.М. Соловьевым. Действительно, как и оба его выдающихся предшественника, В.О. Ключевский говорил о подготовке при Петре I свободы. Но результаты этой подготовки усматривались разные. Если оба мыслителя государственной школы полагали, что в этой деятельности царь добился успеха, то В.О. Ключевский указывал на совершенно противоположный итог. Это не удивительно, поскольку после революции 1905-1907 гг., когда появилась эта запись в дневнике, невозможность дальнейшего сколько-нибудь продолжительного существования царского режима не была секретом. Но в этом у В.О. Ключевского были основания для критики самого Петра I. Основывал свою критику он на том, что «Петр не создал ни одного учреждения, которое, обороняя интересы народа и на него опираясь, могло бы встать на защиту своего создателя и его дела после него». Поэтому, по его словам, «Петр был жертвой собственного деспотизма. Он хотел насильем водворить в стране свободу и науку. Но эти родные дочери человеческого разума жестоко отомстили ему»²⁷³. Но оборотной стороной петровского деспотизма, на который указывал историк, было бесправие народа. Об этом он писал так: «Бесправие, покоившееся до поры до времени на привычке, народной инерции, Петр преобразил в организованную силу, в государственное учреждение». И далее – вывод: «против которого надо было бунтовать»²⁷⁴. Такой вывод не могли делать К.Д. Кавелин и С.М. Соловьев. Он был несколько неожиданным для историка, баллотировавшегося в ходе выборов во вторую Государственную Думу

²⁷¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.3 // Сочинения в 8-ми т. М.: Госполитиздат, 1957. Т.3. С.8.

²⁷² Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы... С.388.

²⁷³ Там же. С.385.

²⁷⁴ Там же. С.393

от кадетской партии. Но состояние самодержавия и недавняя революция давали основание В.О. Ключевскому сделать его.

Таким образом, характеристика В.О. Ключевским реформ Петра I была глубже, чем у К.Д. Кавелина и С.М. Соловьева. Он отмечал насилие и деспотические методы проведения петровских реформ, что совершенно исключалось в апологетических оценках царя и его деятельности обоими его выдающимися предшественниками. Однако по сравнению с последующими российскими монархами В.О. Ключевский Петра I явно выделял. Определяя его как самодержца, он при этом подчеркивал, что самодержавие – «не власть, а задача, т.е. не право, а ответственность». Задача же состояла в работе самодержца для «народного блага» или делать то, «чего не в силах делать сам народ». В этом его «единственное политическое оправдание», - подчеркивал В.О. Ключевский. «Неудачное самодержавие перестает быть законным», - писал он в своем дневнике. Поэтому Петр Великий был, по его словам «единственным самодержцем в нашей истории». Критерий такого понимания в данном случае был очень четкий: «Правление, сопровождающееся Нарвами без Полтав, есть nonsense»²⁷⁵. Несомненно, что такая характеристика самодержавия была навеяна событиями начала прошлого века, за которыми историк очень внимательно следил, и прежде всего за поражением в войне с Японией. Петра I он в данном случае явно противопоставлял Николаю II. Но такая характеристика противоречила другой, несколько более ранней записи. Если в предыдущей записи В.О. Ключевский давал понять, что петровское самодержавие что-то делало для «народного блага», то высказывал он и иное отношение к деятельности Петра I по отношению к народу. «Реформа Петра вытягивала из народа силы и средства для борьбы господствующих классов с народом»²⁷⁶. В данном случае В.О. Ключевский был, безусловно, прав. Характеристики Петра I В.О. Ключевским, относившимся к либеральному сегменту общественного

²⁷⁵ Там же. С.396.

²⁷⁶ Там же. С.392.

движения в России, были вместе с тем близки демократически настроенной части русского общества.

Аналогичным, казалось бы, по внутреннему смыслу образом, как и К.Д. Кавелин, определял цель реформ Петра I выдающийся историк П.Н. Милюков в своем труде «Очерки по истории русской культуры», который на рубеже XIX-XX вв. стал фактом большого общественного значения. Если К.Д. Кавелин говорил о развитии индивидуальности, личности как общей цели петровских реформ, то П.Н. Милюков эту же мысль выражал словами самого царя, которые он «не раз говорил иностранцам»: «превратить "скотов в людей"». Но, как отмечал П.Н. Милюков, в обращениях «к подданным он выражался несколько мягче: он хочет превратить "детей" во "взрослых"»²⁷⁷. Роль Петра I как воспитателя народа подчеркивал С.М. Соловьев. По его словам, он за свою деятельность по праву удостоился «значения великого учителя народного»²⁷⁸. Он использовал при этом разные «воспитательные средства». Не останавливался он и перед тем, чтобы использовать при необходимости «дубинку для взрослых детей». Совершенно иначе оценивал роль Петра I как воспитателя П.Н. Милюков. «Не воспитанный сам, он уже просто потому не может быть воспитателем и педагогом своего народа, что не имеет представления ни о задачах, ни о приемах педагогики»²⁷⁹, - подчеркивал он, развенчивая благостный и искусственный образ Петра Великого как народного воспитателя.

Между тем, для П.Н. Милюкова настоятельная необходимость реформ, проводившихся при Петре I, была очевидна, и вытекала она, по его мнению, из борьбы в стране двух «элементов» – «националистического» и «критического»²⁸⁰. Сам «стихийный ход жизни в России сделал победу критических элементов необходимой», - утверждал П.Н. Милюков. И если «националистическое» начало, по его мнению, брало в России верх при первых царях из династии Романовых, то к концу XVII в. возможности развития на началах русской старины были

²⁷⁷ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 2-х т. М.: РОССПЭН, 2010. Т.2. С.185.

²⁷⁸ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. С.52.

²⁷⁹ Там же. С.126.

²⁸⁰ Милюков П.Н. Указ. соч. С.170.

исчерпаны. Поэтому Петром I проводилась реформа, «вытекающая непосредственно из потребностей жизни». Это уже, в свою очередь, предопределяло характер критики традиционных начал русской жизни и перемен в стране. По словам П.Н. Милюкова, «реформа неизбежна, и притом не реформа умеренная, а крайняя, не реформа идеологическая, подготовленная книгой и литературой, а реформа произвольная, стихийная»²⁸¹. Она шла «наперекор» народному сознанию. Проводилась она «сверху» и была для русского общества «насильственная». Ее насильственный характер понимало при этом все русское общество, «те, кто ее проводил, как и те, кто ей противился»²⁸².

Говоря о власти, необходимой для проведения петровских реформ, П.Н. Милюков не упоминал о самодержавии и деспотизме царя, как это делал В.О. Ключевский. Но он также ставил вопрос о политическом обеспечении реформ. По его мнению, «между XVI и XVIII веком, бюрократия являлась единственным правящим классом». Такое положение стало возможно «в промежутке между распадением боярства и господством дворянства», когда «дворянство, в самый момент своей победы над боярством и казачеством, добровольно уступило бюрократии свою правительственную роль и отказалась от постоянного контроля за ней, какой мог дать дворянству земский собор»²⁸³. Аналогичную мысль высказывал В.О. Ключевский. «Центр тяжести в первый период – в Боярской думе, во второй в Разряде»²⁸⁴, - так характеризовал он политические различия между временем Ивана Грозного и царя Федора Ивановича и временем царствования первых Романовых. Но П.Н. Милюков указывал, что положение бюрократии прочным не было, поскольку «волнения» бунташного века «обнаружили бессилие бюрократии»²⁸⁵. Он не видел социального слоя, который был способен серьезно противостоять реформам Петра I. Но он указывал, что и самому царю в ходе реформ «не на что было опереться»²⁸⁶. Отсюда он делал

²⁸¹ Там же. С.169.

²⁸² Там же. С.170.

²⁸³ Там же. С.173.

²⁸⁴ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы ... С.396.

²⁸⁵ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. С.174.

²⁸⁶ Там же. С.175.

вывод, что двигателем реформы была воля и решимость самого Петра I. Опору же он находил или в ближайших людях вроде А.Д. Меншикова, или в офицерах гвардии. Но заменить социальную опору в виде общественного класса это не могло. Поэтому, писал П.Н. Милюков о Петре I, он мог «чем дальше, тем больше чувствовать себя одиноким». И это, «конечно, усилило печать индивидуальности, наложенной им на свою реформу – часто к ее несомненному ущербу»²⁸⁷. Такое положение способствовало тому, что царь-реформатор даже не мог обеспечить закрепления своего дела, которому отдал все жизнь. Не случайно получилось так, что «смерть Петра застала Россию врасплох; и это дорисовывает нам его реформу»²⁸⁸, - писал П.Н. Милюков. По существу, тем самым историк поднимал еще одну проблему, касающуюся монархической власти в России при Петре I. Так, если К.Д. Кавелин и С.М. Соловьев подчеркивали, что она была направлена на решение задач, стоявших перед страной и русским обществом, если В.О. Ключевский указывал на ее самодержавный и деспотический характер, то П.Н. Милюков подчеркивал ее слабую эффективность.

Таким образом, вопрос о целях реформ Петра I и их политическом обеспечении в виде формы государственной власти занимает заметное место в русской либеральной общественной мысли. Между тем, в ней нет сколько-нибудь прочного единства мнений по этим вопросам. Апологетическое, и даже благоговейное отношение к монарху западников К.Д. Кавелина и С.М. Соловьева находится в самом резком контрасте с резкой критикой либералов более позднего времени, В.О. Ключевским и П.Н. Милюковым. Если К.Д. Кавелин подчеркивал, что конечной целью реформ является развитие индивидуальности и личности, то П.Н. Милюков подтвердил это, но таким аргументом, что ни о каких началах развития индивидуальности и личности речи быть не могло. Подчеркивалось, что сильная власть Петра I обеспечивала саму возможность и ход реформ в стране. Но при этом такая власть прямо характеризовалась В.О. Ключевским как самодержавная и деспотическая, а П.Н. Милюков, кроме того, подчеркивал ее

²⁸⁷ Там же. С.177.

²⁸⁸ Там же. С.221.

неэффективность. В либеральной общественной мысли на протяжении от середины XIX до начала XX в. просматривается общая тенденция в развитии отношения к Петру I, от апологетики к критической оценке. Она объясняется усилением кризиса самодержавия и революционными событиями начала XX в.

2.3. Научные подходы к оценке личности и деятельности Петра I

Культура пореформенного периода отличалась значительным возрастанием общественного интереса к науке, повышением ее авторитета в обществе. Характерной фигурой в культуре русского общества стал увлеченный наукой разночинец, литературный образ которого воплощен в тургеневском Базарове. Подъем переживало женское образование, и курсистка, живописный образ которой был создан передвижником Н. Ярошенко, также представляла собой типичную фигуру своего времени. Научное знание и создающее его образование выходило на уровень важнейшей ценности общества. Поэтому не удивительно, что в ходе развития самой общественной мысли и в общественно-исторических и общественно-политических дискуссиях все более актуальным становилось научное обоснование высказывавшихся положений и выводов, их соответствие научным данным. При этом общество, воспитанное на позитивистском восприятии самого понятия о науке, считало историю одной из конкретных наук, которая так же, как и естественные науки, решает задачи формирования нового знания в своей области.

Это коснулось, в частности, вопроса о Петре I, личность которого продолжала занимать самое видное место в общественной мысли разных направлений. К середине XIX в. при этом постановка вопросов об истории жизни и деятельности этого царя как научной проблемы уже имела собственную

историю. Первый шаг в формировании научного знания о Петре I, его реформах и его времени, был сделан еще в конце XVIII в. в труде купца И.И. Голикова «Деяния Петра Великого». До этого времени о Петре I в России также писали много. Однако все это никакого научного значения не имело и не выходило за рамки чистой публицистики. Что же касается труда И.И. Голикова, состоящего из девяти толстых книг-«частей» и двух частей с материалами, то его можно признать колоссальным. Общее с наукой в нем было то, что основан он был на большом фактическом материале, который автор собирал долго и тщательно. Свои положения и выводы он старался подкрепить ссылкой на источники. Вместе с тем в целом колоссальный труд И.И. Голикова на уровень научного исследования все-таки не вышел. Публицистическая его направленность проявляется очень заметно. И.И. Голиков ставил задачу не столько исследовать жизнь и «деяния» царя, сколько дать ответ его «хулителям», в прошлом и в настоящем. Идеализация Петра I И.И. Голиковым слишком очевидна. Но она подкрепляется еще выделением исторического деятеля этого времени, который служил бы для автора своего рода антиподом царю, сосредоточил бы в своей личности самые негативные качества. Это был вовсе не шведский король Карл XII, не предводитель восстания на Дону Кондратий Булавин и даже не царевич Алексей. Таким антиподом для И.И. Голикова стал гетман Мазепа. Это не случайно, поскольку обращение к теме предательства давало возможность убедительно выстроить вполне демонический образ злой силы, стоявшей за гетманом, которую приходилось преодолевать царю. Труд И.И. Голикова был создан на исходе эпохи Просвещения. Однако он не соответствовал уровню исторической науки своего времени, в которой уже ставился вопрос о критике источников. Он также не соответствовал дворянской культуре того времени, в которой все более отчетливо начинала проявляться критика отдельных сторон деятельности Петра I. В труде И.И. Голикова было, напротив, выражено и подчеркнуто неприятие этой критики со стороны современных автору «хулителей» царя из среды просвещенного дворянства, обвинение этих «хулителей» в «неблагодарности».

Значительно более глубоким по своему научному уровню был замысел следующего общего труда на эту тему, «История Петра I» А.С. Пушкина. Для великого поэта и мыслителя тема Петра I была одной из центральных тем его творчества и особенно близка была ему ввиду того, что одним из его предков был «Арап Петра Великого». Зная о том, что в общественной мысли России имела место как безудержная апологетика Петра I, так и самая резкая его критика²⁸⁹, А.С. Пушкин сделал попытку понять и представить читателю исторический облик реального царя, без вполне объяснимых крайностей, сложившихся ранее. Замысел А.С. Пушкина по созданию научного труда о Петре I не был, однако, завершен. Противоречия личности и деятельности первого императора России он видел очень четко и собирался дать им анализ. В частности, это касалось анализа петровского законодательства. В черновой записи, относившейся к 1720 г., он записал: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости; вторые жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего; вторые вырвались у нетерпеливого и самовластного помещика». И после этого следовала пометка: «NB. (Это внести в *Историю Петра*, обдумав)»²⁹⁰. При этом А.С. Пушкин очень высоко оценивал общее направление петровских реформ. «По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалась в огромных составах государства преобразованного», - указывал он в своей заметке «О русской истории XVIII века». «Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения»²⁹¹, - говорил он о жизненности дела Петра I и о положительном влиянии его на культуру страны.

²⁸⁹ Н.Я. Эйдельман отмечал, что А.С. Пушкин еще молодым «мог прочесть несколько сочинений, в основном апологетических», о Петре I. См.: Эйдельман Н.Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С.41.

²⁹⁰ Пушкин А.С. История Петра I // Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1977. Т.8. С.303.

²⁹¹ Пушкин А.С. О русской истории XVIII века // Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1976. Т.7. С.161.

Крупным трудом середины XIX в. о Петре I стало произведение выдающегося историка Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого». За период с 1858 по 1859 гг. успело выйти в свет шесть его томов. При этом историк не успел выпустить пятый том, но поспешил издать том шестой, в котором раскрывалась острая для общественной мысли периода, предшествовавшего буржуазным реформам, тема конфликта царя с сыном, царевичем Алексеем Петровичем, и трагической его гибели. В этих томах он также опубликовал множество источников. Подход к истории Петра I, над которой Н.Г. Устрялов работал в течение сороковых-пятидесятих годов, он осуществлял с позиций прагматической истории, в которой мысль направлялась на изучение главных условий общественного быта и причины развития промышленности и образования²⁹². Это относилось к подходам к истории царствования Петра I. Н.Г. Устрялов видел в ней переход к европейским началам жизни русского общества с развитием основных начал русской народности²⁹³, но не в противоречии с ними. В таком подходе был шаг вперед. Но выдержать такой подход до конца Н.Г. Устрялов не сумел. По оценке Н.А. Добролюбова, ставившего труд Н.Г. Устрялова очень высоко, он все-таки не всегда мог выйти за рамки того, что давали прежние панегиристы царя²⁹⁴, которых было много. Наглядное подтверждение правоты Н.А. Добролюбова было в создании Н.Г. Устряловым образа антипода царя. Но если у И.И. Голикова в роли такого антипода выступал гетман Мазепа, то Н.Г. Устрялов до темы предательства гетмана дойти не успел. Поэтому антиподом царя у него выступала его сестра, царевна Софья, наделенная историком целым рядом самых отрицательных качеств²⁹⁵.

Новый этап в научном исследовании истории Петра I, событий и явлений его царствования имел место в «Истории России с древнейших времен» С.М.

²⁹² Веркеенко Г.П., Казакова О.Ю. «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805-1870 гг.). Орел: Полиграфическая фирма «Картуш», 2005. С.40.

²⁹³ Там же. С.153-154.

²⁹⁴ Добролюбов Н.А. Первые годы царствования Петра Великого// Собрание сочинений в 9 т. Т. 3. Статьи и рецензии. Июнь-декабрь 1858 г. М.;Л.: ГИХЛ, 1962.

²⁹⁵ Шевцова О.Н. Труды русских историков и писателей эпохи романтизма: образно-сюжетный строй, литературная стилистика и композиционное построение. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2017. С.49-50.

Соловьева, основанной на формировании и изучении самой широкой источниковой базы. Петровский период и деятельность царя историк четко вписал в свою общую концепцию русского прошлого. Преодоление тяжелого наследия родового строя и победа государственного начала, которая произошла еще при Иване III, поставила вопрос о путях дальнейшего развития страны. Уже после Смуты, при первых царях из династии Романовых, среди незначительной части верхушки русского общества обозначился интерес к странам Западной Европы, которые ушли вперед в своем развитии, и к их культуре. Заслугой Петра I С.М. Соловьев считал то, что он сам проникся в силу обстоятельств своей жизни этим интересом, осознал, что давало приобщение России к западной культуре, и повел страну по этому пути, вводя ее, в конечном счете, в мир европейских народов. Государство во главе с Петром I стало, таким образом, мощным двигателем истории страны, выводя русское общество на уровень современной и высокой западной культуры. Отсюда не просто самая позитивная оценка историком личности и деятельности царя, но и нередко прямая его апологетика. Отсюда и самая резкая оценка массовых народных движений и сил, принимавших в них участие – стрельцов, старообрядцев, донских казаков, полное одобрение всех мер петровского государства по подавлению этих движений.

Основным недостатком прежней историографии Петра I В.О. Ключевский считал то, что в ней он не смог увидеть такой образ царя, который соответствовал бы реальностям русской жизни того времени. В данном высказывании проявлялось известное единство с намерением А.С. Пушкина решить сложную задачу исторической реконструкции реального Петра I, которое великий поэт интересно решал в своем художественном творчестве, но так и не успел осуществить в историческом труде. «Чтобы сделать Петра великим, его делают небывалым и невероятным. Между тем надобно изобразить его самим собою, чтобы он сам собою стал велик»²⁹⁶, - указывал он. В.О. Ключевский не мог удовлетвориться только лишь характеристикой Петра I как личности, которая обеспечила своими реформами европеизацию России с последующим ее

²⁹⁶ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы ... С.326.

развитием и вступлением в Европу. В ходе своего анализа четвертого периода русской истории, отнесенного В.О. Ключевским ко времени между завершением в 1613 г. Смуты в России и вступлением на престол Александра II в 1855 г., при котором начались буржуазные реформы, историк отводил самое существенное место петровским реформам. Как справедливо отметила М.В. Нечкина, главное в концепции этих реформ, сформированной В.О. Ключевским в «Курсе русской истории», заключалось «в социальном моменте». Этот «момент» состоял, писала М.В. Нечкина, в том, что петровские «реформы, поднявшие мощь государства, очень дорого стоили народным низам, оплатившим их кровью и напряженным трудом, низам закрепощенного народа, построившим здание нового государства, но получившего от него за это лишь усиление крепостной неволи». Этот «момент», подчеркивала М.В. Нечкина, является «"ключом" ко всему последующему»²⁹⁷ изложению в лекционном курсе русской истории, относящемуся у В.О. Ключевского к характеристике развития России в послепетровский период. Таким образом, налицо весьма резкое отличие между пониманием сущности и характера реформ С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским. Новое их понимание в концепции В.О. Ключевского из четвертой части его «Курса русской истории», писавшегося вскоре после завершения первой революции в России, было более современным для русской общественной и научной мысли тех лет, чем это было в концепции С.М. Соловьева. Оно отвечало повышенному вниманию к социальной истории, к положению широких слоев населения, к истории массовых социальных движений, которым отличалась вообще культура начала прошлого века в условиях углублявшегося кризиса европейской цивилизации, причем не только русская культура.

Важной составной частью реформ Петра I была административная реформа. Ее исследователь П.Н. Милюков находил, что цели ее проведения были весьма конкретные и ограниченные, и в них не было ничего, что относилось бы к развитию индивидуальности, на что в качестве конечной цели реформ указывал еще К.Д. Кавелин. Так, говоря о губернской реформе 1708 г., он прямо связывал

²⁹⁷ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. С.535.

ее с потребностями войны со Швецией и ее финансирования. «Устройство губернских касс и расквартировка армии была ближайшей и в начале даже исключительной целью этой реформы»²⁹⁸, - подчеркивал П.Н. Милюков. То же самое относится к исследованию податной реформы при Петре I, проведенном М.В. Ключковым примерно в то же самое время, когда над историей русской культуры работал П.Н. Милюков. Нехватка финансов на государственные расходы, а не какие-то другие обстоятельства, побуждали Петра I проводить переписи, а затем и реформу налогообложения с заменой подворного обложения на подушную подать²⁹⁹, писал историк.

Характер и особенностей реформ Петра I раскрываются в свете концепции русской истории, обоснованной П.Н. Милюковым. Для понимания хода истории, согласно П.Н. Милюкову, было необходимо выделение отдельных его периодов, а в рамках периода следовало давать анализ процессов в важнейших сферах жизни. Он отвергал представление об особом пути исторического развития России, который выражали славянофилы, или об особом культурно-историческом типе русских и вообще славян, о существовании которого говорил один из основоположников цивилизационного подхода Н.Я. Данилевский. Но он также отвергал западническое представление о русском заимствовании из стран Западной Европы разных сторон культуры. Это в полной мере касалось характеристики реформ Петра I. Что же касается самих реформ, то, как писала Н.И. Канищева, П.Н. Милюков признавал самую значительную роль в них царя. Но «это влияние носило скорее негативный характер, поскольку открывало путь необдуманном стихийным порывам, сопровождавшимся необоснованными насильственными действиями»³⁰⁰.

Таким образом, научные подходы к истории Петра I, его личности и деятельности, в трудах отечественных историков либерального направления за

²⁹⁸ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Книгоиздательство М.В. Пирожкова. Исторический отдел, 1905. С.531.

²⁹⁹ Ключков М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т.1. Переписи дворов и населения (1678-1721). СПб., 1911. С.III-IV.

³⁰⁰ Канищева Н.И. Павел Николаевич Милюков // Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 2-х т. М.: РОССПЭН, 2010. Т.1. С.37.

длительный период второй половины XIX – начала XX вв. не оставались неизменными. В их развитии можно выделить два периода. Первый относится к более раннему времени, к которому относятся труды историков государственной школы русской историографии – К.Д. Кавелина и С.М. Соловьева. В их трудах деятельность Петра I четко вписана в концепцию истории России, а сам царь представлен как личность, обеспечившая вступление России на путь европейской культуры и в систему европейских государств. Исключительно высокая оценка Петра I с видимыми признаками панегирика царю-преобразователю соответствовало направлению общественной мысли периода накануне и во время буржуазных реформ. В то время надежды на способность самодержавия провести необходимые для страны реформы еще сохранялась. Заметные изменения произошли в исторической мысли конца столетия и начала нового века. Историки этого периода, В.О. Ключевский и П.Н. Милюков, также вписывали Петра I в рамки своих концепций русской истории. Но это уже был совершенно иной образ, в котором не было ни тени панегирического отношения к царю. Критическое отношение в них явно преобладало. Это касалось связи реформ с социальным положением разных слоев русского общества, с вопросом о цене, которую низшие слои населения платили за реформы, с указанием на негативное влияние некоторых сторон личности Петра I на ход самих реформ. Несомненно, что столь критическое отношение к первому русскому императору соответствовало общему состоянию русской общественно-политической мысли в условиях углублявшегося системного кризиса самодержавия в России, все более глубокого осознания того, что этот политический строй не соответствует новейшему времени и его культуре.

2.4. Противоречия либерального дискурса по вопросу о Петре I

Общественно-политический дискурс, относящийся к теме Петра I, при всей своей стройности и убедительности для нескольких поколений сторонников либеральной идеи имел свои очевидные противоречия. Отчасти такие противоречия вызваны были сложностью и противоречивостью личности самого Петра I и дела, которому он посвятил свою жизнь, делу преобразований в России. Такие противоречия с исключительной художественной силой и убедительностью вскрывал еще А.С. Пушкин, создавший образ Медного Всадника. Великое дело Петра I по подъему России, по преодолению ее отсталости, по введению ее в круг европейских стран обернулось трагедией маленького человека, каким был герой пушкинской «петербургской повести» Евгений³⁰¹, множество других людей, погибших в ходе реформ и войн того времени. Но, главное, что эти противоречия определялись самим мировоззрением либеральной среды, ее системой ценностей, культурных и исторических приоритетов и их эволюцией.

Наиболее очевидным было противоречие между взглядами либеральных мыслителей середины – начала второй половины XIX в. на свободную личность как на конечную цель петровских реформ и на всемерное усиление крепостнических начал как на метод проведения этих реформ при объективном отсутствии в крепостной стране других методов. Эти две стороны настолько резко противоречили друг другу, что совместить их не представляло никакой возможности. Определенным выходом из такого положения являлась теория закрепощения и раскрепощения сословий, которая пользовалась признанием в либеральной общественной мысли. Эта теория, сформулированная Б.Н.

³⁰¹ Как писал С.М. Бонди, А.С. Пушкин «без всяких оговорок восхваляет великое государственное дело Петра, созданный им прекрасный город - "полнощных стран красу и диво"». Но эти государственные соображения Петра оказываются причиной гибели ни в чем не повинного Евгения, простого, обыкновенного человека. См.: [Бонди С.М.] Медный всадник // Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1975. Т.3. С.465.

Чичериным³⁰², получила самое широкое признание ввиду своей логической стройности и опоры на фактический материал, которым являлось русское законодательство, вводившее закрепощение сословий и упразднявшее его. В свете этой теории, возможно, было объяснение того, как заключенная в реформах Петра I и петровской европеизации страны и русского общества идея свободы личности находила совмещение с усилением государственной эксплуатации податного населения, тяжести государственной службы, военной и статской, лежавшей на высшем классе населения. Конечно же, было ясно, что никакой свободы личности петровское государство предоставить не могло. Но благодаря повороту в сторону европейских стран и европейской культуры оно, во-первых, создавало предпосылки заинтересованности в расширении личных свобод для высшего класса русского общества, который продемонстрировал, начиная с петровского времени, ярко выраженное стремление войти на равных в европейское высшее общество. Во-вторых, усилившееся государство, формой которого стала Российская империя, перестало жить в режиме, требовавшей максимальной концентрации сил для обороны при крайней скудости материальных ресурсов. Оно само перешло к активной внешней политике, которая стала наступательной и направленной на обеспечение для себя не просто места в европейском мире, но ведущего места. Отсюда при постепенном исчезновении постоянной военной опасности с юга, запада и северо-запада государство могло идти на раскрепощение сословий, что началось с Манифеста о вольности дворянства при императоре Петре III. Раскрепощение было шагом на пути к идеалу свободной личности и индивидуальности, но еще не его осуществлением. Однако предпосылки такого движения как раз закладывались реформами Петра I. Вместе с тем с позиций этой теории не объяснялось, как могло происходить раскрепощение сословий при сохранении активной внешней политики, при

³⁰² Б.Н. Чичерину принадлежит классическая формулировка этой теории. Он так раскрывал ее сущность: «Это было укрепление не одного сословия в особенности, а всех сословий в совокупности; это было государственное тягло, наложенное на всякого, кто бы он ни был. Все равно должны были всю жизнь свою служить государству, каждый на своем месте: служилые люди на поле брани и в делах гражданских, тяглые люди – посадские и крестьяне, отправлением разных служб, податей и повинностей, наконец вотчинные крестьяне ... также службою своему вотчиннику, который только с их помощью получал возможность исправлять свою службу государству», См.: Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С.227-228.

наличии тенденции к расширению империи потребности в колоссальных затратах на военные цели. Эти цели соответствовали амбициям российской императорской власти, но для их достижения не хватало материальных средств, которые могла давать экономика страны, остававшаяся по сравнению с западными странами на протяжении XVIII-XIX вв. отсталой, несмотря на меры по ее реформированию.

Резкими были противоречия между пониманием цели всей реформаторской деятельности Петра I историками-западниками государственной школы и В.О. Ключевским. Если первые видели в этих реформах создание предпосылок для развития начал индивидуальности и свободной личности, то понимание этой цели В.О. Ключевским было более ограниченным и более конкретным. Реформа Петра I, указывал он, «не имела своей целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка, установившегося в этом государстве», и даже «не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западноевропейские основы». Задача реформ ограничивалась только тем, чтобы «вооружить русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе»³⁰³. Такое понимание цели реформы более соответствовало отношению к самодержавию в русском обществе на рубеже веков. Это не случайно, поскольку в то время в системе самодержавной власти вообще не видели какой-то способности к постановке целей, направленных на развитие страны. Но мысль В.О. Ключевского была сложнее. Он при этом не отрицал некоторых вполне позитивных последствий петровских реформ для русского общества. По его словам, эта реформа, независимо от своей цели, «взбаламутила всю застоявшуюся плесень русской жизни, взволновала все классы общества ... усвоила характер и приемы насильственного переворота, своего рода революции»³⁰⁴. Указание на «застоявшуюся плесень русской жизни» было вполне понятно российскому либеральному обществу начала прошлого века. Как и упоминание «революции», которую Россия пережила как раз

³⁰³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.4 // Сочинения в 8-ми т. М.: Госполитиздат, 1958. Т.4. С.220.

³⁰⁴ Там же. С.221.

незадолго перед тем, как В.О. Ключевский завершил свою четвертую часть «Курса русской истории». Но в таком понимании хода реформ между историками государственной школы и В.О. Ключевским заключалось еще одно противоречие. Касалось оно движущих сил реформы. Если К.Д. Кавелин и С.М. Соловьев не сомневались в том, что движущей силой их был сам царь-преобразователь, его разум и воля, то В.О. Ключевский в качестве самой активной движущей силы реформ рассматривал русское общество в целом. Это также соответствовало изменениям в общественном дискурсе прошлого века. В то время утверждалось представление о ведущей роли в ходе развития сложных процессов общества, а социальные предпосылки развития понимались как более важные, чем их политические предпосылки.

Не прослеживается также общей единой оценки не только к реформам Петра I и к самому царю, проводившему эти реформы. Обращает на себя внимание резкий контраст между отношением к царю со стороны либеральных мыслителей более раннего времени и мыслителей-либералов рубежа XIX-XX вв. Взгляд на него как на «великого человека»³⁰⁵ - вот что определяет суть отношения к нему К.Д. Кавелина и С.М. Соловьева. Объясняя это, К.Д. Кавелин указывал, что «Петр Великий есть полнейший представитель своей эпохи и ее преобразовательных стремлений». В период буржуазных реформ, когда были изданы его «Мысли и заметки о русской истории», указания на стремления к преобразованиям были близки и понятны либеральному обществу, и это способствовало созданию и укреплению в нем позитивного образа Петра Великого. Конечно же, в сознании этого общества, которое отличалось своим высоким образовательным уровнем, возникал так или иначе вопрос о методах петровских преобразований, которые были жестокими и очень сказывались на положении народа. Но и для этого сомнения К.Д. Кавелин нашел свое объяснение с опорой на исторический подход, что также давало для этого общества убедительный ответ, позволявший понять, почему эти методы были такими.

³⁰⁵ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. С.8.

«Формы, в которых они осуществлялись, принадлежат безраздельно времени»³⁰⁶, - так объяснял методы петровских реформ К.Д. Кавелин. И тем самым он как бы обосновывал эти методы и оправдывал Петра I.

Критическое восприятие Петра I было характерно для В.О. Ключевского. Величие Петра I историк при этом осознавал, особенно по сравнению с другими российскими монархами. В ранней его дневниковой записи от 1866 г. он упоминал «великие тени Петра и Екатерины»³⁰⁷. В дальнейшем он этого не отрицал. Но и не заметно, чтобы он настаивал на величии первого российского императора. Он при этом поставил под сомнение сознательность действий его в ходе проведения реформ. В 1893 г. он записал, что «Петр I делал историю, но не понимал ее»³⁰⁸. Он не понимал даже того, что относилось к войне со Швецией. «Петр сунулся в эту войну, как неопит, думавший, что он все понимает»³⁰⁹, - отмечал В.О. Ключевский. Он подчеркивал, что для осуществления своих идей царь не останавливался ни перед какими жертвами и приводил в качестве примера строительство Петербурга. По словам историка, Петр I тем самым «зажал Россию в финском болоте». И после этого Россия, по его словам, «выбивалась из него и потом утрамбовывала его своими костями, чтобы сделать из него Невский проспект и Петропавловскую крепость – гигантское дело деспотизма, равное египетским пирамидам»³¹⁰. Мысль о создании Петербурга на костях по воле Петра I была выражена очень образно и была очень популярна. Еще задолго до В.О. Ключевского А.С. Пушкин упоминал «Того, чьей волей роковой Под морем город основался»³¹¹. Вскоре же после кончины В.О. Ключевского, уже во время гражданской войны, М. Волошин выражал идею связи замысла Петра I и города в болоте и на костях почти теми же словами. М. Волошин видел «Горячечный и триумфальный город, Построенный на трупах, на костях Всея Руси – во мраке финских топей». Представлял М. Волошин и само строительство невиской

³⁰⁶ Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории. С.255.

³⁰⁷ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы ... С.228.

³⁰⁸ Там же. С.353.

³⁰⁹ Там же. С.391.

³¹⁰ Там же. С.392.

³¹¹ Пушкин А.С. Медный всадник. Петербургская повесть // Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1975. Т.3. С.266.

столицы: «Топор Петра российский ломит бор И вдаль ведет проспекты страшных просек, Покамест сам великий дровосек Не валится, удушенный рукою – Водянки? Иль предательства? Как знать...»³¹².

Еще более резко изображал Петра I П.Н. Милюков, подчеркивавший, что по своему культурному уровню он совершенно не был готов к занятиям делами государства. Крайне скудным было его образование. Конечно, и ранее подчеркивалось, что в молодости царь не получил необходимых знаний и должного воспитания. Но конкретности, которые приводил П.Н. Милюков, делали эту общую картину совсем удручающей. Историк подчеркивал, что Петр I до конца жизни помнил «науки», выученные в молодости. Он «искусно выбивал барабанную дробь, действовал топором на корабле, дергал зубы, приготавливал фейерверки, говорил по-голландски с моряками (для других разговоров его знание было недостаточно)». При этом у молодого Петра I было «полное отсутствие интереса к государственным делам и склонность к разгулу, не знавшая, ни удержу, ни меры»³¹³. Вообще впечатления молодости сказывались на личности царя до конца царствования. По словам П.Н. Милюкова, «среди новой обстановки все старые привычки, вынесенные из Немецкой Слободы, становились все чувствительнее и тяжелее» даже для близких. В результате «против царя составилась какой-то молчаливый пассивный заговор»³¹⁴. Следовательно, в характеристиках П.Н. Милюкова уже не видно ни малейших следов идеализации Петра I. По существу, либеральный общественно-исторический дискурс, поначалу очень позитивно подававший личность Петра I, сменился за весьма непродолжительное время на свою полную противоположность.

Таким образом, в рамках либеральной общественной мысли отношение к Петру I не было постоянным. Оно было противоречивым и менялось в зависимости от социальной и культурной обстановки на протяжении всего пореформенного периода и системного кризиса всего государственного и

³¹² Волошин М. Россия.

³¹³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. С.168.

³¹⁴ Там же. С.178.

общественного строя начала прошлого века. Очевидно, что в условиях, когда созрели предпосылки для революционной ликвидации самодержавия, идеализация Петра I становилась анахронизмом. В общественно-историческом дискурсе утверждалось иное восприятие царя. Негативные стороны его личности и деятельности получали явное преобладание и выходили на первый план.

Таким образом, либеральная общественная мысль России признавала европеизацию страны, проводившуюся в ходе реформ Петра I, органичным явлением, соответствовавшим всему ходу российской истории. Подчеркивалась ее объективная необходимость для России. В связи с европеизацией возник вопрос о характеристике русского народа в качестве народа исторического. Поскольку европейский путь исторического развития, которым следовали романо-германские народы Европы, означал историческое движение к свободе, а Россия при Петре I вступила на этот путь, то это уже само по себе означало ее место среди исторических народов. Однако Н.П. Карсавин видел критерий для признания народа историческим не в этом, а в том, какую идею несет в себе этот народ, и говорил о русской идее, которую при этом четко не формулировал. Прослеживалась связь между европеизацией России при Петре I и буржуазными реформами при Александре II, в ходе которых виделась дальнейшая европеизация страны. Вместе с тем обращалось внимание на ограниченность петровской европеизации России.

Эволюция заметна в определении цели реформ Петра I. Для либеральной общественной мысли середины XIX в. заметно стремление связать ее цель с идеей Гегеля об историческом движении к созданию условий для всемерного развития индивидуального начала и свободной личности и о свободе как о необходимом условии для этого. Наличие в реформах Петра I этих целей признавали К.Д. Кавелин и С.М. Соловьев. Мысль о движении в ходе реформ Петра I к свободе была высказана В.О. Ключевским, но в своеобразном контексте. Путь к ней лежал, по его утверждению, через деспотический произвол власти, который В.О. Ключевский считал обдуманым, в отличие от движения к свободе. По-разному

оценивалась эффективность мероприятий петровской власти при проведении реформ, причем П.Н. Милюков вообще считал эту власть малоэффективной.

Значительное повышение общественного внимания в пореформенный период к науке и рост авторитета научного знания в обществе сказался на внимании к научному обоснованию положений, выдвигавшихся в ходе общественных дискуссий. Деятельность Петра I поэтому рассматривалась с учетом концепций, сформированных исторической наукой. В концепции историков государственной школы европеизация России представлена как закономерный процесс в ходе органического развития страны, а Петр I как царь, который повел ее по европейскому пути. Имела место при этом идеализация личности и деятельности Петра Великого. Совершенно иное отношение к Петру I и к его реформам заметно в научной исторической мысли рубежа XIX-XX вв. Отношение значительно более критическое, в нем нет следов апологетики царя. Ставился вопрос о цене, которую платило русское общество за петровские преобразования, прежде всего широкие слои населения. Такое критическое отношение соответствовало изменениям в русской общественной мысли в условиях, когда самодержавный строй все более очевидно вступал в стадию своего системного кризиса.

В либеральном общественно-политическом дискурсе имелись несомненные противоречия, относящиеся к Петру I и его реформам. Эти противоречия определялись изменениями в социально-политической обстановке в стране на протяжении периода от середины XIX до начала XX вв. Одно из них касалось несоответствия между целями свободы личности и усилением в петровской России крепостнических начал. Такое противоречие имело место в трудах историков государственной школы, определенным выходом из которого была теория закрепощения и раскрепощения сословий. Самые резкие противоречия касались оценки личности Петра I. Если для либералов периода буржуазных реформ царь был великим человеком, который продвигал Россию в европейский мир, то для либералов более позднего времени было характерно указание на его

деспотизм, а также на отсутствие его готовности к государственной деятельности и общего плана реформ.

Глава 3

Роль Петра I в развитии России по представлениям российской революционной демократии

3.1. Петр I и Алексей: демократическая мысль и дискуссия по вопросу о гибели царевича

Со смертью Николая I в России наступил новый период ее исторического развития, в ходе которого произошла отмена крепостного права и другие буржуазные реформы. Но уже до отмены крепостного права при новом императоре Александре II началось время совершенно новое, для которого, по отзывам современников, гласность стала одним из наиболее типичных признаков. Если еще совсем недавно реальные проблемы страны и общества по существу не обсуждались, то в условиях, наступивших после поражения в Крымской войне, «кризис общественного сознания», на который справедливо указывает за последнее время И.А. Христофоров, стал очевидным для общества фактом. Сущность этого кризиса выражалась, по его словам, в том, что «вдруг стало явным абсолютное несоответствие официальной картинки и реальности»³¹⁵. Относилось это в том числе к такой основе существовавшего порядка, как самодержавный строй, что не могло не затронуть сложившегося в русском историческом сознании образа основоположника императорской России Петра Великого. Это было не случайно. Идеология николаевского абсолютизма строилась на почитании первого российского императора как личности,

³¹⁵ Реформы в России с древнейших времени до конца XX в.: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2016. Т.3. Вторая половина XIX – начало XX в. / отв. ред. В.В. Шелохаев. С.36.

положившей начало могуществу Российской империи и четко определившей место ее среди стран Европы.

Изменения общественного настроения хорошо уловили издатели альманаха «Полярная звезда» в лондонской Вольной русской типографии А.И. Герцен и Н.П. Огарев. В таких условиях в своем альманахе ими было опубликован будто бы обнаруженный неизвестный ранее источник, проливающий свет на обстоятельства гибели царевича Алексея и на роль в этом его отца, Петра I. Это было письмо гвардии капитана Александра Румянцева, адресатом которого был его «друг и благодетель» Дмитрий Иванович Титов. Письмо не было датировано, также неизвестно, кто такой адресат письма Д.И. Титов, и как он был связан с А. Румянцевым. Принято считать, что оно было написано через месяц после гибели Алексея, 27 июля 1718 г. В начале письма гвардии капитан взвешивает аргументы за и против того, чтобы поведать своему другу и благодетелю столь важную и страшную государственную тайну. Для него и открытие тайны означало опасность того, что он станет «изменник и предатель всепресветлого Державца моего»³¹⁶, то есть Петра I. Но он рассудил, что сокрытие от «благодетельца моего» «измена жесточае будет»³¹⁷. Тем самым Румянец не только поделился с Титовым своими сомнениями и опасениями, но и подчеркнул, насколько важно держать в тайне все, что касается содержания этого письма. В письме приводятся сведения со ссылкой на нормы Священного Писания и Уложения 1649 г. об обвинении Алексея, с обоснованием правомерности смертной казни для него за государственное преступление, заключавшееся в умысле на убийство отца и царя.

Кульминация повествования в письме, его смысловая нагрузка – в рассказе о вызове к царю самого Румянцева, а также еще троих – тайного советника Петра Толстого, генерал-поручика Бутурлина и гвардии майора Ушакова. В письме приводятся слова Петра I с обоснованием своего личного отношения к сыну и о

³¹⁶ Убиение царевича Алексея Петровича. Письмо Александра Румянцева к Титову Дмитрию Ивановичу // Полярная звезда. Журнал Герцена и Огарева в восьми книгах. 1855-1869. М.: Наука, 1967. Полярная звезда на 16858. Книга 4. С.279.

³¹⁷ Там же. С.280.

необходимости решения его судьбы. «Яко человек и отец и днесь я болезную о нем сердцем, но яко справедливый Государь на преступления клятвы, на новыя измены уже нетерпимо и нам, бо за всякие нещастия от моего сердолюбия ответ строгий дати Богу, на царство мя помазавшему и на престол росския державы всадившему»³¹⁸, - сказал будто бы им Петр. Но он при этом заявлял, что не хочет «поругать царскую кровь всенародною казнию». На этом основании говорится о конкретном поручении, которое давал им он: «но да свершится сей предел тихо и не слышно, яко бы ему умерети от естества предназначенного смертию. Идите и исполняйте, такобы хочет законный ваш Госудаь и изволяет Бог, в его же державе мы вси есмы!»³¹⁹. Таким образом, из письма прямо вытекает, что царь сам послал Румянцева и его подельников убивать Алексея. Далее следуют подробности самого убийства. Главная из них в том, что они его убили в камере на койке, где он лежал, уложив его «на ложницу спиною повалиши», после чего, «взяв от возглавии два пухвика, главу его накрыли, пригнетая дондеже движении рук и ног». В письме приводятся две даты. Смерть Алексея стала «гласна» «около полудни» 26 июня, и произошла она «якобы от кровинаго пострела». Другая дата – 30 июня, когда «тело его с подобающею сыну цареву честию, перевесно из крепости в Троицкий собор», а затем оно «в склеп поставлено в Петропавловском соборе близ тела его Царевичевой супруги»³²⁰. В заключение письма Румянцев еще раз выразил надежду Титову, что «тайна от Вас пребудет». Он приписал, что, «не зная Вас, того и под страхом смерти не написал бы»³²¹.

Обвинение Петра I в убийстве сына было очень прямым и конкретным. Но вскоре после публикации письма в «Полярной звезде» известный историк Н.Г. Устрялов выступил с утверждением о подложности этого письма. Свою аргументацию он привел в шестом томе своей «Истории царствования Петра Великого», посвященной делу царевича Алексея. Как указывал Устрялов, письмо

³¹⁸ Там же. С.283-284.

³¹⁹ Там же. С.284.

³²⁰ Там же. С.286.

³²¹ Там же. С.287.

«наполнено грубейшими ошибками историческими»³²², из которых он решил в доказательство привести две. Так, в письме говорилось, что любовница Алексея, Евфросинья, которую в письме описали как «скарედную чухонку», «в монастырь на вечное покаяние отослана»³²³. Между тем, отмечал Устрялов, на самом деле было не так. Как писал историк, «царь и царица (Екатерина – Т.А.) оказывали ей большую милость, как единственному лицу, склонившему царевича возвратиться из Неаполя»³²⁴. Вторая ошибка, отмеченная Устряловым, состояла в неправильной дате казни замешанных в деле Алексея Авраама Лопухина и протопопа Якова Игнатьева. В письме говорилось, что они «достойно смертью казнены»³²⁵. Между тем, в письме, написанном 27 июля, об этом речи быть не могло. На самом деле, писал Устрялов, «они казнены гораздо после, именно 8 декабря». Отсюда – общий вывод Устрялова. Он состоял в том, что слишком «худо знал составитель письма тогдашние события»³²⁶. Кроме того, среди известных личностей петровского времени не значится Дмитрий Иванович Титов, которому гвардии капитан направлял свое письмо. И, по мнению Н.Я. Эйдельмана, «одним из самых серьезных аргументов Устрялова» было то, что до середины XIX в. о этом письме вообще ничего не было известно. О нем, добавлял Эйдельман, не знал в том числе А.С. Пушкин, «который был знаком с разнообразной литературой, ходившей в списках, и даже имел сверхсекретные мемуары Екатерины II»³²⁷. Из этого вытекал другой и более общий вывод, о письме как о подлоге.

Очень скоро, в 1860 г., ответ Н.Г. Устрялову давал решительный сторонник подлинности письма, историк, общественный деятель и публицист демократического направления М.И. Семевский. После замечаний Устрялова он не решился прямо говорить об этой подлинности, признав по существу, что «в нем есть серьезные противоречия», но добавляя в скобках: «немногие однако».

³²² Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т.6. Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859. С.294.

³²³ Там же. С.281.

³²⁴ Устрялов Н.Г. Указ. соч. С.294.

³²⁵ Убиение царевича Алексея Петровича. С.281.

³²⁶ Устрялов Н.Г. Указ. соч. С.294.

³²⁷ Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. С.78.

Тем не менее, он указал на обстоятельства, говорившие в пользу достоверности письма Румянцева. К ним он отнес «современный колорит», «живость красок при описании самых мелких подробностей», а также «необыкновенная выдержанность рассказа, тон – именно такой, каким должен был говорить верный деньщик Петра Алексеевича», каким был незадолго до описывавшихся событий Румянцев. Еще одним обстоятельством в пользу достоверности письма, приведенным им, было наблюдение за общей ситуацией в культуре того времени. «Подлоги литературные – достояние того периода, в котором литература получила последнее развитие; они являются в эпоху роскоши литературы», – подчеркивал Семевский. В самом деле, в этом отношении Семевский был прав. Эпоха литературных мистификаций и подлогов относилась к другому периоду в развитии культуры, но не к третьей четверти XIX в., когда в «Полярной звезде» было опубликовано письмо Румянцева Титову. Временем распространения такого культурного явления была более ранняя эпоха, романтизм, а также отчасти последние годы культуры Просвещения в конце XVIII в. Поэтому Семевский не представлял, чтобы в пятидесятых годах возникла нужда в подобном подлоге. Составление такого письма потребовало бы высокого искусства и согласования «с характером Петра, с характерами окружающих его лиц». Такое согласование в письме присутствовало. Это делало невозможным изготовление его в другую историческую эпоху, а Устрялов, как он подчеркивал, «не поднял всех этих вопросов»³²⁸. Семевский приводил еще два аргумента. Один из них – «фамильные документы» Румянцевых, которые собирал сын А. Румянцева, генерал-фельдмаршал граф П.А. Румянцев. Семевский писал, что «трудно допустить», чтобы прославленный генерал, «тщательно внося в особую тетрадь все фамильные документы, не отличил бы меж них подделку под письмо своего отца»³²⁹. К таким фамильным документам он отнес другое письмо Александра Румянцева, приведенное им в качестве другого аргумента. Оно относится к несколько более раннему времени, когда царевича только привезли в Москву, и

³²⁸ Семевский М.И. Критика // Русское слово. 1860. Январь. С.53. (С.1-66)

³²⁹ Там же. С.57.

когда произошло официальное его отречение от престола вместе с присягой малолетнему царевичу Петру Петровичу как новому наследнику престола. В этом недатированном письме, написанном Румянцевым сыну Д.И. Титова Ивану Дмитриевичу, Семевский особое внимание обратил на обещание Румянцева Титову, «как тое случится, либо иное выйдет, к вам я паки в Рязань отпишу»³³⁰. Несомненно, что он имел в виду что-то важное, что представляло интерес, и о чем можно было писать. Данное письмо, писал Семевский, было опубликовано еще в 1844 г. князем Вл. К-вым³³¹ в журнале «Отечественные записки», и было взято из рукописей генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского. Июльское письмо Румянцева Д.И. Титову было, таким образом, выполнением обещания, данного в более раннем письме. Сопоставляя между собой тексты двух писем, Семевский указывал, что «манера рассказа, тон тождественны в обоих письмах»³³².

Следовательно, тем самым четко обозначились две точки зрения по вопросу о подлинности письма Румянцева Титову. Отсюда возникала источниковедческая проблема, относящаяся к внутренней критике источника и касающаяся вопроса о его достоверности. Н.Я. Эйдельман рассматривал версии происхождения письма. Он не соглашался с мнением о подлоге, совершенном публикатором письма князем Кавкасидзевым. По его мнению, наиболее вероятным составителем опубликованного Кавкасидзевым текста письма был некий Андрей Гри...³³³. Он «помнил и знал самого Александра Румянцева, умершего в 1749 г. (именует того своим "высоким благотворцем", "незабвенным и достохвальным, в бозе почившим родителем вашего сиятельства")»³³⁴, имея в виду сына А.Румянцева, генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева. Согласно Эйдельману, письмо появилось вскоре после смерти самого царя, когда греческий автор Катифор написал сочинение «Житие Петра Великого», изданное в 1737 г. в Венеции. В нем содержались в переводе на греческий язык некоторые документы, в том числе письмо Румянцева сыну Д.И. Титова Ивану, текст которого приводился в 1844 г.

³³⁰ Там же. С.56.

³³¹ Речь идет о князе Владимире Семеновиче Кавкасидзеве.

³³² Там же. С.57.

³³³ Вероятно, подпись, с сокращением фамилии.

³³⁴ Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. С.94.

князем В.С. Кавкасидзевым, а в 1860 г. М.И. Семевским. Не ранее 1743 г., указывал Эйдельман, письмо из сочинения Канифора было переведено на русский язык секретарем коллегии иностранных дел Степаном Писаревым. После этого появился окончательный текст письма, который возник в результате редактирования переведенного Писаревым письма, сделанного А. Гри.... Как писал Эйдельман, вероятно, что «Андрей Гри... действительно скомпилировал и украсил из лучших побуждений, для фельдмаршала Румянцева, отрывки из писаревского перевода Катифора». Отсюда, по его мнению, «очень вероятно», что письмо Румянцева И.Д. Титову «подлинное»³³⁵. Подобное редактирование письма было, по мнению Эйдельмана, не случайным. В середине XVIII в. история «еще не полностью отделилась от литературы», и принцип «строгой научности еще не вытеснил окончательно наивного своеволия древних летописцев вводивших в чужие тексты различные вставки и вовсе не подозревавших, что это — "нельзя"»³³⁶.

Таким образом, по мнению Н.Я. Эйдельмана, письмо Румянцева И.Д. Титову, опубликованное князем В.С. Кавкасидзевым, было подлинным. По поводу же письма Румянцева Д.И. Титову, опубликованному в «Полярной звезде», Эйдельман высказывался более осторожно. В отличие от М.И. Семевского, он не утверждал, что оно подлинное. Но и, в отличие от Н.Г. Устрялова, он не объявлял его подделкой. По его словам, признание подлинности письма Румянцева Ивану Дмитриевичу Титову «еще не доказывает подлинности» более позднего письма Румянцева Дмитрию Ивановичу Титову. По словам историка, это более позднее письмо «могли подделать, руководствуясь именно первым документом». Но эту мысль Эйдельман не развивал. Наоборот, он подчеркивал, что если настаивать на этом выводе, то «тут мы уж заходим слишком далеко: фактов нет, всяческие умозрительные построения слишком легки»³³⁷.

³³⁵ Там же. С.95.

³³⁶ Там же. С.94-95.

³³⁷ Там же. С.95.

Более определенно о поддельности письма Румянцева Д.И. Титову писал В.П. Козлов, который совершенно определенно отнес его к фальсификациям. «Легко понять деятелей либерально-демократического лагеря в их желании отстоять подлинность письма Румянцева, в котором они увидели документальное разоблачение одной из страниц тайной истории российского самодержавия»³³⁸, - справедливо подчеркивал Козлов. Вместе с тем, соглашаясь с доводами Н.Г. Устрялова в пользу признания письма подлогом, Козлов приводил некоторые другие аргументы. Один из них в том, что всего через месяц после смерти Алексея «фактически выдает государственную тайну, что грозит не только его карьере, но и жизни. Трудно поверить, чтобы Румянцев рискнул на такой шаг, а любящий его покровитель (Д.И. Титов – Т.А.) спровоцировал его на это»³³⁹. С этим невозможно не согласиться. Но важнейшим доказательством подложности письма, не указанным Устряловым, Козлов считал текстуальное его соответствие с материалами «Розыскного дела» царевича Алексея. Между тем, подчеркивал он, «Розыскное дело» появилось позже, чем письмо. И еще один аргумент, которого не было у Устрялова, состоял в том, что Козлов указывал на быстроту появления письма Румянцева. Прошел только месяц после гибели царевича, и за это время Титов, живший в Рязани, узнал об этом, направил письмо Румянцеву с просьбой рассказать об обстоятельствах гибели, и Румянцев 27 июля писал ему подробное письмо. Такой ход событий, по замечанию Козлова, выглядит «фантастически быстрым»³⁴⁰.

Еще одним аргументом в пользу признания письма как фальсификации может служить описание непосредственно самого способа убийства царевича с помощью удушения. Удушен был Павел I, правда, не подушками, но шарфом³⁴¹.

На этом основании В.П. Козлов подтверждал вывод Н.Г. Устрялова о письме Румянцева Д.И. Титову как о фальсификации, подлоге. В качестве «концепции письма», по его мнению, было, как это не выглядит неожиданно,

³³⁸ Козлов В.П. Указ. соч. С.193.

³³⁹ Там же. С.195.

³⁴⁰ Там же. С.196.

³⁴¹ Зубов В.П. Павел I. Перевод с немецкого В.А. Семенова. СПб.: Алетейя, 2007. С.131.

вовсе не разоблачение Петра Великого и самодержавного деспотизма вообще, а, напротив, стремление «к оправданию поступков царя». Идея письма – «торжество высшей государственной справедливости». При этом фальсификатор был уверен, что Алексей и в самом деле был убит по приказу Петра I. По замечанию Козлова, действия фальсификатора обернулись «ничем не подтверждаемым историческим мифом», но очень «живучим». Козлов обращал внимание на то, что по языку письмо соответствовало XVIII в.³⁴², то есть было составлено весьма умело. Но, поскольку за это столетие нет ни одного списка этого письма, но они есть за первую половину следующего века, то именно в XIX в. следовало искать самого фальсификатора. Таким фальсификатором был, по его мнению, князь В.С. Кавкасидзев. Он, по словам Козлова, «шел на сознательный обман, обман в высшей степени дерзкий». Но это был обман, «продиктованный его глубокой уверенностью в реальности описанных им событий»³⁴³. Но если Кавкасидзев был фальсификатором, старавшимся как-то оправдать Петра I, то письмо его использовалось противниками самодержавия для идейной борьбы с ним.

Но если источниковедческий вопрос о подлинности или поддельности письма Румянцева Д.И. Титову нельзя считать выясненным совершенно определенно и до конца, если в нем остается место для гипотез, то совершенно очевидно, что публикация письма стала значимым фактом общественной жизни страны накануне отмены крепостного права. Во всяком случае, она способствовала дополнительному привлечению внимания к личности и деятельности Петра I, которое вызывалось публикацией труда Н.Г. Устрялова, и особенно его шестого тома, темой которого была трагедия царевича Алексея, а также к оценке самодержавия вообще. Главную мысль, связанную с этими новыми публикациями о Петре I и царевиче Алексее, четко выразил в своем сатирическом стихотворении «Русская история» поэт-сатирик демократического направления Н.Ф.Щербина: Мы видим – даже Петр Великий Был гениальный

³⁴² Козлов В.П. Указ. соч. С.197.

³⁴³ Там же. С.198.

самодур»³⁴⁴. При этом сам А.И. Герцен ссылаясь на удушение царевича, о котором говорилось в письме Румянцева Д.И. Титову. Он писал, что «ввиду Алексеевского равелина» «пировал со своими клеветами пьяный отец через несколько часов после того, как задушил измученного пытками сына»³⁴⁵.

Историки обычно обращают внимание на различия между Н.Г. Устряловым, историком благонамеренным, но профессионалом и знатоком источников самого высокого уровня, и М.И. Семеvским, историком демократических убеждений и также глубоко знавшим источники петровского времени. На самом деле оба историка по вопросу о кончине царевича сходились в главном: царевич погиб, находясь под арестом в Петропавловской крепости, а гибель его соответствовала воле царя. Расхождение между историками было в деталях, хотя и существенных. Так, если Алексей был убит по прямому приказанию Петра I, как это следует из письма Румянцева Титову, то тень на царя падает в большей степени, чем если он погиб в результате пыток, но без прямого царского приказа убивать его. Семеvский при этом прямо отмечал вклад Устрялова в изучение негативных сторон истории Петра I и его правления. «Последнее время в различных исторических разысканиях с легкой руки академика Устрялова и с его тяжеловесного VI тома "Истории царствования Петра", мало-помалу начали обнажаться темные углы, мрачные стороны великого царствования», - писал он. В этих словах прослеживается еще одна черта сходства между воззрениями Устрялова и Семеvского на петровское царствование. Оба считали это царствование великим. Но при этом Семеvский особое внимание обращал на негативную сторону этого царствования, которой были пытки. С позиций историзма, столь характерного для историографии XIX в., Семеvский подчеркивал, что Петра Великого за эти пытки осуждать невозможно. Это «все равно, что осуждать его за то, что он не того гуманного взгляда на человеческое достоинство, какое явил Александр I, обнаруживая 27 сентября 1801 года

³⁴⁴ Цит. по кн.: Веркеенко Г.П., Казакова О.Ю. «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805-1870 гг.). Орел: Изд-во ОГУ, 2005. С.168.

³⁴⁵ Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. С.96.

знаменитый указ против пыток»³⁴⁶, - писал он. Тем не менее, утверждение Семева о подлинности письма Румянцева Титову способствовало развертыванию критики не только Петра Великого, но и самодержавия в целом с либеральных и демократических позиций. Устрялов также, сам того не желая, внес свой вклад в развертывание этой критики.

3.2. А.И. Герцен и Н.А. Добролюбов о Петре I

В полной мере принимая версию гибели царевича Алексея, изложенную в письме гвардии капитана А. Румянцева Д.И. Титову, пропагандируя и распространяя ее в своем альманахе «Полярная звезда», А.И. Герцен вместе с тем был далек от того, чтобы видеть в Петре I только лишь чудовищного тирана и убийцу своего сына. Взгляд его на первого российского императора был значительно более противоречивым и соответствовал представлению его о ходе истории страны в целом. В своем анализе процесса развития революционных идей в России Герцен находил для царя место в этом процессе. Причем из рассуждений Герцена следует, что в этом ничего парадоксального не было. Напротив, историческое место Петра Великого в становлении и развитии революционной идеи в полной мере соответствовало, по мысли Герцена, всему ходу отечественной истории, было для нее органично.

Герцен совершенно определенно указывал на исторические обстоятельства, благодаря которым Петр I занял место в истории России среди революционеров. Определял это место, по словам мыслителя, «византизм», проникновение которого во внутреннюю жизнь страны имело место еще в далекие киевские времена, когда произошло принятие Русью христианства. «Пока наследники

³⁴⁶ Семева М.И. Тайный сыск Петра I. Смоленск: Русич, 2000. С.192.

Святослава лелеяли мечту о завоевании восточного Рима, этот Рим предпринял и завершил их духовное подчинение»³⁴⁷, - указывал он. Отношение Герцена к Византии и к принятию Русью христианства из Византии соответствовало отношению к этому русского мыслителя несколько более раннего времени, П.Я. Чаадаева. К причинам российской отчужденности от европейских народов, в жизни которых «все тогда было одушевлено животворным началом», Чаадаев относил особенности принятия христианства на Руси. «По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов»³⁴⁸, германцев, принимавших христианство от Рима.

Герцен оценивал «византинизм» как явление, крайне негативно сказывавшееся на развитии страны и русского общества. «Византинизм – это старость, усталость, безропотная покорность агонии», - указывал он. Такая характеристика не случайна. Сама Византия, откуда Русь восприняла христианство, была в эпоху раннего средневековья в самом деле государством старым, восходившим к античности, историческое существование которого подходило к концу. Тем не менее, при всех отрицательных сторонах византийского влияния, оно не могло остановить, согласно Герцену, процесс исторического развития русского народа. Этот народ «был молод и, в действительности, не чувствовал отчаяния, он скорее ушел с поля битвы, нежели был побежден» «византизмом», - отмечал он. Связывая при этом будущее России и русской революции с сельской общиной, Герцен указывал, что русский народ, «потеряв свои права в городах, ... сохранил их в недрах сельских общин».

Но если община оказалась невосприимчивой к воздействию «византинизма», то в ином положении оказались верхи русского общества. Это относилось и к самим монархам. Герцен указывал, что если «энергичный человек» занимал «московский престол», то под давлением «византинизма» он чувствовал себя тяжело. Поэтому он «старался разорвать тесный круг

³⁴⁷ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.213.

³⁴⁸ Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // Избранные сочинения и письма. М.: Изд-во «Правда», 1991. С.33.

формальностей, в котором была замкнута его власть». К таким энергичным государям Герцен относил Ивана Грозного, Бориса Годунова и Лжедмитрия I. Борьба этих государей за перемены в стране соответствовала интересам ее дальнейшего развития. «Они видели, что при этом режиме пустых формальностей и действительного рабства страна все более опускалась нравственно, ничего в ней не преуспевало, а местная администрация становилась все более обременительной для подданных, без малейшей выгоды для государства»³⁴⁹, - указывал он. Однако сделать это им не удалось. И уже после Смутного времени, при первых царях из династии Романовых, по словам Герцена, «псевдовизантийский строй достиг полного расцвета». «Нельзя не отступить в ужасе перед этой удушливой общественной атмосферой, перед картиной этих нравов, являвшихся лишь безвкусной пародией на нравы Восточной империи»³⁵⁰, - так Герцен характеризовал положение в России до вступления на престол Петра I, в период царствований его деда, отца и старшего брата.

Столь негативная оценка «византинизма», которую давал Герцен, предполагала настоятельную необходимость «спасти Россию». Однако спасение, отмечал он, не могло идти «от духовенства, достигшего тогда апогея величия и влияния», не могли его дать также бояре, «сеченые», по словам Герцена, поскольку подвергались при случае телесным наказаниям. «Революция», - вот что, по его оценке, могло спасти страну, и она «вышла из лона самого дома Романовых, дотоле равнодушного и бездеятельного»³⁵¹. Таким выходцем из царствующей династии был, как писал Герцен, Петр I, «который представлял собой и царизм, и революцию»³⁵². Герцен отметил, в чем состояли революционные перемены, введенные Петром I. Этот монарх-революционер, по его словам, «разорвал покров таинственности, окутывавшей царскую особу, и с отвращением отбросил от себя византийские обноски, в которые рядились его предшественники». Он «не мог удовольствоваться жалкой ролью христианского

³⁴⁹ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. С.218.

³⁵⁰ Там же. С.220.

³⁵¹ Там же. С.221.

³⁵² Там же. С.223.

Далай-Ламы, разукрашенного парчой и драгоценными камнями», и «предстает перед своим народом словно простой смертный». Он замечен как «неутомимый труженик, одетый в скромный сюртук военного покроя», как «кузнец, столяр, инженер, архитектор и штурман». Отсюда Герцен делает вывод, что «Петр Великий был первой свободной личностью в России, и уже по одному этому коронованным революционером»³⁵³. Этот вывод представлял собой принципиально новый взгляд на Петра I в русской общественной мысли.

Подкрепляя его, Герцен подчеркивал, что «Петр Великий являл собой непрерывный протест против старой России». Авторы комментариев к публикации герценовского труда «О развитии революционных идей в России» отметили, что в ней мыслитель выступал «как против огульного отрицания» петровских преобразований славянофилами, так и «против идеализации» их «западниками-космополитами». По их словам, Герцен тем самым раскрыл их «необходимость и прогрессивное значение». Но он «подчеркивал дальнейшее ухудшение положения народных масс в результате укрепления самодержавно-крепостнического строя»³⁵⁴. Автор послесловия к более позднему изданию этого труда И.Г. Птушкина отметила, что Герцен в нем выступил как «вдумчивый историк» и «страстный публицист»³⁵⁵. Все это не вызывает сомнения. Вместе с тем авторы послесловий не отметили мысль Герцена о Петре I как революционере. Между тем, в этой оценке как раз содержался новый подход к пониманию и характера самого царя, и исторического феномена революции, и личности революционера. Несомненный, согласно Герцену, революционер, царь не оставлял камня на камне от всех важнейших основ «византизма», на которых держались устои московского государства. Но революционное очищение от застарелого «византизма» вовсе не означало наступления свободы. Это было, по Герцену, не случайно. «Под императорской порфирой в Петре всегда

³⁵³ Там же. С.224.

³⁵⁴ [Андреев-Кривич С.А., Виленская Э.С., Гинзбург Л.Я., Иллерицкий В.Е., Ковалев Ю.В., Оксман Ю.Г.]. *Du développement des idées révolutionnaires en Russie / О развитии революционных идей в России* // Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С.414.

³⁵⁵ [Птушкина И.Г.] *О развитии революционных идей в России* // Герцен А.И. Собр. соч. в 8-ми т. М.: Изд-во «Правда», 1975. С.507.

чувствовался революционер», однако в то же время во всех его революционных действиях по разрушению основ старого ему «служили опорой его непреклонная воля и жестокость террориста»³⁵⁶.

Всякая революция должна была иметь после себя итог не только культурно-исторический, но и социальный. Культурно-исторический итог состоял в разрушении «византизма» старой русской жизни. Социальный итог также имел место. «Произведенная Петром революция разделила Россию на две части», - указывал Герцен. Одна часть – это «крестьяне свободных и господских общин, посадские крестьяне и мещане». Это «старая Россия, консервативная, общинная, традиционная». Она была «православная или же раскольническая, неизменно религиозная, носившая национальную одежду и ничего не воспринявшая от европейской цивилизации». Другая Россия – «созданное Петром I дворянство, потомки бояр, все гражданские чиновники, и, наконец, армия». Эти части населения очень быстро «освободились от своих обычаев», «отреклись от прошлого», они «испытывали радость, расставаясь с неподвижными гнетущими формами московитского режима». В этом Герцен видел доказательство «крайней своевременности революции Петра Великого»³⁵⁷. Однако, как подчеркивал Герцен, это была революция, не затронувшая народ ни в малейшей степени. От этой революции народ оставался совершенно в стороне. «Исключая пугачевский эпизод и пробуждение народа в 1812 году, история России – не что иное, как история русского правительства и русского дворянства»³⁵⁸, - писал он.

По мнению Герцена, в государственной деятельности Петра I имелись признаки, на основании которых он мог быть признан в качестве революционера. К ним относилось, во-первых, то, что он совершил переворот во внутренней жизни государства и общества, который состоял в отторжении традиционного московского «византизма», во внедрении на место его начал европеизации. И хотя европеизация затронула только верхи русского общества, и не оставила своих следов в жизни широких слоев народа, не принадлежавшего к верхам, этот

³⁵⁶ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. С.227.

³⁵⁷ Там же. С.227.

³⁵⁸ Там же. С.229.

переворот в целом имел, на взгляд Герцена, революционное значение. Он с очень большой силой повлиял на экономику и культуру страны, на взаимоотношения в обществе в целом, резко усилив отрыв дворянства от народа. Еще одним признаком революционности в действиях царя являлось, как считал Герцен, решительное уничтожение им в жизни страны того, что не только устарело, но и служило тормозом в ее развитии. Как и вообще в ходе революционных событий, имелась общественная поддержка перемен, и Герцен указывал на нее. Она шла от части русского общества, которую коснулась европеизация, и которая ее приняла. И, наконец, признаком революционного характера действий Петра I, согласно Герцену, явился метод проведения преобразований, который был революционным, или, иначе говоря, насильственным. Направлялся он против противников перемен в жизни государства и общества из разных слоев русского общества.

Значительно позже появления произведения Герцена «О развитии революционных идей в России», уже после выхода в свет труда Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого», свой взгляд на царя и его деятельность выразил другой выдающийся представитель русской революционной демократической мысли, литературный критик Н.А. Добролюбов. Сделал он это в форме своего отзыва на труд Устрялова, весьма положительного. Как и А.И. Герцен, Добролюбов указывал, что реформаторская деятельность Петра I была вызвана реальными условиями, в которых оказалась Россия ко времени его вступления на престол. Подробно об этих условиях Добролюбов не говорил. Но он ссылаясь на то, как Устрялов охарактеризовал положение России накануне реформ. В своем Введении Устрялов очень заметно и резко противопоставил «светлую» и «темную» стороны этого положения. Но если Введение начинается со «светлой» стороны, относящейся к состоянию Московского государства, то последовавшая за ней «темная» сторона начисто опровергает все положительные характеристики этой страны, только что дававшиеся Устряловым. Добролюбов столь резкую устряловскую антитезу замечал и указывал, что «светлая сторона древней Руси г. Устрялова так богата общими положениями и не представляет

почти ни одного факта, тогда как темная состоит исключительно из указаний на факты народной жизни». Следовательно, описание этой темной, негативной стороны Устряловым Добролюбов представлял несравненно более жизненным и достоверным, чем ярко выраженную и в чем-то показную апологетику московской традиции. «Доказывая расстройство народной жизни, он тем самым доказывает несостоятельность и самой государственной системы»³⁵⁹, - писал Добролюбов и вполне соглашался с этим положением Устрялова. Подобное полное несоответствие между описанием «светлой» и «темной» сторон в Московской России, показанное Устряловым, был, как подчеркивал Добролюбов, не случайно. Устрялов, по его словам, «с тем и выставлял» эти противоречия, чтобы «показать разлад действительного хода дел в древней Руси с тем, что должно быть по закону»³⁶⁰. Из этого следовал вывод об исторической необходимости для России петровских реформ. Его делал Устрялов, а Добролюбов с ним полностью соглашался.

Отсюда Добролюбов делал вывод, что страна и народ оказались в очень сложном положении. Уже при царе Алексее Михайловиче в стране прослеживались изменения. По его словам, «новые чуждые элементы отовсюду пробивались на смену отжившей старины, которая имела за собой ничего, кроме привычки и невежества». В этом проявлялись определенные его расхождения с оценкой допетровского времени Герценом. Если Герцен видел в России того времени господство «византинизма», то Добролюбов указывал на появление новых элементов. Поэтому рассуждения Добролюбова были ближе к тем мыслителям и историкам, которые указывали на наличие предпосылок для реформ, сложившихся в ходе развития страны в XVII в., прежде всего к С.М. Соловьеву. Этот крупнейший историк справедливо указывал, что уже в это царствование «в Москве с разных сторон раздавались все громче и громче крики о необходимости перемен, о необходимости заимствования науки, искусства и

³⁵⁹ Добролюбов Н.А. Первые годы царствования императора Петра Великого. С.7.

³⁶⁰ Там же. С.8.

ремесла у других образованнейших народов»³⁶¹. На данное положение, высказывавшиеся Соловьевым, справедливо указывал советский исследователь его творчества В.Е. Иллерицкий. Он подчеркивал, что для преобразований «условия создавались лишь в царствование Алексея Михайловича, и Соловьев в "Истории России..." тщательно прослеживает развитие таких преобразований»³⁶². Герцен, таким образом, прямо отмечал, что имел место революционный разрыв Петра I с традициями старого Московского государства. Добролюбов, в отличие от Герцена, напротив, видел тесную связь между Россией времени царя Алексея Михайловича, когда потребность в реформах и элементы новой жизни начинали пробивать себе дорогу, и петровским временем, когда эти реформы произошли. По словам Добролюбова, «Петр разрешил вопросы, давно уже заданные правительству самою жизнью народной, - вот его значение, вот его заслуги»³⁶³.

Поэтому на роль Петра I как революционера Добролюбов, в отличие от Герцена, не указывал. Не ломкой московского общества были его реформы, но проведением в жизнь того, что уже назрело и составляло потребность страны и русского общества. Это касалось даже тех сторон реформ, которые вызывали наиболее заметное недовольство в разных слоях населения России. Например, известно, что русское общество очень настороженно относилось к западным иноземцам, к их «латинству» и «люторству», причем эти настроения всячески стремилась усиливать церковь. Так, явной враждебностью к иностранцам проникнуто такое произведение народной культуры XVII в., как «Лечебник на иноземцев»³⁶⁴. Однако Добролюбов думал иначе. Он писал, что «сближение с иноземцами и заимствование от них обычаев мало-помалу являлось в народе не вследствие административных мер, а просто само собою, по естественному ходу событий в жизни народной»³⁶⁵. Едва ли эту мысль можно считать правильной. Известно, что явная неприязнь к иноземцам проявлялась в ходе крупнейших

³⁶¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.7 // Соловьев С.М. Сочинения. В 18-ти кн. М.: Мысль, 1991. Кн.7. С.157.

³⁶² Иллерицкий В.Е. Указ. соч. С.128.

³⁶³ Добролюбов Н.А. Указ. соч. С.10.

³⁶⁴ Лечебник на иноземцев // Русская демократическая сатира XVII века. М.: Наука, 1977. С.95-96.

³⁶⁵ Добролюбов Н.А. Указ. соч. С.13.

народных движений петровского времени – в Астраханском восстании и в Булавинском восстании³⁶⁶. Несомненно, что привлечение иноземцев едва ли соответствовало уровню и традиции культуры русского общества и могло быть им позитивно воспринято. Широкие слои населения России потребности в привлечении на службу в страну иностранцев из стран Западной Европы не испытывали. То же самое можно сказать и о русской знати и о служилых людях. Без мер административного характера оно едва ли было бы возможно.

По словам Добролюбова, «Петр понял потребности и истинное положение народа, понял негодность прежней системы и решительно ступил на новую дорогу». О понимании царем негодности системы Добролюбов сказал верно. Справедливо он сказал и о том, что петровские реформы «вытекали очень естественно из хода исторических событий древней Руси», имея в виду под древней Русью, конечно же, Русь Московскую. Сомнительным представляется утверждение о понимании царем того, что относилось к народу, то есть его «потребности и истинное положение». Хорошо известно, что при проведении реформ царь-реформатор с потребностями народа считался менее всего, для него существенны были только потребности государства. Это проявлялось при проведении рекрутских наборов, при податном обложении и при строительстве Петербурга, Азова, каналов и в ходе других работ государственной важности. Но главная мысль, которую проводил Добролюбов, состояла в том, что реформы Петра Великого «не были насильственным переворотом в самой сущности русской жизни». Объясняет это Добролюбов тем, что «многие из них были вызваны действительными нуждами и стремлениями народа»³⁶⁷. Такое объяснение не представляется достаточно обоснованным. В самом деле, соответствие реформ нуждам народа не означает, что при проведении их исключается какое-либо насилие. Известно, что в ходе петровских реформ насилия было немало, и немало людей из разных социальных слоев и групп пострадало от него. Для Добролюбова мысль об отсутствии насилия, между тем,

³⁶⁶ Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1961. С.260; Подъяпольская Е.П. Восстание К.А. Булавина. 1707-1709 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С107, 113.

³⁶⁷ Добролюбов Н.А. Указ. соч. С.15.

важна как доказательство того, что эти реформы не означали революционных изменений. Такие изменения, судя по тому, что Добролюбов говорил о соответствии их тому, что назрело в жизни России, имели не революционный, но эволюционный характер, а сам Петр Великий революционером, таким образом, не был.

Таким образом, в революционно-демократической мысли России пятидесятых-шестидесятых годов тема Петра I занимала очень заметное место. Совершенно очевидно, что отношение А.И. Герцена и Н.А. Добролюбова к царю и к его реформам было в целом положительным, эти реформы признавались необходимыми для страны, для дальнейшего развития русского общества. Вместе с тем в отношении к царю-реформатору между двумя мыслителями имелись принципиальные расхождения. Для Герцена Петр Великий выступал в качестве первого русского революционера, и тем самым им было положено начало теории «Петр – революционер на троне». С точки зрения Герцена, Россия петровского времени представляла собой совершенно новый этап в историческом развитии страны, поскольку в результате революционных действий Петра I традиционный «византизм» Московского государства был разрушен. Эта революция вместе с тем, отмечал Герцен, не принесла никакой свободы русскому обществу. Взгляд Добролюбова на Петра I был менее радикален, чем герценовский. Добролюбов не видел в нем революционера, теорию Герцена он не разделял. По его мнению, Петр I сделал то, в чем не только назрела для страны настоятельная необходимость, но и среди русского общества проявлялось и преобладало вовсе не давление «византизма» и традиций, но стремление к переменам. Поэтому Петр Великий был не революционером, ломавшим старое русское общество, но царем, действовавшим в соответствии с его потребностями. И эти действия имели для страны в целом положительное значение.

3.3. Петр I и его реформы в оценке А.П. Щапова и Н.Я. Аристова

Позитивное отношение в целом к Петру I и к его реформам, которое высказывали в русской общественной мысли демократического направления пятидесятых-шестидесятых годов А.И. Герцен и Н.А. Добролюбов, разделялось не всеми. Одним из видных представителей этого направления общественной мысли и общественного движения того времени, историк Казанского университета Афанасий Прокопьевич Щапов, высказывался по отношению к Петру I с совершенно иных позиций. Определялось отношение Щапова к царю и его реформам тем, что подход его к объяснению событий и явлений прошлого России выходил за рамки традиции, сложившейся к тому времени в отечественной историографии. Если традиционно в центре внимания историков оказывалось государство, составлявшее главный объект их исторического познания, то Щапов резко поменял само направление своего исследования российской истории. Он шел к изучению истории народа не от исследования форм государства и их развития, действий органов власти и государей. Для него, как справедливо указывал биограф Щапова Г.Н. Вульфсон, «главный факт в истории есть сам народ»³⁶⁸. Отсюда историю народа он рассматривал не в зависимости от государства, но само государство, его политику и его властные структуры начиная с царя он рассматривал с точки зрения положения народа и влияния государства на народ.

Вместе с тем история народа осмысливалась Щаповым в форме наиболее сильного и яркого явления, в котором выражалось отношение народа к государству и к церкви со второй половины XVII в. К такому движению относился, с его точки зрения, церковный раскол. В нем нашел свое воплощение народный протест против насильственных мер власти в отношении духовной

³⁶⁸ Вульфсон Г.Н. Глашатай свободы. Страницы из жизни Афанасия Прокопьевича Щапова. Казань: Изд-во Казанского университета, 1984. С.23.

жизни и обрядовой традиции народа, которые наглядно проявились в реформировании церкви при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне.

Щапов при этом справедливо обращал внимание, что старообрядчество, возникшее непосредственно под влиянием церковной реформы при царе Алексее Михайловиче, не только продолжало существовать при Петре I, но и породило новые идеи, вызванные к жизни условиями этого царствования. Как отмечал Щапов, теория «Петр - царь-антихрист», возникшая вне старообрядческой среды и сформулированная в сочинениях переписчика церковных книг Г. Талицкого, была старообрядцами полностью принята. Он писал, что в старообрядческих пустынях господствовало твердое убеждение, что «новое время – время антихристово». Старообрядцы, писал Щапов, также утверждали, что «европейское устройство монархической империи, созданное Петром, есть противонародное уклонение к римскому владычеству». В результате изменилась, по их мнению, сущность русской монархии, а «русские цари со времени Петра стали древне-римскими Императорами, божествами народа». В таком направлении, по словам Щапова, «мистико-демократическом», усиливался раскол и проникал во все слои общества. Он охватил «большую часть духовенства, дворянства и почти весь простой народ». Вывести его власти не могли «никакою силою, ни казнями в срубах, ни ссылкой, ни поголовным посечением и расстрелянием мятежных защитников старины, и вообще никакими мерами». По утверждению Щапова, даже царевич Алексей пал жертвой в этой борьбе с расколом, поскольку в лице его царь получил «упорного приверженца старины, сочувствовавшего более расколу, чем преобразованиям Петра»³⁶⁹. Сочувствие Щапова в этих условиях старообрядцам совершенно очевидно. Не менее очевидна резко негативная оценка Петра I.

В своем труде «Русский раскол старообрядчества» Щапов рассматривал по преимуществу отношение Петра I к расколу как к религиозной форме народного сопротивления духовному насилию со стороны государства и церкви. Но в

³⁶⁹ Щапов А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII // Сочинения в 3-х т. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. Т.1. С.228.

несколько более позднем труде, «Земство и раскол», он уже говорил о противостоянии между царем и русским обществом в целом. «При Петре все лишились свободной жизни», - указывал он. Контроль государства за жителями, относящимися к разным общественным слоям, по мнению Щапова, значительно усилился. «Фискалы на каждом шагу следили за гражданами, тайно подслушивали под окнами их домов, привязывались к зажиточным крестьянам и посадским, к богатым купцам. Каждый дворянин ли, крестьянин ли, купец ли, должен был то и дело ждать "жесткой приказной присылки" из Губернской Канцелярии, из Губернского Приказа»³⁷⁰, - таким, согласно Щапову, стал бытовой уклад всего населения. В целом, это, конечно же, преувеличение. Петровское государство не имело возможности для подобного всеобъемлющего контроля. Но общее стремление во внутренней политике Петра I к такому контролю, определявшееся идеей регулярного государства, было, несомненно, и в этой связи о таком контроле как о цели власти Щапов говорил правильно.

Вместе с тем Щапов критически отнесся к мнению о значительном развитии просвещения в стране благодаря петровским реформам, широко распространенному в русской общественной мысли начиная с эпохи Просвещения и служившему одной из основ апологетики первого российского императора. Мнение Щапова было совершенно другим. Петр I, по его оценке, «для образования русского народа, собственно массы народной, нужно правду сказать, ... ничего не сделал». Он «не основал школ по селам и волостям, не основал школ грамотности народной, школ для рассеяния в народе многочисленных суеверий, византийско-восточных понятий, семейных и общественных, для распространения в массе народной элементарных, общечеловеческих, естественных и гуманитарных понятий». По мнению Щапова, это не означает, что в царствование Петра I вообще не принималось мер для развития образования и просвещения. Он понимал, что меры, направленные на развитие просвещения, были существенной частью петровских реформ. Но все эти меры служили интересам государства и были призваны удовлетворять

³⁷⁰ Щапов А.П. Земство и раскол // Сочинения в 3-х т. Т.1. С.487.

потребности прежде всего регулярной армии и строившегося флота. «Европейски-просветительное влияние Петра нисколько не существовало и не существует для огромной массы крестьянства, мещанства и даже большей части купечества»³⁷¹, - указывал он. Но отсутствие просвещения для народа, как подчеркивал Щапов, оборачивалось самой благоприятной ситуацией для широкого распространения в обществе раскола³⁷².

Форму выражения общественного протеста против внутренней политики Петра I Щапов, таким образом, видел в старообрядчестве. Но хорошо знавший Щапова и написавший о его жизни и деятельности специальное исследование историк Н.Я. Аристов выделял еще одну форму протеста, которой являлось, по его мнению, разбойничество, причем усиление разбоев в стране он считал неизбежным следствием петровской политики. «Когда Петр Великий начал вызывать рабочих из далеких местностей России для стройки Петербурга, кораблей, гаваней, производил частые рекрутские наборы, стал запрещать свободную деятельность народа торговую, промышленную, мастеровую, народ бежал от тяжелых принудительных требований за границу; в России все глухие места и леса наполнялись постепенно пришлыми и гулящими людьми, являлись даже целые села, о которых не знало правительство. Понятно, что с размножением беглых, усиливались мятежи и разбои», - указывал он. Таким образом, разбои были, согласно Аристову, протестом социальных низов России. Разбойниками становились те, кто подвергался рекрутским наборам, кто занимался в допетровское время торгово-промышленной деятельностью и кто жил по селам. Он указывал, что точно такие же люди, которые уходили в леса и перешли от своего привычного образа жизни к занятию разбойным промыслом, уходили также к казакам, имея в виду, прежде всего, городки донских казаков, где и в самом деле по традиции принимали беглых из внутренней России людей. Следствием такого скопления беглых, подчеркивал Аристов, было не только усиление разбоев, но и народное казачье восстание. «Казачество,

³⁷¹ Там же. С.500.

³⁷² Там же. С.501.

увеличивавшееся приливом беглых, первое дружно восстало против новых порядков, которые были не в духе народа», - таков был, полагал Аристов, результат скопления беглых на казачьих реках. Несомненно, что он тем самым описывал ситуацию на Дону, которая привела в 1707 г. к восстанию под предводительством К. Булавина. Кроме того, писал Аристов, «разосланные стрельцы вполне сочувствовали казакам и зажигали восстания»³⁷³.

Как подчеркивал Аристов, народное отношение к разбойникам было вполне положительным, во всяком случае, куда более позитивным, чем к органам государственной власти, к чиновникам, к самому «царю-антихристу». По его словам, народ «сочувствовал добрым молодцам, потому что они нападали преимущественно на притеснителей, стояли за его права и свободу». Согласно его наблюдениям, «помещики и вотчинники постоянно беспокоили правительство своими жалобами на воровских людей». Иное дело – народ, жители не только сел, но и городов. «Жилецкие люди кажется, больше тяготились стеснительным воеводским управлением, чем разбоями», - писал он. Но он при этом все-таки оговаривался, что «иногда впрочем крестьяне давали приют разбойникам просто из боязни их мщенья»³⁷⁴, и, следовательно, в реальной жизни все было более сложно. Отсюда и масштабы разбоев. Аристов приводил пример, что «после (рекрутского – Т.А.) набора 1716 года, гуляли по России шайки разбойников из беглых рекрут, солдат, драгун и матросов, которые во время дня осаждали и разбивали не только селения, но и города, отворяли тюрьмы и увеличивали ими свои шайки»³⁷⁵. Как бы подводя итог, Аристов указывал, что «в продолжение всего царствования Петра Великого разбои усиливались, и никакие средства, никакие жестокие меры правительственные не могли ни остановить, ни ослабить их»³⁷⁶. Таким образом, прямой характеристики Петру I Аристов, в отличие от Щапова, все-таки не давал. Тем не менее, распространение разбоев и увеличение численности разбойников в стране он напрямую связывал с внутренней

³⁷³ Аристов Н.Я. Разбойники и беглые времен Петра Великого (1682-1725 г.). Б.м. и г. С..13.

³⁷⁴ Там же. С.16.

³⁷⁵ Там же. С.19.

³⁷⁶ Там же. С.27.

политикой этого царя, а на сочувствие народа разбойникам, «добрым молодцам», указывал как на наглядное выражение самого глубокого недовольства народа этой политикой и самим царем.

Таким образом, в демократическом направлении русской общественной мысли пятидесятих-шестидесятих годов положительной в целом характеристике Петра Великого противостояла его резко негативная характеристика, ярко выражавшаяся А.П. Щаповым и Н.Я. Аристовым. Основанием для нее служило распространение в петровское время в стране как раскола, так и разбойничества. Во всех этих сложных по своему социальному и психологическому характеру явлениях оба историка и мыслителя выделяли заметную антиправительственную составляющую, направленную в силу персонификации политики неразвитым массовым общественным сознанием петровского времени непосредственно против царя. Но в условиях всемерного развития гласности, сопровождавшего проведение буржуазных реформ, столь критический подход к личности и деятельности Петра I очень хорошо и с пониманием воспринимался критически настроенной частью русского общества. Он в полной мере соотносился с критическим отношением к реалиям современной ей политической жизни России, основой которой было самодержавие. При этом в сознании этой части общества грань между самодержавием Петра I, усиливавшим закрепощение всех слоев населения, и самодержавием Александра II, проводившего освобождение общества и буржуазные реформы, полностью стиралась. Поэтому критика Петра I А.П. Щаповым и Н.Я. Аристовым содержала в себе революционно-демократический смысл.

3.4. Образы Петра I в публицистической и научной литературе народников и социал-демократов

Революционное народничество, ставившее своей важнейшей политической целью ниспровержение самодержавия, не могло не обратиться к вопросу об оценке личности и деятельности Петра I. При этом царь рассматривался ими и как основоположник политической системы, сложившейся и укрепившейся в Российской империи, и как своеобразный символ самодержавия. В то же время император выступал в роли своего рода эталона, с которым сопоставлялись самодержцы последующего времени, вплоть до Александра II. Такое сопоставление также было необходимым элементом революционной критики монархов последующего времени, поскольку всякое сравнение с Петром Великим также служило основанием для исторического обоснования критики российской монархии в ее современном народникам состоянии.

На самую тесную связь между монархией Николая I недавнего времени и монархией Петра I обращал внимание М.А. Бакунин в статье «О России», опубликованной в Швеции в 1863 г., когда автор был уже известным в Европе революционером. В николаевское время, или, по словам Бакунина, в «наиболее мрачный период в истории наших монархов», Николай I всего лишь «был Дон-Кихотом системы, созданной Петром I и Екатериной II, он был наиболее трагическим ее выразителем»³⁷⁷. Таким образом, Петр I стоял, согласно Бакунину, у истоков империи. Эта империя новый этап в своем развитии переживала при Екатерине II, а при Николае I она вступила в свой трагический, или же, точнее, в кризисный этап. Но созданная Петром I империя не может считаться, по мнению Бакунина, государством русским. Это было «немецкое государство в Петербурге», «основанное Петром»³⁷⁸, - писал он в шестидесятых годах в статье

³⁷⁷ Бакунин М.А. О России // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.155-156.

³⁷⁸ Бакунин М.А. Статьи из журнала «Народное дело» = La cause de peuple // Избранные труды. С.230.

«Правительственные реформы», опубликованной в основанном им журнале «Народное дело».

Такое критическое отношение к первому императору России было, однако, не у всех революционных народников. В отличие от теоретика анархизма Бакунина, резко негативно оценивавшего любую власть, в том числе монархию Петра I, создатель теории героев и толпы Н.К. Михайловский пытался понять феномен личности этого царя, с учетом сложившихся представлений о нем в общественно-исторической мысли России. Поводом для высказывания его на эту тему стало петровское двухсотлетие, когда в русской печати появилось немало статей о царственном юбилеаре. Михайловский не соглашался с распространенной точкой зрения на Петра как на деспота, и подчеркивал, что «систематическим деспотом»³⁷⁹ он не был. Но он не соглашался также с мнением С.С. Шашкова, сибиряка, земляка А.П. Щапова, слушавшего его лекции. Как писал Шашков, Петр I будто бы «завещал ей (России – Т.А.) либеральные государственные принципы»³⁸⁰. Михайловский это также решительно отрицал и указывал, что Петр I «не был ... и систематическим либералом»³⁸¹. Личность царя, подчеркивал он, исключительно сложна для понимания. Сложность в том, что, по его словам, царь – «одна из оригинальнейших личностей в нашей истории». Для нее характерно сочетание самых разных признаков. Он – «царственный революционер», «азиат-европеец», «дикарь, способный к самым высоким и нежным чувствам», и, наконец, «работник на троне». И, кроме того, это была не просто личность, но «монументальная фигура, стоящая на главном, так сказать, водоразделе русской истории»³⁸².

Согласно Михайловскому, личность и характер Петра I в России «большинство общества не знает». При этом, по его мнению, в публикациях о царе в связи с его двухсотлетием также нет ничего, что позволяло бы понять его личность и характерные для нее противоречия. Но, подчеркивая, что личность

³⁷⁹ Михайловский Н.К. Из литературных и журнальных заметок 1872 года // Полное собрание сочинений. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. Т.1. С.638.

³⁸⁰ Шашков С.С. Всенародной памяти царя-работника // Дело. 1872. Июль. С.311.

³⁸¹ Михайловский Н.К. Указ. соч. С.638.

³⁸² Там же. С.640.

царя до сих пор не известна обществу, Михайловский использует характеристику Петра I, которую давал либерал К.Д. Кавелин, и выстраивает свою концепцию личности царя и его царствования, отталкиваясь от нее. Как указывал Михайловский, Кавелин исходил из того, что личность человека, создание условий для ее всестороннего совершенствования и полного развития составляют цель и смысл исторического процесса. До возникновения христианства такая цель не проявлялась, а смысл не просматривался. С возникновением христианства положение резко изменилось. «Христианство дало совершенно новый толчок истории. Оно породило мысль о безусловном достоинстве человека и человеческой личности», - так по-своему излагал Михайловский мысль Кавелина. Однако, как и всякий мыслитель-западник, Кавелин считал, что между историей стран Западной Европы и историей России до нового времени, или, точнее, до Петра I, существовали принципиальные различия. «Несходны были пути России и Европы», - такую мысль высказывал Кавелин, согласно Михайловскому. Но с Петра I «эти пути соединяются»³⁸³. Проявилось это, согласно Михайловскому, по мысли Кавелина, не при Петре I вообще, но в личности царя. «В Петре Великом личность на русской почве вступила в свои безусловные права, отрешилась от непосредственных, природных, исключительно национальных определений, победила их и подчинила себе. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления начала личности в русской истории»³⁸⁴, - в этом, как считал Кавелин, было значение деятельности самого царя и вообще всего петровского времени в истории России. Освобождение Петром I своей личности выступало, таким образом, как предпосылка освобождения личности человека в России, как первый и большой шаг на этом исключительно трудном пути.

Так Н.К. Михайловский изложил основы общего взгляда на Петра I выдающегося либерального мыслителя К.Д. Кавелина и принял их за основу последующих рассуждений и формирования собственного взгляда на первого

³⁸³ Там же. С.641.

³⁸⁴ Там же. С.643-644.

русского императора. Такую «философско-историческую схему», созданную Кавелиным, Михайловский считал «весьма замечательною»³⁸⁵. Но он внес в нее собственные коррективы, причем существенные. Он поставил под сомнение по существу главное положение, выдвинутое Кавелиным, согласно которому начало личности в России имело место с Петра I, и что выражал его сам царь. Михайловский при этом не отрицал, что Петр I решительно разорвал с оковами старого общества, которые существовали в разных сторонах жизни и культуры Московского государства. По его словам, «Петр порешил с предрассудками и суеверием. Он грубо и цинично топтал их своим "всешутейшим собором" и т. п.». Старые начала тем самым уничтожались, в том числе силой смеха и кощунственных в глазах традиционного московского человека развлечений петровского окружения. Но и в этих столь решительных мероприятиях Михайловский не видел, однако, освобождения личности, в том числе и личности самого царя как решительного ниспровергателя старого. Анализируя смысл петровского письма сыну, царевичу Алексею, он обращает внимание на царские слова: «Я за отечество и за подданных моих жизни не жалел и не жалею». И далее он писал сыну, что «неужели пожалею тебя. Лучше будь чужой добрый, чем свой негодный». Согласно Михайловскому, эти слова свидетельствуют, что Петр I сбросил с себя не только старые традиции Московского государства. Он также не менее решительно «сбрасывает с себя иго кровных и династических интересов», угрожая сыну, что не пожалеет его. Но эти интересы также старые и традиционные. Однако, даже сбросив все это с себя, царь, по оценке Михайловского, «немедленно и сознательно налагает на себя иго "отечества и подданных", ради которых он действительно "жизни не жалел"».

То же самое происходило, как указывал Михайловский, не только с ним самим, но и с его подданными. Освободив их от старомосковских традиций, царь «наложил» на них «иго науки»³⁸⁶. В самом деле, приобщение к науке в самом широком смысле начиная с грамотности, с обучения всему тому, что необходимо

³⁸⁵ Там же. С.644.

³⁸⁶ Там же. С.647.

дворянину в военной и гражданской службе имело место, и дворянство вместе с приобщением к европейской культуре стало постигать начала наук. Для многих дворян это «иго» было весьма тяжким. Не случайно они смотрели на науки как на новую повинность. Согласно Михайловскому, Петр I со своими реформами одновременно и сбрасывал с личности своих подданных «старые стихийные оковы», и «стремился указать ей новые границы»³⁸⁷. Эти границы определялись тем, что, по словам Михайловского, «Петр служил интересам не династии, но русского народа». Для этого ему необходимо было не сохранять «узкую, ограниченную односторонними сословными интересами личность», но поставить на ее место «всестороннего человека», которого бы не связывали «тесные сословные границы»³⁸⁸.

Таким образом, как и Кавелин, Михайловский полагал, что Петр I освобождал человека от оков старомосковского общества и закладывал тем самым основы личности. Но если Кавелин на этом останавливался, то Михайловский шел дальше и указывал, что такое освобождение было относительным, и эта освобожденная от оков старого личность, не исключая самого царя, получала новые оковы, определявшиеся интересами государства и народа так, как понимал их сам Петр I. Тем не менее, Михайловский не отрицал, что в человеке петровского времени пробуждается личность, хотя и ограниченная новыми границами, связанными с задачами преобразований в государстве.

Известный историк русской общины и Украины и представитель народнического направления отечественной исторической мысли А.Я. Ефименко давала свою оценку Петру I в соответствии с анализом событий конца XVII – начала XVIII вв. на Украине, при гетманах И. Мазепе, И. Скоропадском и П. Полуботке. Ей удалось убедительно выразить особенности характера и личности царя через восприятия его гетманом Мазепой. Она решительно отвергла традиционную для российской историографии характеристику гетмана как коварного изменника, хотя и соглашалась с тем, что «коварство Мазепы, конечно,

³⁸⁷ Там же. С.648.

³⁸⁸ Там же. С.650.

нельзя вполне отрицать». Но Ефименко, в отличие от российских историков, стремится понять гетмана и уяснить, чем был вызван переход его в условиях шведского вторжения на Украину на сторону шведов. В течение длительного времени Мазепа, как отмечала Ефименко, верно служил России и Петру I. «Реформаторская деятельность молодого царя могла найти оценку и сочувствие в старом гетмане, который, несомненно, был культурным человеком своего времени», - подчеркивала Ефименко. Но, сочувствуя петровским реформам, Мазепа вместе с тем служил, по ее словам, «приспосабливаясь к окружающей среде», и «должен был скрывать» свои «понятия и чувства настоящего шляхтича», которые он «принес на левобережье из Польши». Но все это не мешало ему служить и быть лояльным царю. Решающую роль в его измене сыграла, как указывала Ефименко, манера обращения Петра I с подданными. Гетман ее очень остро чувствовал, и поэтому «беспощадный деспотизм Петра, для которого не существует ни личность, ни история, если они стояли поперек дороги его планам, не мог не вызвать реакции». Для такой реакции гетмана имелось вполне обоснованное оправдание. «Мысль об объединении Украины была ему близка, как и каждому, сколько-нибудь разумному и искреннему украинцу того времени»³⁸⁹, - указывала Ефименко на обстоятельство, окончательно подтолкнувшее Мазепу к переходу на сторону шведского короля. Таким образом, согласно ее выводам, особенности личности и характера царя в немалой степени объясняли акцию Мазепы, которая явно выдвигала его из ряда украинских гетманов после Богдана Хмельницкого и сделала его образ знаменитым и даже романтическим не только в Украине и России, но и в европейских странах³⁹⁰.

Политику Петра I в Украине Ефименко показывала как ряд последовательных мероприятий, направленных на полное ее подчинение и использование всех ее сил, средств и ресурсов на нужды укрепления империи.

³⁸⁹ Ефименко А.Я. История Украины и ее народа. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1907. С.84.

³⁹⁰ Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М.: Центрполиграф, 2011. С.8.

Петр разрешил избрание гетманом полковника И. Скоропадского, но этот гетман был «слабохарактерный» и «не мог оказывать властному Петру никакого противодействия»³⁹¹. К тому же к нему «были приставлены русские агенты». Целью было выкачивание доходов из Малороссии, а Меншиков и другие «великорусы» делали крупными помещиками на ее территории. Украинские казаки стали посылаться на большие государственные строительные работы, на Ладожский канал и на крепость Святого Креста. В результате, отмечала Ефименко, «30% - 60% казаков, вытребованные на эти работы, не вернулись домой, сделавшись жертвами нездорового климата и лишений»³⁹². В 1722 г., указывала Ефименко, Петр I учредил для полного подчинения Украины и фактического упразднения гетманской власти Малороссийскую коллегия. Последней репрессивной мерой царя против украинской казацкой старшинской верхушки был арест гетмана П. Полуботка в Петербурге вместе с прибывшими с ним старшинами. И только смерть Петра I, по ее словам, «ослабила напряженность политики» России в отношении Украины³⁹³. Отношение Ефименко к царю и к его политике на Украине, таким образом, резко критическое. Он, по ее мнению, в значительной мере виноват и в переходе Мазепы на сторону шведов, и прямо виноват в своем стремлении уничтожить автономные начала, по которым Левобережная Украина входила по условиям Переяславской рады 1654 г. в состав России.

Для народнического направления общественной мысли России тема Петра I не была главной. Значительно важнее для народников были темы, связанные с историей народа и общины, с массовыми народными движениями, с экономическим развитием страны. Тем не менее, авторы народнического направления проявляли интерес к первому российскому императору, причем не столько с точки зрения места его в отечественной истории, сколько роли его образа в деле революционной пропаганды против существовавшего в России политического строя. В этом отношении образ Петра I был необходим

³⁹¹ Ефименко А.Я. Указ. соч. С.98.

³⁹² Там же. С.99.

³⁹³ Там же. С.102.

народникам, с одной стороны, как наиболее ярко выраженный символ самодержавия, с его деспотизмом, от которого страдал народ, и, как это подчеркивала А.Я. Ефименко, недавно присоединенная к России Левобережная Украина и ее казацкая старшина. Отсюда упоминавшийся ей «беспощадный деспотизм» Петра I, или выражение с очень определенной и жесткой смысловой нагрузкой. Благодаря этому в массовом сознании легко выстраивалась смысловая связь петровского самодержавного деспотизма с качественными характеристиками самодержавного строя вообще, независимо от того, кто мог занимать императорский престол. Это вместе с тем не означало, что для народников не имело значения, кто занимал русский престол. И в этом отношении образ Петра I был необходим для критики не только самодержавия вообще, но самодержца и самодержавия того времени, когда возникло народничество и действовали народнические организации. Отсюда проводилась мысль, что все последующие самодержцы, включая Александра II, при котором отмечался двухсотлетний юбилей царя-реформатора, были недостойны его и по своим качествам правителя огромной страны, которым был неограниченный монарх XVIII-XIX вв., не могли равняться с ним. Поэтому Н.К. Михайловский поддержал мысль о Петре-революционере, высказывавшуюся еще А.И. Герценом. Но, принимая эту мысль, Михайловский не просто воспроизводил ее, но дополнял мыслью о том, что Петр I как революционер не освобождал личность, но накладывал на нее новый гнет, в соответствии с характером и потребностями своего времени. Мысль была очень актуальная для эпохи буржуазных реформ, основной идеей которых было освобождение крестьян и освобождение всего общества от гнета крепостничества и вообще всех дореформенных порядков. Но, утверждал Михайловский, если Петр-революционер оказался способен лишь революционным путем отвергнуть основы старого общества, но не освободить личность, то тем более этого не были способны сделать последующие цари-реформаторы, в том числе и Александр II. Отсюда – мысль о том, что освобождение общества может быть связана не с реформами, проводившимися

самодержцами, но с освобождением от самодержавия вообще. И в этой связи Петр I занимал свое место в народнической пропаганде.

Сходным образом и отношение социал-демократической общественно-политической мысли к Петру I определялось ее отношением к Российской империи как к стране если не азиатской, то с развитыми и глубокими азиатскими традициями и пережитками. Общим местом отечественной исторической мысли, русской культуры в целом было представление о Петре I как о царе-преобразователе, сильной самодержавной рукой направившим Россию на европейский путь. Поэтому среди социал-демократов с неизбежностью проявлялось стремление к анализу этих двух положений и к совершенно очевидному намерению уяснить, в какой степени петровские реформы продвигали европеизацию страны, восприятие русским обществом элементов западной культуры. Также обращалось внимание и на методы проведения этих реформ.

Самую суть понимания российскими социал-демократами петровских реформ и петровской европеизации выразил в мае 1918 г. В.И. Ленин, указывавший в статье «О левом ребячестве и мелкобуржуазности» о необходимости восприятия Советской Россией основ европейской культуры. Он имел в виду под этими основами германский государственный капитализм, без которого Россия оставалась на уровне страны отсталой, а по существу, для своего времени, и в соответствии с распространенной терминологией начинавшегося в России с Петра Великого Века Просвещения, варварской. Историческим опытом такого восприятия он считал методы петровских преобразований, благодаря которым царь решительно внедрял и утверждал в русской жизни европейские по своей направленности реформы, преодолевая застарелые московские традиции. По его словам, «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»³⁹⁴. Опытный литератор, как сам себя в анкетах характеризовал вождь пролетариата, подобрал слова для выражения своей мысли по поводу характера и деятельности

³⁹⁴ Ленин В.И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Полное собрание сочинений. Т.36. С.301.

первого императора России весьма точно. Стремление Петра I самому выйти из состояния варварства, вывести из него страну и общество, было несомненным. Но осуществиться оно могло только варварскими методами, поскольку к иным методам ни русское общество, ни сам царь не были готовы в силу особенностей своей вполне варварской, с точки зрения ушедших вперед в своем культурном развитии западноевропейцев, «московитской» культуры.

Но вместе с тем понимание личности и деятельности Петра I в марксистской общественной мысли России опиралось не только на представление о России азиатской и варварской и о ее европеизации. Оно также опиралось на стремление понять царя и его реформы в свете формационно-классовой метатеории К. Маркса, или представления о классовой борьбе в обществе и общественно-экономических формациях, о революции как о способе прогрессивной и закономерной смены общественно-экономических формаций. В.И. Ленин это вполне понимал. Но в своей очень краткой характеристике деятельности Петра I ему важно было подчеркнуть мысль о том, что царь проводил европеизацию страны, борясь с русским варварством вполне по-варварски, причем необходимость таких форм борьбы Ленин в данном случае если не оправдывал, но понимал и принимал. Более подробно о месте петровских реформ в контексте процесса смены общественно-исторических формаций говорил историк-марксист М.Н. Покровский. Он указывал «на торговый капитализм как экономическую основу петровской реформы»³⁹⁵. Однако формационную составляющую Покровский самым тесным образом соединял с цивилизационной стороной и с цивилизационным взаимодействием между Россией и западными странами в раннее новое время. Поэтому истоки отечественного торгового капитализма он связывал не столько с внутренним развитием страны, сколько с влиянием более прогрессивной западной культуры. «Торговый капитализм шел к нам с Запада»³⁹⁶, - подчеркивал он. При этом, по его словам, торговый капитализм в XVII в. «имел громадное влияние и на внешнюю,

³⁹⁵ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т.1-2 // Избранные произведения. М.: Мысль, 1966. Кн.1. С.520.

³⁹⁶ Там же. С.524.

и на внутреннюю политику московского правительства»³⁹⁷. Но, как указывал Покровский, экономические интересы при этом брали верх над культурными связями и, следовательно, формационная составляющая оказывалась сильнее цивилизационной. В этом отношении он приводил наглядный и весьма убедительный пример. «Казалось бы, что могло быть сильнее голландского влияния на "саардамского плотника"», то есть на Петра I, «даже в своей подписи рабски копировавшего ту страну, которая в его глазах была олицетворением европейской цивилизации?»³⁹⁸ - как бы спрашивает Покровский знакомого с историей петровского времени читателя. Но, несмотря на это, указывал историк, царь очень хорошо знал, что его «друзья» в Нидерландах смотрят на его войну со Швецией «более, чем холодно». Знал также Петр I и о сообщении упомянутого Покровским русского представителя в Гааге Матвеева, что «известие о поражении русских под Нарвой» «произвело там неслыханную радость»³⁹⁹. В утверждении России на Балтийском море, в замене беломорской торговли балтийской, голландцы, так же, как и англичане, как отмечал Покровский, не видели коммерческих выгод. Поэтому оказалось так, что если для Петра I образцовое европейское устройство представлялось в нидерландском образе, то, тем не менее, это вовсе не означало, что Нидерландские Штаты собирались поддерживать стремление его к выходу на балтийское побережье, или, по существу, важнейший европейский вектор его внешнеполитических усилий.

Отмечая, однако, влияние торгового капитализма на ход петровских реформ, Покровский указывал вместе с тем на обстоятельства во внутреннем укладе государства, которые самым серьезным образом препятствовали развитию страны. Это была «политическая оболочка дворянского государства», которая «помешала этому капитализму развиваться». Покровский раскрывал, как конкретно эта «оболочка» мешала развитию. Во-первых, он со ссылкой на не названного им русского автора объяснял трудности купечества «конкуренцией "высоких персон"». Во-вторых, так же негативно сказывался сам характер

³⁹⁷ Там же. С.542.

³⁹⁸ Там же. С.545.

³⁹⁹ Там же. С.546.

отношения между царем и торговым капиталом, методы петровского руководства промышленностью. «Петр попытался учить капитал, что он должен делать и куда ему следует идти, и выполнял свою работу с энергией и натиском, которые всегда были ему свойственны», - отмечал историк. Особенно интересно замечание Покровского о крайности, до которой доходило петровское руководство промышленностью. Он указывал, что о «крепостных рабочих» было хорошо известно. Но «о крепостных предпринимателях приходится слышать гораздо реже, а этот тип несравненно любопытнее». Покровский приводил в этой связи случай, когда в 1715 г. до царя дошли известия о низком качестве русской юфти, которую не ценят за границей. После этого царь распорядился прислать на предприятия по изготовлению юфти новых мастеров, и за два года значительно улучшить качество продукции. Тот предприниматель, который не сделает этого, «будет сослан на каторгу и лишен всего имения», - приводил историк слова из документа. Отсюда его общий вывод: «способ воздействия Петра на промышленность был таков, что должен был распугивать, а не привлекать капиталы». Вывод совершенно справедливый. При этом, не желая дожидаться притока капиталов в полотняное производство, Петр I «пробовал вогнать капитал в полотняные мануфактуры дубиной». В результате «на место десятков тысяч разоренных ткачей» встала полотняная мануфактура Тамеса. На ней изготавливали полотно «не хуже заграничного». Но она «могла сводить концы с концами только благодаря тому, что в виде подкрепления к ней было приписано целое большое село (Кохма)». Такое предприятие, которое «приходилось содержать трудом крепостных крестьян», как верно подчеркивал Покровский, «не было уже капиталистическим предприятием».

Отсюда резко отрицательная оценка Покровским итогов промышленного развития России при Петре I⁴⁰⁰. По его словам, петровские мануфактуры

⁴⁰⁰ На наличие критических оценок экономической политики Петра I среди современных историков, принимавших и развивавших это положение М.Н. Покровского, указывал датский историк К. Расмуссен. При этом подчеркивается, что «большая часть» предприятий, созданных при Петре I, «обанкротилась после его смерти», и вообще они «не могли существовать без поддержки сильной государственной власти». Расмуссен К. Спорные вопросы в истории России XVI века // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т.24. № 2. С.22.

«лопнули одна за другой, и едва десятая часть их довлячила свое существование до второй половины XVIII века». И более того: «Самодержавие Петра и здесь, как и в других областях, создать ничего не сумело, но разрушило многое». Но при этом, указывал он, от петровских мануфактур с принудительным трудом «ведет свое начало крепостная фабрика», что также составляло отрицательный результат петровских реформ в промышленности. Такое положение было, на взгляд Покровского, не удивительно. События развивались таким образом, что в управлении страной на «буржуазного союзника» государственной власти было возложено дело по подъему экономики. Но затем «феодалская знать» заставила этого «союзника» вернуться «в прежнее политическое ничтожество». Получилось, однако, так, что без этой буржуазной опоры «верховные господа» оказались бессильны перед дворянством, «отодвинутым было на задний план», и должны были «сдать позицию» дворянству. В результате, подчеркивал он, «дворяне снова укрепились в седле, на этот раз уже почти на два столетия»⁴⁰¹, и это был общий успех «дворянской реакции»⁴⁰², положение которой было закреплено принятием в 1722 г. Табели о рангах. Кратко и четко Покровский объяснял причину оттеснения русского торгового капитала дворянством в своей «Русской истории в самом сжатом очерке». Более слабый, чем западноевропейский (англо-голландский) торговый капитал, он не мог выдержать с ним конкуренцию. Отсюда возникла «реакция», принявшая «антибуржуазный характер», которая была «дворянской реакцией»⁴⁰³. Это, однако, не означало, что торговый капитал даже в условиях дворянской реакции потерпел полное поражение. «Завоевание феодальной России торговым капиталом»⁴⁰⁴, подчеркивал Покровский, все-таки имело место, и проявлялось оно в области культуры и быта господствующего класса. При этом к оценке культурного уровня не только дворянства петровской России и самого царя, но и европейской культуры начала эпохи Просвещения Покровский подходил не с меньшей

⁴⁰¹ Там же. С.568.

⁴⁰² Там же. С.590.

⁴⁰³ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Учпедгиз, 1934. С.211-212.

⁴⁰⁴ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Кн.1. С.592.

степенью критичности, чем к экономической политике времени преобразований Петра Великого.

От образа великого преобразователя России, тщательно выстраивавшегося в массовом историческом сознании, в отечественной исторической мысли еще с первой четверти XVIII в., историк-марксист М.Н. Покровский не оставил ничего. Но негативный облик царя, созданный им, становится еще более выразительным, когда Покровский говорил о культуре царя и окружающего его общества. Недалекой в умственном отношении личностью выглядит у Покровского великий царь, у которого «научные» интересы «не шли дальше собирания "монстров" и "опытов" вроде попытки создать породу высоких людей, поженив откуда-то добытую царем "чрезмерно высокую" финку с показывавшимся в балаганах за деньги французским великаном»⁴⁰⁵. Как самодур и насильник по отношению к подданным предстает царь в качестве любителя «рвать зубы». Склонным к грубым шуткам над подданными выглядит он в описанных Покровским сценах на праздниках, когда пить за «здоровье царя» такой «скверный продукт», как «хлебное вино» должны были «даже самые нежные дамы»⁴⁰⁶. Крайне примитивной личностью показан Петр I, изучавший «барабанную науку» «не с меньшим рвением, нежели впоследствии ремесло корабельного плотника»⁴⁰⁷. Но описание культуры царя не выпадало из исторического контекста. Покровский справедливо замечал, что европейцы «по части внешней культурности» ушли от русского царя и от русских вообще «не очень далеко»⁴⁰⁸. Это относилось также к мыслителям-гуманистам того времени. Так, согласно Покровскому, «философия гуманистов была смесью самых наивных предрассудков, завещанных средними веками, с наскоро подхваченными и неперевавленными обрывками античной мудрости»⁴⁰⁹. Культурный уровень Петра Великого, подчеркивал Покровский, в целом соответствовал культуре своего времени.

⁴⁰⁵ Там же. С.605.

⁴⁰⁶ Там же. С.608.

⁴⁰⁷ Там же. С.609.

⁴⁰⁸ Там же. С.605.

⁴⁰⁹ Там же. С.604.

По существу, такая критическая характеристика Петра I с точки зрения уровня его культуры в полной мере соответствует тому, что писал Покровский о результатах политики царя в отношении русской промышленности, внутреннего развития страны в целом. Поэтому из описания историка вполне понятно, почему царю при всем его самовластии не удалось добиться подъема мануфактурной промышленности. И если позже, в 1918 г., В.И. Ленин говорил о перенимании Петром I западничества, но варварскими методами, то М.Н. Покровский в начале XX в. подчеркивал варварство его и его мер, направленных на преобразования в стране.

Выдающийся марксист Г.В. Плеханов в своем исследовании по истории русской общественной мысли совершенно справедливо подчеркивал исключительную значимость в ней вопроса о Петре I и его реформах. Он писал, что постепенно «вопрос о значении Петровской реформы и сделался у нас коренным вопросом русской публицистики». Это он объяснял тем, что данный вопрос был связан не только с оценкой прошлого, но и с дискуссиями, относящимися к одному из наиболее актуальных вопросов, стоявших перед русским обществом: «в каком направлении должна развиваться Россия, в сторону Запада или же сторону Востока»⁴¹⁰. Казалось, что для подобной постановки вопроса места уже не было. Западный вектор в развитии страны утвердился как будто бы прочно. Он обозначился со времени первых царей из династии Романовых, а при Петре I и после него полостью возобладал. Но для Плеханова победа такого вектора была не столь уж очевидной и бесповоротной. Так, он подчеркивал, что еще в период формирования московского государства имело место «сближение общественно-политического строя северо-восточной Руси со строем восточных деспотий». Такое сближение имело далеко идущие последствия. Согласно Плеханову, оно оказалось связано с «обстоятельствами, замедлившими рост ее производительных сил и тем самым причинившими "инертность" ее хозяйству»⁴¹¹. При этом, указывал Плеханов, сближение между

⁴¹⁰ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Ч.1 // Сочинения. М.; Л.: Госиздат, 1925. С.116.

⁴¹¹ Там же. С.115.

Россией и восточными деспотиями относилось к основам социально-экономического строя России. По его словам, «главной отличительной чертой, сближавшей русский быт с бытом восточных деспотий, являлось полное закрепощение всех классов народа государству»⁴¹². Замечание совершенно справедливое. В то же время оно свидетельствует о признании выдающимся русским марксистом основных положений в теории закрепощения и раскрепощения сословий либерала-западника Б.Н. Чичерина. Но, кроме того, имел место также личный опыт Плеханова и людей его поколения. Примерно за полтора-два десятка лет до работы его над историей общественной мысли в России, при Александре III, была сделана попытка поставить под сомнение западный вектор развития страны, переориентировать ее на совершенно иные, не западные, ценности. Современники видели, что эта попытка не удалась. Произошло это в том числе и потому, что Российская империя того времени стала прочной составной частью Европы, и это особенно наглядно подтверждал договор ее с Францией 1893 г., положивший начало формированию блока Антанты. Но это не означало, что новые попытки свернуть страну с европейского пути предприниматься уже не будут. Поэтому указание Плеханова на наличие ситуации выбора пути исторического развития для страны было не случайно.

Соглашаясь с положением Чичерина о закрепощении государством всех сословий русского общества, Плеханов в то же время соглашался с другим важнейшим положением историков государственной школы, согласно которому реформы Петра I были подготовлены развитием страны при первых царях из династии Романовых. Плеханов подчеркивал, что «Петр своей преобразовательной деятельностью вовсе не шел против общего течения русской исторической жизни». Но при этом в результате его реформ, указывал он, выходило так, что «постепенно накапливающиеся количественные изменения превращаются в качественные»⁴¹³, в полном соответствии с диалектическим гегелевским законом перехода количественных изменений в качественные. Эти

⁴¹² Там же. С.117.

⁴¹³ Там же. С.107.

качественные изменения заключались, как показал Плеханов, во внутренней перестройке русского общества. Так, если до Петра I, имели место несомненные качественные различия между верхним, служилым классом русского общества и народом только на социальном уровне, то к такому различию в результате петровских реформ добавилось принципиальное различие на культурном уровне. Плеханов в этой связи отмечал: «Сблизив с Западом высшее сословие и отдалив от него низшее, Петровская реформа тем самым увеличила недоверие этого последнего ко всему, что шло к нам из Европы. Недоверие к иностранцу помножилось на недоверие к эксплуататору»⁴¹⁴. Это не вызывает сомнения. Вместе с тем то, что дворянство стало превращаться в европейское сообщество по своей культуре, тогда как народ оставался на уровне традиционной культуры, было известно и до Плеханова. Но Плеханов объяснял такой разрыв тем, что Петр I «в своей преобразовательской деятельности ... был и мог быть западником только отчасти»⁴¹⁵. В самом деле, внедряя основы западной культуры в дворянскую среду, он не собирался менять что-либо в жизни основной массы народа. В результате преобразований, писал он, «социальное положение "благородного" сословия изменилось в одну сторону – в сторону Запада – в то самое время, когда социальное положение "подлых людей" продолжало изменяться в сторону прямо противоположную – в сторону Востока»⁴¹⁶. Вместе с тем Плеханов пошел еще дальше. Он показал, что возникали противоречия между верхами и низами русского общества и на уровне движения в сторону освобождения личности. Конечно же, отмечал он, при Петре I никакого освобождения дворянства от обязательной службы не произошло. Напротив, закрепощение дворян службой стало еще более ощутимым. Но, тем не менее, по словам Плеханова, проведенное царем «преобразование армии дало дворянству возможность сравнения поместий с вотчинами, и тем положить экономическую основу своей "вольности"»⁴¹⁷. Такая «вольность» наступила позже, во второй

⁴¹⁴ Там же. С.118-119.

⁴¹⁵ Там же. С.116.

⁴¹⁶ Там же. С.118.

⁴¹⁷ Там же. С.118.

половине XVIII в., после манифеста о вольности дворянства Петра III и Жалованной грамоты дворянству Екатерины II.

Историк-марксист Н.А. Рожков обращал внимание на культурно-психологические предпосылки обращения Петра I к Западу и к западной культуре, определявшиеся личным опытом молодого царя. «Петр, начавший в 15 лет от роду знакомство с Европой путем изучения европейской науки (Тиммерман), а потом мореплавания (Брант), вскоре вкусил от сладости европейской обстановки, веселого, открытого, часто разгульного, свободного образа жизни (Лефорт), от общения, наконец, с новой, свободной европейской женщиной (Анна Монс), - интересной особенно по сравнению с проникнутой старыми теремными преданиями царицей Евдокией Лопухиной»⁴¹⁸, - указывал он. Тем самым он подчеркивал, что личные впечатления и личный опыт Петра I предопределили его убеждение в необходимости реформирования внутренней жизни страны по западному образцу. Рожков также отмечал, что «цель всех экономических реформ Петра Великого характерна для системы меркантилизма». В центре внимания самодержца, проводившего эти реформы, был «казенный, государственный интерес». «Обогатить народ надо было только для обогащения казны»⁴¹⁹, - писал он. Тем самым он подчеркивал, что народ был для Петра I не целью, ради благосостояния которого он реформировал страну, но средством для экономического усиления самодержавного государства. По мнению Рожкова, постоянная нужда государства в деньгах привело Петра I к преобразованию финансовой системы страны путем внедрения подушной подати. Такая форма податного обложения, отмечал Рожков, привела к росту доходов казны. Но это достигнуто было, по его словам, «ценою разорения страны». Или же, уточнял Рожков, ценой разорения «главной массы трудящегося большинства населения, - "Россия была возведена в ранг великой европейской державы"»⁴²⁰. Он в этих своих строках цитировал труд П.Н. Милюкова «Государственное хозяйство

⁴¹⁸ Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Л.; М.: Книга, 1928. Т.5. Конец дворянской революции в России. С.100-101.

⁴¹⁹ Там же. С.156.

⁴²⁰ Там же. С.161.

России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого». Совершенно очевидно, что в выводе о разорении народа в ходе петровских реформ историк-марксист Рожков вполне соглашался с Милюковым, историком, который признавался русскими марксистами как ученый буржуазный.

Характеризуя самого царя, Рожков указывал, что «Петр соединял в своем характере черты, типичные для нового дворянства с его душевными противоречиями, мирно уживавшимися в силу самодурства (царя – Т.А.) с некоторыми особенностями, свойственными вождям великих переворотов». И вообще, писал Рожков, в личности царя «было много остатков невоспитанности, грубости, распущенности»⁴²¹. Он в доказательство приводил то, о чем не писали другие авторы. Говоря о письмах его к новой жене, Екатерине, историк указывал, что в них «встречаются самые грубые, неприличные, недопустимые сальности». Говоря об известной бережливости Петра I, Рожков указывал, что она была, с одной стороны, не плохой чертой. Но при этом нередко «бережливость переходила меру», и царь напоминал «таких типично-феодалных людей, как великие князья московские из дома Калиты»⁴²², известных своей скаредностью.

Рожков не соглашался с историками, обвинявшими Петра I в какой-то особой жестокости и приводившими в пример кровавую расправу со стрельцами, когда он сам рубил головы и заставлял делать это Меншикова и других приближенных. Историк видел в этих ужасных акциях царя то, что у него тем самым проявлялся «фанатизм, глубокая убежденность в своей правоте, а не личная жестокость». Он отмечал способность Петра I к теплым и глубоким чувствам. Так, он «обыкновенно входил в нужды близких ему людей, умел искренне и горячо любить хотя бы Екатерину, Меншикова и даже правдивого и резкого Якова Долгорукого»⁴²³. Особо отмечал Рожков то, что царю была присуща «глубокая и нелицемерная любовь к правде». Эти стороны характера Петра I историк-марксист признавал и высоко ценил. По его словам, «моральное настроение, сила нравственных побуждений, убежденность, идейная смелость и

⁴²¹ Там же. С.224.

⁴²² Там же. С.225.

⁴²³ Там же. С.226.

составляли ту этическую черту в характере Петра, которая делала его вождем революции, руководителем великого переворота». Но, кроме того, такой роли царя как «организатора» способствовало его «понимание людей, умелый их выбор и целесообразное использование не только их достоинств, но и недостатков».

Еще одна отмеченная Рожковым психологическая черта, характерная для Петра I, составляла «общую отличительную черту всего дворянства вообще по сравнению с феодальной аристократией, - именно индивидуализм, широко и глубоко развитой». Тем самым Рожков подчеркивал историческую роль Петра I как вождя дворянской революции в годы своего царствования. Но при этом он проявлял себя настоящим абсолютным монархом и «высоко ценил власть как таковую». Поэтому он «сурово преследовал всех ей сопротивляющихся»⁴²⁴. К психологическим чертам личности царя он также отнес то, что он «любил и ценил славу», а также ему «были свойственны эстетические запросы и вкусы»⁴²⁵. Под выделявшиеся им задачи нового дворянского государства Петр I, указывал Рожков, выстраивал обновленную церковь. В этой «новой, реформированной дворянским государством религии» главной задачей выдвигалась «борьба с грубыми суевериями и обманами, противоречившими разуму»⁴²⁶. Все это было не случайно. Такие меры способствовали успешному распространению просвещения, столь ценимого Петром I. Поэтому Рожков указывал на критику в Духовном регламенте «гордого глупства», которое столь нередко проявлялось в церковной среде. Не случайно в этом документе указывалось, что опасность «ересей» «не от учения». Впадение в ересь – прямое следствие «скудного священных писания разумения». Духовный регламент, по оценке Рожкова, «религиозно-рационалистический трактат», соответствовал целям петровского реформирования православной церкви, как справедливо отмечал Рожков.

Таким образом, в труде Н.А. Рожкова был сформирован еще один образ Петра I в марксистской литературе и в марксистской революционной пропаганде.

⁴²⁴ Там же. С.227.

⁴²⁵ Там же. С.228.

⁴²⁶ Там же. С.229.

Все негативные стороны, относившиеся к царю и указывавшиеся М.Н. Покровским и Г.В. Плехановым, он сохранил и в чем-то даже усилил. Тем не менее, он четко выразил роль Петра I в качестве вождя дворянской революции. Между тем, само по себе понимание революции и ее вождя предопределяло в марксистской исторической мысли положительное звучание. Отсюда, при наличии несомненных негативных черт личности царя, Рожков находил немало весьма позитивных ее сторон, благодаря которым он мог осуществить свою миссию вождя дворянской революции на ее определенном этапе. Кроме того, такое выделение положительных черт личности Петра Великого позволяло более убедительно противопоставить его последнему российскому самодержцу, оттенить его ничтожество и убожество, и имело тем самым также революционный смысл.

В марксистской общественной мысли конца XIX – начала XX вв. преобладает негативный образ Петра I как самодержца и царя-деспота. Критическая характеристика давалась петровской европеизации, подчеркивались ее разорительные для народа последствия, а также указывалось на возникновение культурной пропасти между европеизированной дворянской верхушкой и народом, сохранившим основы своей традиционной культуры. Некоторые позитивные стороны в образе Петра I находил Н.А. Рожков, видя в нем вождя дворянской революции, направленной против феодализма, и по существу поддерживая идею А.И. Герцена, согласно которой Петр Великий – революционер. Такая негативная характеристика царя составляла для русских марксистов этого времени часть их общей характеристики самодержавия, в объективной необходимости революционного свержения которого они были убеждены и убеждали российское общество.

В целом, образ Петра I в представлениях российских революционных демократов формировался в рамках целого ряда направлений. Тема гибели царевича Алексея вышла на уровень острой общественной дискуссии после публикации в «Полярной звезде» А.И. Герцена и Н.П. Огарева письма гвардии капитана А. Румянцева Д.И. Титову с подробностями убийства царевича,

совершенного будто бы по приказу Петра I. Вывод Н.Г. Устрялова об этом письме как о подлоге позднейшего времени решительно оспаривался историком-демократом М.И. Семеvским. Устрялов при этом вину в гибели Алексея с царя не снимал и указывал, что царевич погиб в Петропавловской крепости в результате пыток. В отечественной историографии позднего советского времени В.П. Козлов соглашался с доводами Устрялова и говорил о письме как о подделке, тогда как Н.Я. Эйдельман не был вполне уверен в этом. Но факт большого общественного внимания к письму и к дискуссии вокруг него в шестидесятые годы XIX в. был несомненен. Для демократов письмо давало важный аргумент в разоблачении не только Петра I, но и самодержавия вообще, символом которого выступал первый император России. Между тем, в действительности, при всей остроте дискуссии, между Устряловым и Семеvским по вопросу о гибели царевича Алексея и о вине в этом царя была принципиальная общность. В самом деле, вина Петра I в этой гибели была и в случае справедливости версии, содержащейся в письме Румянцева, и в случае гибели царевича от пыток.

Более позитивный образ Петра I представляли на суд общественности выдающийся мыслитель революционно-демократического направления А.И. Герцен и литературный критик Н.А. Добролюбов. Герцен обосновывал новый взгляд на Петра Великого как на революционера. Культурный итог произведенной Петром I революции он видел в разрушении «византизма», самым отрицательным образом сказывавшегося на развитии страны, а социальный — в разделении русского общества на две части, на европеизированное дворянство и чиновничество и на большинство народа России, которое оставалась на уровне традиционной культуры. В отличие от Герцена, Добролюбов не видел в реформах Петра Великого революционной ломки старого русского общества. Он отмечал, что в самой внутренней жизни страны и народа назрела необходимость перемен и решительного разрыва со стариной, а Петр I хорошо понял это обстоятельство и проводил реформы в соответствии с потребностями в государственных, общественных и культурных

переменах. Герцен и Добролюбов реформаторскую деятельность Петра I оценивали положительно.

Такая оценка разделялась далеко не всеми представителями революционно-демократической общественной мысли России. Они видели в политике Петра I прежде всего насилие власти над народом и указывали на разные формы народного сопротивления этому насилию. Историк старообрядчества А.П. Щапов формой такого сопротивления видел раскол как прежде всего выражение духовного протеста, тогда как Н.Я. Аристов формой народного сопротивления считал распространение разбоев в стране и достаточно широкую поддержку разбойников как «добрых молодцев» со стороны населения страны. В условиях буржуазных реформ, одним из следствий которых стало усиление критики самодержавия, такая критическая в отношении Петра I точка зрения могла рассчитывать на общественную поддержку.

Мысль А.И. Герцена о Петре I как о революционере поддержал народнический теоретик Н.К. Михайловский. Вместе с тем, как подчеркивал он, революционная роль Петра Великого в истории России сводилась к тому, что благодаря его реформам личность освобождалась от гнета старых традиций, но не от гнета вообще, поскольку на место старого становился новый гнет. Отсюда представление о весьма ограниченной роли Петра I как революционера. В целом в народнической общественной мысли преобладало критическое отношение к Петру I как к создателю системы власти в Российской империи, выраженное М.А. Бакуниным, и системы имперского угнетения Украины, которое содержится у А.Я. Ефименко.

Марксистская общественная мысль в России сформировала свой образ Петра I, основываясь на представлении о петровской европеизации России и об истории как о процессе закономерной и революционной смены общественно-экономических формаций. Общую и крайне негативную оценку личности царя и его европеизации давал М.Н. Покровский, о революционной роли его он не упоминал. Г.В. Плеханов подчеркивал, что результатом реформ Петра I явилось разделение народа на европеизированных «благородных» и «подлых людей»,

положение которых изменялось в направлении не Запада, но Востока. Мысль А.И. Герцена о Петре I как о революционере принял Н.А. Рожков. Но, с его точки зрения, Петр Великий возглавил революцию дворянскую, направленную против отжившего свой век феодализма. Указание на Петра I как на революционера позволяла дать дополнительный, сравнительно-исторический аргумент в пользу самой решительной критики российского самодержавия начала XX в.

В целом заметно, что для революционно-демократического направления общественно-политической мысли России образ Петра I не имел первостепенного значения. Тем не менее, первому российскому императору уделялось внимание, преобладало критическое отношение к его личности и деятельности. Такая критика была частью общей критики государственного и общественного строя России с революционных и демократических позиций.

Заключение

Образ Петра Великого для русской исторической памяти относится к одному из наиболее значительных и сильных ее мест, способных пережить века и оставаться на первом ее плане. Все это имело место в пореформенный период и в начале XX столетия, когда в российской общественно-политической мысли высказывались разные суждения о первом императоре России, которые вписывались в рамки идейной и политической борьбы этого времени.

Отношение к Петру I со стороны государственной власти в значительной степени определялось восприятием его личности последующими российскими монархами. При внешних формах самого глубокого почитания царя-преобразователя и основателя Российской империи оно на самом деле было не у всех русских самодержцев одинаково положительным. Так, для Николая I Петр Великий был не только идеалом монарха, но и своего рода образцом в конкретных действиях. Но уже Александр II при всей своей почтительности к Петру I понимал, что по причине других культурно-исторических условий по сравнению с петровским временем перед ним стоят уже иные задачи. Они были связаны не только с укреплением самодержавного строя, но и с удовлетворением стремления общества к участию в общественно-политической жизни и в делах управления. Не вполне был образцом Петр Великий и для двух последних российских императоров. Для Александра III петровское стремление к восприятию западной культуры не соответствовало его консервативно-патриархальным идеалам и ориентацией на русскую старину и на национальные начала. Николай II по своему культурно-психологическому типу не мог принять грубых методов петровских преобразований и особенно отношение Петра I к своей семье, когда он заточил свою первую жену в монастырь, и по существу согласился на убийство сына-царевича.

Тем не менее, при всем непростом отношении императоров пореформенного времени и начала XX в. к Петру I, в России активно проводились петровские юбилейные торжества. Главенствующей идеей этих торжеств было единение монархии и народа, их основная мысль состояла в том, что только при общих усилиях царской власти и общества возможны, как это было будто бы в петровское время, достижение успехов во внутреннем развитии страны и в просвещении народа. Сами праздничные мероприятия, проводившиеся пышно и с размахом, с привлечением к ним народа, публикации в печати на тему этих праздников, содержали скрытую полемику с критиками Петра I как прошлого времени, когда возникла теория царя-антихриста, так и с современными противниками монархии и первого российского императора. Все эти мероприятия представляли собой своеобразную форму монархической пропаганды, способ внедрения и укрепления в массовом сознании монархической идеи. Празднования не исключали весьма критического отношения к ним со стороны части общества, в том числе с сатирическим откликом на празднование петровского двухсотлетия. Отражением в ходе петровских юбилейных празднований общественного интереса к личности и деятельности царя стали картины выдающихся русских живописцев Н.Н. Ге и В.И. Сурикова, в которых средствами искусства выразилось отношение к вопросу о самодержавии, о допустимости насилия ради достижения прогресса, о формах протеста против этого насилия. В картине В.А. Серова «Петр I» была отражена неготовность русского общества к реформам, о воле самодержца как о движущей силе этих реформ.

В пореформенный период и в начале XX в. образ Петра I в русской общественно-исторической мысли оказался в гуще общественно-политической борьбы, развивавшейся на фоне реформ и нараставшего системного кризиса самодержавия. Толчком к активизации петровской темы в рамках общественно-политического дискурса периода начала буржуазных реформ стала публикация в «Полярной звезде» А.И. Герцена письма, якобы направленного гвардии капитаном А. Румянцевым Д.И. Титову со сведениями о тайном приказе Петра I об убийстве царевича Алексея. Историк-демократ М.И. Семевский увидел в этом

письме материал, разоблачавший не только Петра I, но и самодержавие вообще. Своими публикациями о репрессивных делах, вершившихся в петровской Тайной канцелярии, он усиливал разоблачительную направленность этой публикации и призывал к преодолению «устряловщины» с ее идеализацией Петра I. Сам же Н.Г. Устрялов приводил убедительные доводы в пользу того, что данное письмо является подлогом и его на самом деле Румянцев такого письма писать не мог. Спор между М.И. Семеvским и Н.Г. Устряловым приобрел значительную общественно-политическую заостренность. Но, между тем, в главном оба историка проводили общую мысль: гибель царевича Алексея произошла в результате мер, принимавшихся Петром I, и вина в ней царя несомненна.

Для отечественной общественно-политической мысли как консервативного, славянофильского и националистического направления, с одной стороны, так и либерального, с другой, единого отношения к Петру I не прослеживается. В целом в консервативной и даже в славянофильской общественно-исторической мысли позитивное отношение к Петру I было очевидно, причем в отдельных случаях проявлялась апологетика личности и деятельности царя. Но вместе с тем имело место критическое отношение к нему в связи некоторыми сторонами его деятельности. Так, А.И. Кошелев подчеркивал характерный для методов петровского правления деспотизм, а Ю.Ф. Самарин особое внимание обращал на такое отношение царя к церкви, которое определялось исключительно потребностями его внутренней политики. Консервативная критика Петра I, которая столь наглядно проявляется в публикациях М.Н. Каткова, содержала вывод о создании в результате петровских реформ таких новых основ культуры, которые были способны только лишь к подражанию западноевропейской культуре и ее образцам и не несли в себе творческого начала. Но постепенно М.Н. Катков отошел от такой крайне критической оценки реформ Петра I. Нетипичным для консервативной и черносотенной публицистики была мысль, которую высказывал М.О. Меншиков. Он полагал, что значение реформ Петра I для новой России можно было поставить в один ряд со значением принятия христианства для Киевской Руси, и сопоставлял поэтому Петра I и Екатерину II с княгиней

Ольгой и князем Владимиром. Так же, как князь и княгиня, подчеркивал он, приобщили Русь к европейской христианской культуре, так и Петр I и Екатерина II приобщили Россию к культуре неохристианской Европы. На этом основании с М.О. Меншиковым, типичным черносотенцем начала XX в., связывают нередко так называемое особое консервативное западничество. Не только М.О. Меншиков, но и другие авторы этого направления, положительно оценивали петровские реформы в сфере просвещения. Но резко негативно оценивали они пренебрежение со стороны Петра I к русской старине и русским обычаям, широкое привлечение на русскую службу иностранцев и отношение царя к первой жене и к сыну.

Мыслители либерального направления подчеркивали глубокую органичность всей деятельности Петра I для развития России, необходимость для нее петровских реформ. Сами реформы, в результате которых Россия заняла свое место среди европейских стран, позволяли рассматривать Россию, подчеркивал С.М. Соловьев, как страну европейскую, а русский народ – как исторический народ наряду с историческими народами романо-германской Европы, способный в ходе своего исторического развития вступить на путь движения европейских народов по пути к свободе. В характеристиках Петра Великого К.Д. Кавелиным и С.М. Соловьевым заметны определенные черты апологетики царя, в них содержится мысль о том, что петровские реформы представляют собой своего рода образец реформаторской деятельности, опыт который может быть востребован в новых условиях. Более критическое отношение к петровским реформам и к самому царю выразилось у либеральных мыслителей более позднего времени. Так, у В.О. Ключевского это была прежде всего социальная сторона реформ, причем историк подчеркивал, что усиление государства очень тяжело сказалось на положении народа, получившего от петровского государства дальнейшее усиление крепостной неволи. Еще более критический подход к их характеристике содержался у П.Н. Милюкова, отрицавшего за реформами какое-либо общее значение для развития страны и видевшего в них лишь средство для решения текущих проблем, встававших перед государством. П.Н. Милюков

признавал в них самую значительную роль Петра I, но указывал, что царское участие в них играло скорее негативную, чем позитивную роль. В целом в развитии либеральной общественно-политической мысли за период второй половины XIX – начала XX вв. заметна тенденция все более критического восприятия царя.

Не было единства в воззрениях на Петра I среди мыслителей революционно-демократического направления. Высокая оценка первому российскому императору давалась А.И. Герценом и Н.А. Добролюбовым. При этом А.И. Герценом была выдвинута идея, согласно которой Петр I выступал в качестве революционера, решительно разрушавшего традиционный русский «византизм», негативно сказывавшийся на развитии русского общества и государства. Вместе с тем А.И. Герцен, видевший в разрушении Петром I «византизма» в качестве культурного итога петровских реформ, указывал на социальный их итог. Состоял он, согласно А.И. Герцену, в резком разделении русского общества на две части, европеизированное дворянство и чиновничество, с одной стороны, и основную часть общества, сохранявшую свою традиционную культуру. В отличие от А.И. Герцена, Н.А. Добролюбов не видел в деятельности царя революционной ломки старого русского общества и указывал, что проводившиеся Петром I преобразования полностью соответствовали потребностям русского общества в целом в переменах.

Мысль А.И. Герцена о возникновении самой глубокой социальной и культурной поляризации русского общества в результате петровских реформ поддерживал марксист Г.В. Плеханов. Он еще более усилил ее, подчеркнув возникновение в результате такого разделения понятия о «благородных» и «подлых» сословиях. И еще одной интересной мыслью Г.В. Плеханова было указание на тесную связь социальной и культурной стороны петровских преобразований. Так, если дворянство приобрело в результате реформ приобщение к ценностям западной культуры, то культура подавляющего большинства русского общества стала носить, по его мнению, еще более «восточный» характер, чем ранее. Своеобразную поддержку мысли А.И. Герцена

о Петре I – революционере выразил народнический теоретик Н.К. Михайловский, видевший в мероприятиях царя революционное освобождение общества от гнета устаревших традиций. Но при этом в царе-революционере Н.К. Михайловский не видел царя-освободителя, поскольку при нем на русское общество был наложен новый гнет, уже со стороны государства, созданного Петром I. По-своему понимал мысль А.И. Герцена о Петре I как о революционере историк-марксист Н.А. Рожков. Революционный смысл петровских реформ он видел в свете своей концепции о дворянской революции, которая привела к свержению феодализма и к установлению господства дворянства и торгового капитала. По его мнению, Петр I возглавил эту дворянскую революцию. Они, таким образом, лишали герценовский образ царя-революционера некоторой положительной коннотации, которая прослеживается у самого А.И. Герцена. Образ царя-революционера, созданный А.И. Герценом и использованный некоторыми другими авторами революционно-демократического направления, хорошо вписывался в череду других петровских образов, к которым относились: царь-реформатор, царь-герой, царь-плотник, царь-учитель и царь-антихрист.

Однако положительная оценка царя-преобразователя и его реформ, дававшаяся А.И. Герценом и Н.А. Добролюбовым, в целом не получила поддержки среди ряда других представителей революционно-демократического направления русской общественно-политической мысли. Резко негативную характеристику деятельности Петра I выражали историки-демократы А.П. Щапов и Н.Я. Аристов видевшие в широком распространении старообрядчества и разбоев ярко выраженную направленность непосредственно против царя. Также резко критической в отношении Петра I была точка зрения М.А. Бакунина, видевшего результатом его реформаторской деятельности прежде всего систему власти в Российской империи, которая сохранялась в пореформенный период и которая стала играть роль важнейшего тормоза в развитии страны. Такая же критическая характеристика выражалась по отношению к петровской политике историком Украины А.Я. Ефименко, делавшей вывод, что система имперской власти над Украиной и ее угнетения при опоре на центральный аппарат была

заложена в царствование Петра I. Наиболее резкая критика не только деятельности, но и личности Петра I давалась марксистом М.Н. Покровским. В личности его он видел не великого преобразователя, а прежде всего самодура и насильника с низкой культурой и крайне примитивными вкусами и представлениями, а в его реформах он усматривал своеобразное проявление варварства. Какого-либо положительного результата петровских реформ он отмечал.

Таким образом образ Петра I и дискуссия в отечественной общественно-политической мысли пореформенного периода и начала прошлого века являлись прочной составной частью общественно-политического дискурса того времени. Такие обстоятельства, как наступление гласности после смерти Николая I, а также ряд юбилейных дат, относившихся к двухсотлетию событий, связанных с Петром I, стимулировали развертывание дискуссий, относившихся к его жизни и деятельности. В рамках традиционных направлений общественно-исторической мысли России, которыми являлись консервативное, либеральное и революционно-демократическое, отношение к Петру I хорошо просматривается. Однако конкретное отношение отдельных представителей этих направлений к царю не имеет прямой связи с общей их позицией в идейно-политическом противостоянии своего времени. Так, позитивное отношение к монарху просматривается у разных авторов, представителей не только к либерального, но и консервативного и черносотенного направлений, а также у демократов и революционеров. То же самое относится к критике Петра I. Более четкое разделение оценочных суждений о Петре I в большей степени зависело от времени. Так, в период нараставшего революционного кризиса в стране начала прошлого века критическое отношение к царю было выражено более ясно и четко, чем в период буржуазных реформ при Александре II.

Несомненно, что для укрепления своих идеологических и политических позиций самодержавие пыталось опереться на мощный и весьма популярный в народе исторический образ Петра Великого, на позитивные результаты его царствования. Но кризис режима был в начале столетия настолько силен, что

обращение к этому образу предотвратить крах самодержавия не смогло. Между тем, образ царя-преобразователя пережил революционные потрясения. Он постепенно нашел свое место в рамках общественно-исторического дискурса советского и постсоветского времени. Но исследование вопроса о месте его в общественно-политической культуре страны советского и современного периода представляет тему особого исследования.

Список источников и литературы

I. Источники

Произведения общественных деятелей

1. Аксаков, И.С. Мы глупы и бедны / И.С. Аксаков, К.С. Аксаков // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 709-724.
2. Аксаков, И.С. Петербург и Москва / И.С. Аксаков, К.С. Аксаков // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 422-427.
3. Аксаков, К.С. Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II в 1855 г. / К.С. Аксаков, И.С. Аксаков // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 227-251.
4. Аксаков, К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка / К.С. Аксаков, И.С. Аксаков // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 117-132.
5. Аксаков, К.С. Несколько слов о русской истории, возбужденных Историею г. Соловьева / К.С. Аксаков, И.С. Аксаков // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 209-226.
6. Аксаков, К.С. О современном литературном споре / К.С. Аксаков, И.С. Аксаков // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 174-183.
7. Аксаков, К.С. Три критические статьи г-на Имрек / К.С. Аксаков, И.С. Аксаков // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 138-173.
8. Апухтин, А.П. По поводу юбилея Петра Первого / А.П. Апухтин // Нива, 1918. – Э 30. – С. 467.
9. Артикул воинский // Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти т. – М.: Юрлит, 1986. – Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. – С. 327-389.

10. Бакунин, М.А. О России / М.А. Бакунин // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С.150-159.
11. Бакунин, М.А. Статьи из журнала «Народное дело» = La cause de people / М.А. Бакунин // Избранные труды. – С.221-255.
12. Виноградов, П.Г. Положение дел в России / П.Г. Виноградов // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 508-519.
13. Виноградов, П.Г. Россия и Европа / П.Г. Виноградов // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 406-421.
14. Герцен, А.И. О развитии революционных идей в России / А.И. Герцен // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С.196-303.
15. Добролюбов, Н.А. Первые годы царствования Петра Великого / Н.А. Добролюбов // Собрание сочинений в 9 т. Т. 3. Статьи и рецензии. Июнь-декабрь 1858 г. – М.; Л.: ГИХЛ, 1962.
16. Екатерина II. Антидот // Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша. – М.: Олма-Пресс, 2005. – С.225-424.
17. Екатерина II. Наказ Комиссии о сочинении нового проекта Уложения. 30 июля 1767 г. // Екатерина II. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С.115-189.
18. Екатерина II. Размышления о Петербурге и Москве // Екатерина II. Избранное. – С. 811-812.
19. Кавелин, К.Д. Краткий взгляд на русскую историю / К.Д. Кавелин // Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С.177-188.
20. Кавелин, К.Д. Мысли и заметки о русской истории / К.Д. Кавелин // Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 189-270.
21. Катков, М.Н. Наши аномалии и судебная республика / М.Н. Катков // Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 96-104.
22. Катков, М.Н. Общий очерк борьбы за учебную реформу / М.Н. Катков // Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С.384-393.
23. Катков, М.Н. Самоуправление в Англии и в России / М.Н. Катков // Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С.80-86.

24. Кюстин, А.де. Россия в 1839 г. / А. де Кюстин // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / сост. Ю.А. Лимонов. – Л., 1991. – С. 421-660.
25. Ленин, В.И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1976. – Т.36. – С.284-314.
26. Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев // Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 33-153
27. Леонтьев, К.Н. Двадцатипятилетие царствования / К.Н. Леонтьев // Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 277-280.
28. Леонтьев, К.Н. Записки отшельника (1887 г.) / К. Н. Леонтьев // Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 499-549.
29. Леонтьев, К.Н. Передовая / К.Н. Леонтьев // Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 320-325.
30. Лечебник на иноземцев // Русская демократическая сатира XVII века. – М.: Наука, 1977. – С.95-96.
31. Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т.8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. – 1279 с.: ил. 8 с.
32. Меньшиков, М.О. Заветы веков / М.О. Меньшиков // Письма к русской нации. – М.: Изд-во журнала «Москва», 2005. – С.362-366.
33. Милюков, П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П.Н. Милюков. – СПб.: Книгоиздательство М.В. Пирожкова. Исторический отдел, 1905. – 678 с.
34. Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 2-х т. / П.Н. Милюков – М.: РОССПЭН, 2010. – Т.2. – 600 с.
35. Михайловский, Н.К. Из литературных и журнальных заметок 1872 года / Н.К. Михайловский // Полное собрание сочинений. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. – Т.1. – С.632-970.
36. Победоносцев, К.П. Избранное / К.П. Победоносцев.– М.: РОССПЭН, 2010. – 648 с.

37. Плеханов, Г.В. История русской общественной мысли / Г.В. Плеханов // Сочинения. – М.; Л.: Госиздат, 1925. – Ч. 1. – 362 с.
38. Пушкин, А.С. Евгений Онегин / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в 10-ти т. – М.: Художественная литература, 1975. – Т.4. – С. 7-180.
39. Пушкин, А.С. История Петра I. Подготовительный текст / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в 10-ти т. – М.: Художественная литература, 1977. – Т.8. – С. 5-342.
40. Пушкин, А.С. Медный всадник / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в 10-ти т. – М.: Художественная литература, 1975. – Т.3. – С. 254-268.
41. Пушкин, А.С. О русской истории XVIII века / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в 10-ти т. – М.: Художественная литература, 1976. – Т.7. – С. 161-165.
42. Пушкин, А.С. Стансы / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в 10-ти т. – М.: Художественная литература, 1974. – Т.2. – С.90.
43. Салтыков-Щедрин, М.Е. Первая русская передвижная художественная выставка // Собрание сочинений в 20-ти т. М.: Художественная литература, 1970. Т.9. С.225-233.
44. Самарин, Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович / Ю.Ф. Самарин // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С.33-283.
45. Семевский, М.И. Критика / М.И. Семевский // Русское слово. – 1860. Январь. – С.1-66.
46. Семевский, М.И. Тайный сыск Петра I / М.И. Семевский. – Смоленск: Русич, 2000. – 640 с., ил.
47. Стасов, В.В. Передвижная выставка 1871 года // Стасов В.В. Избранные сочинения в трех томах. М.: Искусство, 1952. Т.1. – 736 с.: ил., 8 л. портр.
48. Тальберг, Н.Д. Надлом Русской Жизни / Н.Д. Тальберг // Святая Русь. – Париж, 1929. – 144 с.
49. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров // Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 29-686.
50. Устрялов, Н.Г. История царствования Петра Великого / Н.Г. Устрялов. – СПб., 1859. – Т. 6. – 628 с.

51. Франк, С.Л. Из размышлений о русской революции / С.Л. Франк // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С.259-295.
52. Чаадаев, П.Я. Философические письма. Письмо первое / П.Я. Чаадаев // Избранные сочинения и письма. – М.: Изд-во «Правда», 1991. – С.21-140.
53. Чичерин, Б.Н. Опыты по истории русского права / Б. Н. Чичерин. – М., 1858. – С.227-228.
54. Чичерин, Б.Н. Собственность и государство / Б.Н. Чичерин // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 35-890.
55. Шашков, С.С. Всенародной памяти царя-работника / С.С. Шашков // Дело. – 1872. – Июль. – С.291-324.

Труды историков

56. Аристов, Н.Я. Разбойники и беглые времен Петра Великого (1682-1725 г.) / Н.Я. Аристов. Б.м. и г. – 35 с.
57. Ефименко, А.Я. История Украины и ее народа / А.Я. Ефименко. – СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1907. – 176 с.
58. Иловайский, Д.И. Петр Великий и Алексей / Д.И. Иловайский // Гродненский сейм 1793 года. Последний сейм Речи Посполитой. Историко-биографические очерки. – СПб.: Наука, 2013. – С. 247-286.
59. Зубов, В.П. Павел I. Перевод с немецкого В.А. Семенова / В.П. Зубов. – СПб.: Алетейя, 2007. – 264 с., [16 с.] ил.
60. Карамзин, Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении / Н.М. Карамзин // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 279-348.
61. Кареев, Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Н.И. Кареев // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 29-351.
62. Карсавин, Л.П. Восток, Запад и русская идея / Л.П. Карсавин // Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 39-68.

63. Клочков, М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т.1. Переписи дворов и населения (1678-1721) / М.В. Клочков. – СПб.: Сенат. тип., 1911. – 435 с.
64. Ключевский, В.О. Западное влияние в России после Петра / В.О. Ключевский // Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С.415-515.
65. Ключевский, В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский // Сочинения в 8-ми т. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 3. – 427 с.
66. Ключевский, В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский // Сочинения в 8-ми т. – М.: Госполитиздат, 1958. – Т.4. – 424 с.
67. Ключевский, В.О. Петр Великий среди своих сотрудников / В.О. Ключевский // Сочинения в 8-ми т. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т.8. – С.314-350.
68. Ключевский, В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / В.О. Ключевский. – М.: Наука, 1966. – 526 с.
69. Ковалевский, М.М. Очерки по истории политических учреждений России / М.М. Ковалевский // Избранные труд. в 2-х ч. – М.: РОССПЭН, 2010. – Ч.1. – С.157-391.
70. Кошелев, А.И. Общая земская дума в России / А.И. Кошелев // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С.375-423.
71. Павлов-Сильванский, Н.П. Феодализм в Древней Руси / Н.П. Павлов-Сильванский // Феодализм в России. – М.: Наука, 1988. – С.3-149.
72. Покровский, М.Н. Русская история в самом сжатом очерке / М.Н. Покровский. – М.: Учпедгиз, 1934. – 296 с.
73. Покровский, М.Н. Русская история с древнейших времен / М.Н. Покровский // Избранные произведения. – М.: Мысль, 1966. – Кн.1. – 725 с.
74. Погодин, М.П. Петр Великий / М.П. Погодин // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 229-244.
75. Рожков, Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) / Н. А. Рожков. – Л.; М.: Книга, 1928. – Т.5. Конец дворянской революции в России. – 274 с.

76. Соболевский, А.И. Образованность Московской Руси XV-XVII веков. Речь, читанная на годовичном акте Императорского С.-Петербургского университета 9 февраля 1892 года / А.И. Соболевский. – СПб., 1892. – 23 с.

77. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев // Сочинения. В 18-ти кн. – М.: Мысль, 1991. – Кн.7. – 701 с.

78. Соловьев, С.М. Публичные чтения о Петре Великом / С.М. Соловьев. – М.: Наука, 1984. – 232 с.

79. Щапов, А.П. Земство и раскол / А.П. Щапов // Сочинения в 3-х т. – СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. – Т.1. – С.451-579.

80. Щапов, А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII / А.П. Щапов // Сочинения в 3-х т. – СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. – Т.1. – С.173-450.

Материалы периодической печати

81. Азовский вестник. 1872.

82. Вестник Европы. 1872.

83. Донские войсковые ведомости. 1872.

84. Московские ведомости. 1872.

85. Нива. 1918.

86. Приазовский край. 1896.

87. Санкт-Петербургские ведомости. 1872-1909.

Переписка

88. Убиение царевича Алексея Петровича. Письмо Александра Румянцева к Титову Дмитрию Ивановичу // Полярная звезда. Журнал Герцена и Огарева в восьми книгах. 1855-1869. – М.: Наука, 1967. – Полярная звезда на 16858. – Книга 4. – С. 279-287.

89. Чехов, А.П. Письмо П.Ф. Иорданову от 16 апреля 1898 г. / А.П. Чехов // Собрание сочинений в 12-ти т. – М.: Художественная литература, 1964. – Т. 12. – С. 203-204.

90. Чехов, А.П. Письмо П.Ф. Иорданову от 3 мая 1898 г. / А. П. Чехов // Собрание сочинений в 12-ти т. – М.: Художественная литература, 1964. – Т. 12. – С. 205.

Изобразительные источники

91. Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого / Текст П.Н. Петрова и С.Н. Шубинского. – СПб.: Изд. Германа Гоппе, 1872. – 292 с.

92. Валентин Александрович Серов. М.: Директ-Медиа, 2009. – 48 с.: ил.

93. Василий Иванович Суриков. М.: Директ-Медиа, 2010. – 48 с.: ил.

94. Медали на деяния Императора Петра Великого в воспоминание двухсотлетия со дня рождения преобразователя России, изданные Юлием Иверсеновым. – СПб., 1872. – XXV, 65, XII с.

95. Николай Николаевич Ге. М.: Директ-Медиа, 2010. – 48 с.: ил.

Неопубликованные документальные источники

96. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.473. Министерство Императорского Двора. Церемониальная часть. Оп.1. Д.1468. Дело о праздновании в Санкт-Петербурге 200-летия со дня рождения Императора Петра Великого и о рассылке бронзовой медали в память сего события.

97. РГИА. Ф.473. Министерство Императорского Двора. Церемониальная часть. Оп.2. Д.1378. Дело о праздновании в Санкт-Петербурге 200-летия Полтавской битвы.

98. Исторический архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ИАВИМАИВиВС). Ф 11. Русское военно-историческое общество. Оп.1. Д.22. Об издании к 200-летию юбилею Полтавской битвы материалов Северной войны. 1907-1908 гг.

99. ИАВИМАИВиВС. Ф 11. Русское военно-историческое общество. Оп.1. Д.40. Об участии общества в праздновании 200-летия битвы при Лесной и Полтавы. 1908-1911 гг.

100. ИАВИМАИВиВС. Ф 11. Русское военно-историческое общество. Оп.1. Д.47. Отдел общества в Одессе. 1908-1910 гг.

II. Литература

1. [Андреев-Кривич С.А., Виленская Э.С., Гинзбург Л.Я., Иллерицкий В.Е., Ковалев Ю.В., Оксман Ю.Г.]. *Du developpement des idees revolutionnaires en Russie / О развитии революционных идей в России* // Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти т. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С.412-433.

2. Аникина, А.Б. Память как матрица истории (концепция Поля Рикера) / А.Б. Аникина // *Память, история, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: материалы международной научной конференции.* – М.: Аквилон, 2016.– С. 27-30.

3. Анисимов, Е.В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра / Е.В. Анисимов. – М.: Мысль, 1986. – 239 с.

4. Архангельский, А.Н. Александр / А.Н. Архангельский. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 444 с.

5. Бонди, С.М. Медный всадник / С.М. Бонди // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. – М.: Художественная литература, 1975. Т.3. – С. 464-467.

6. Бодик, Л.А. Таганрог. Историко-краеведческий очерк / Л.А. Бодик, Я.Г. Гришков, А.А. Пушкаренко, Л.Т. Тоценко. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1971. – 295 с.: ил.

7. Веркеенко, Г.П. «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805-1870 гг.) / Г.П. Веркеенко, О.Ю. Казакова. – Орел: Полиграфическая фирма «Картуш», 2005. – 200 с.: ил.
8. Волошин, М. Россия / М. Волошин // Пути России: Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1992. – 246,[1] с.: ил.
9. Вульфсон, Г.Н. Глашатай свободы. Страницы из жизни Афанасия Прокопьевича Щапова / Г.Н. Вульфсон. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1984. – 144 с.
10. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1993. – 480 с.
11. Голикова, Н.Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа / Н.Б. Голикова. – М., 1957. – 338 с.
12. Горский, А.А. «Дает ли господь победить царя злочестива»: «идеологическая» подготовка войны с Ахматом / А.А. Горский // Великое стояние на Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты / отв. ред. И.Н. Берговская, В.Д. Назаров. – Калуга: Издатель Захаров С.И. («СерНа»), 2017. – С. 129-133.
13. Государева, М.Ю. «Проект» Петра I об обучении русских дворян за границей в оценке В.О. Ключевского (На примере заграничного путешествия И.И. Неплюева) / М.Ю. Государева // Творческое наследие В.О. Ключевского в истории, культуре и литературе: материалы VI междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию со дня рождения выдающегося историка В.О. Ключевского / под общ. ред. Н.П. Берляковой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. – С. 63-66.
14. Грановский, Т.Н. Лекции по истории средневековья / Т.Н. Грановский. – М.: Наука, 1987. – 435 с.
15. Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А.Я. Гуревич. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, университетская книга, 2014. – 432 с.
16. Гуревич, А.Я. Уроки Люсьена Февра / А.Я. Гуревич // Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 501-541.

17. Дианина, К. Возвращенное наследие: Николай II как новодел / К. Дианина // Новое литературное обозрение. – № 149 [1'2018]. – С. 218-241.
18. Донскова, Л.А. Антокольский Марк Матвеевич / Л.А. Донскова // Таганрог. Энциклопедия. – Таганрог: ООО «Антон», 2008. – 928 с.: ил., карт.
19. Зарецкий, Ю.П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография / Ю.П. Зарецкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.
20. Зверев, В.В. Социалистическая модель / В.В. Зверев, С.В. Тютюкин, Д.И. Рублев // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4-х т. – М.: РОССПЭН, 2016. – Т. 3. – С.610-712.
21. Зимин, А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е годы XIX века / А.А. Зимин // Исторические записки. – М., 1961.
22. Зограф, Н. Николай Николаевич Ге / Н. Зограф. – Л.: Художник РСФСР, 1968. – 77 с.: ил.
23. Иллерицкий, В.Е. Сергей Михайлович Соловьев / В.Е. Иллерицкий. – М.: Наука, 1980. – 193 с.
24. Каменский, З.А. Тимофей Николаевич Грановский (Мыслители прошлого) / З.А. Каменский. – М.: Мысль, 1988. – 193 с.
25. Канищева, Н.И. Павел Николаевич Милюков / Н.И. Канищева // Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 2-х т. – М.: РОССПЭН, 2010. Т.1. – С.5-42.
26. Карагодин, А.И. Философия истории В.О. Ключевского / А.И. Карагодин. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. – 71 с.
27. Каменев, В.С. Василий Иванович Суриков / В.С. Каменев. – Л.: Художник РСФСР, 1991. – 240 с.: ил.
28. Кизеветтер, А.А. Реформы Петра Великого в сознании русского общества (1896 г.) / А.А. Кизеветтер // Петр Великий : pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2003. – С. 640-669.
29. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 439 с.

30. Козлов, В.П. Тайны фальсификации: Пособие для преподавателей и студентов вузов / В.П. Козлов. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 272 с.
31. Конанова, Е.И. Петр I в русском общественном сознании XVIII - первой половины XIX вв.: конструирование и деконструкция мифологического образа: автореферат дис. ... канд. ист. наук / Конанова Евгения Игоревна. – Ставрополь, 2008. – 27 с.
32. Корнилов, А.А. Курс истории России XIX века / А.А. Корнилов. – М.: Высшая школа, 1993. – 446 с.
33. Кузнецова, И.В. Образ Петра I в оценке петербургских западников (40-50-е годы XIX в.) / И.В. Кузнецова // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. – Серия 2. – Вып.1. – С.27-30.
34. Лапин, В.В. Трехсотлетие Дома Романовых и военные юбилеи начала XX века / В.В. Лапин // 400-летие дома Романовых.1613-2013. Политика памяти и монархическая идея: сборник статей. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2016. – С. 164-180.
35. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории. В 2-х т. / А.С. Лаппо-Данилевский. – М.: РОССПЭН, 2010. – Т.2. – 632 с.
36. Ле Гофф, Ж. История и память / Ж. Ле Гофф. – М.: РОССПЭН, 2013. – 303 с.
37. Левандовский, А.П. Через империю к Европе / А.П. Левандовский. – М.: Соратник, 1995. – 272 с.
38. Леонтович, В.В. История либерализма в России. 1762-1914 / В.В. Леонтович. – М.: Русский путь-Полиграфресурсы, 1995. – 549 с.
39. Леонтьева, О.Б. Страшен царь Петр: Образ Петра Великого в культуре пореформенной России (1860-1880-е гг.) / О.Б. Леонтьева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – Т. 10. – № 1.– С. 36-47.
40. Леонтьева, О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской литературе XIX – начала XX вв. / О.Б. Леонтьева. – Самара: Книга, 2011. – 448 с.

41. Лиманова, С.А. Официальные церемонии в городском пространстве Петербурга и Москвы в царствование Николая II: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Лиманова Светлана Андреевна. – М., 2013. – 30 с.

42. Листкова, А.С. Идентификационные мифы как модификации исторической памяти / А.С. Листкова // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: материалы международной научной конференции (Пятигорск, 18-20 октября 2017 г.) – Ставрополь-Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2017. – С. 12-13.

43. Лубский, А.В. Альтернативные модели исторического исследования / А.В. Лубский. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. – 352 с.

44. Мазур, Л.Н. Событие в исторической памяти: механизмы формирования, сохранения и трансформации / Л.Н. Мазур // Память, история, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: материалы международной научной конференции. – М.: Аквилон, 2016. – С. 251-255.

45. Муратов, А.Н. Бернштам / А.Н. Муратов // Большая Российская энциклопедия. – М.: Научное изд-во БРЭ, 2005. – Т. 3. – С. 400.

46. Нарезный, А.И. Борис Николаевич Чичерин / А.И. Нарезный // Чичерин Б.Н. Собственность и государство. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5-54.

47. Нарезный, А.И. Чичерин Б.Н. о судьбах российской власти в XX веке / А.И. Нарезный // Экономические, социально-политические, исторические аспекты модернизации России (XIX – начало XX в.): материалы научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2013. – С. 179-188.

48. Нарезный, А.И. Проблемы модернизации самодержавия в русской общественной мысли XIX века / А.И. Нарезный. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. – 204 с.

49. Нарезный, А.И. Проблема эволюции самодержавия в русской общественной мысли XIX – начала XX вв. / А.И. Нарезный, В.П. Трут // Вестник РМИОН. Исторические, социально-философские и культурные аспекты модернизации России в XIX – начале XXI вв. Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. – С.5-17.

50. Нечкина, М.В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества / М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1974. – 638 с.
51. Нора, П. Как писать историю Франции? / П. Нора // Франция-память / Пьер Нора, Мона Озуф, Жирар де Пюимеж, Мишель Винок. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – С.66-94.
52. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 17-50.
53. Павленко, Н.И. Петр Первый / Н.И. Павленко. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 284 с.: ил.
54. Петина, Е.Ф. К.Б. Растрелли. 1675-1744 / Е.Ф. Петина. – Л.: Художник РСФСР, 1979. – 40 с.
55. Плюханова, М.Б. История юности Петра I у П.Н. Крекшина / М.Б. Плюханова // Ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1981. – Вып.513. – С. 22-29.
56. Подъяпольская, Е.П. Восстание К.А. Булавина. 1707-1709 гг. / Е.П. Подъяпольская. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 214 с.
57. Порудоминский, В.И. Николай Ге / В.И. Порудоминский. – М.: Искусство, 1970. – 134 с.: ил.
58. Пронштейн, А.П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма / А.П. Пронштейн. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 1989. – 412 с.
59. Пронштейн, А.П. Земля Донская в XVIII веке / А.П. Пронштейн. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1961. – 375с.: карт.
60. Птушкина, И.Г. О развитии революционных идей в России / И.Г. Птушкина // Герцен А.И. Собр. соч. В 8-ми т. – М.: Изд-во «Правда», 1975. – С.499-510
61. Пушкарев, Л.Н. «Публичные чтения о Петре Великом» С.М. Соловьева как памятник исторической и общественно-политической мысли / Л.Н. Пушкарев // С.М. Соловьев. Публичные чтения о Петре Великом / Подгот. текста, статья и коммент. Л.Н. Пушкарева / Отв. ред. В.И. Буганов. – М.: Наука, 1984. – С.178-204.

62. Расмуссен, К. Спорные вопросы в России XVI века / К. Расмуссен // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. – Т. 24. – № 2. – С. 20-25.
63. Репина, Л.П. История исторического знания / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
64. Репина, Л.П. Контексты интеллектуальной истории / Л.П. Репина // Диалог со временем. – 2008. – Вып. 25. – С.5-11.
65. Репина, Л.П. Что такое интеллектуальная история? / Л.П. Репина // Диалог со временем, 1999. – Вып. 1. – С.5-12.
66. Репников, А.В. Консервативная модель / А.В. Репников // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4-х т. – М.: РОССПЭН, 2016. Вторая половина XIX – начала XX в. – С.414-476
67. Репников, А.В. Консервативные проекты переустройства России / А.В. Репников. – М.: Academia, 2007. – 520 с.
68. Репников, А.В. Константин Петрович Победоносцев / А.В. Репников // Победоносцев К.П. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5-36.
69. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4-х т. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – Т.3. Вторая половина XIX – начало XX в. – 765 с.
70. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр; пер. с франц. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
71. Рубинштейн, Н.Л. Русская историография / Н.Л. Рубинштейн. – М.: Госполитиздат, 1941. – 659 с.
72. Савельева, И.М. Теория исторического знания / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – СПб.: «Алетейя: Историческая книга», 2006. – 523 с.
73. Северюхин, Д.Я. Любимый скульптор Государя / Д.Я. Северюхин // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. – М.; СПб: Atheneum Феникс, 1993. – С.246-259.
74. Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта при участии Г. Дюфо и Э. Мазюреля; пер. с фр. Л.А. Пименовой. – М.: РОССПЭН, 2011. – 222 с.

75. Сокол, К.Г. Монументальные памятники Российской империи. Каталог / К.Г. Сокол. – М., 2006. – 432 с.: ил.
76. Соловьев, Е.А. Петр I в отечественной историографии конца XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Соловьев Евгений Алексеевич. – М., 2006. – 39 с.
77. Соловьев, Е.А. Петр Первый. Метаморфозы образа (конец XVIII – начало XX вв.) / Е.А. Соловьев. – М.: URSS, 2009. – 287 с.
78. Таганрог. – М.: Планета, 1987. – 191 с.: ил.
79. Таирова-Яковлева, Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства» / Т.Г. Таирова-Яковлева. – М.: Центрполиграф, 2011. – 525 [3] с.
80. Твардовская, В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания) / В.А. Твардовская. – М.: Наука, 1978. – 280 с.
81. Тимощук, В.В. Михаил Иванович Семевский, основатель журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность. 1837-1892. Биографический очерк / В.В. Тимощук. – СПб., 1895. – 340 с.
82. Тош, Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Д. Тош. – М.: Весь мир, 2000. – 296 с.
83. Уортман, Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии / Р.С. Уортман. – М.: О.Г.И., 2002. Т.1. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. – 608 с.: ил.
84. Федорова, М.М. Новейшие идеологии и кризис исторического сознания модерна / М.М. Федорова // Философия и идеология: от Маркса до постмодерна. – М.: Прогресс-Традиция, 2018. – С.169-179.
85. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3. – С.40-41.
86. Хуан Мин-Хун. Образ Петра I в русском изобразительном искусстве XVIII – начала XX века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Хуан Мин-Хун. – М., 2010. – 26 с.
87. Цамутали, А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века / А.Н. Цамутали. – Л.: Наука, 1977. – 255 с.

88. Цимбаев, Н.И. Сергей Соловьев / Н.И. Цимбаев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 366 с.
89. Цимбаев, Н.И. Славянофильство. (Из истории русской общественно-политической мысли XIX века) / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 274 с.
90. Цимбаев, К.Н. Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XI – начала XX века / К.Н. Цимбаев // Вопросы истории. – 2005. – № 11. – С.98-108.
91. Черепнин, Л.В. Отечественные историки XVIII – XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний / Л.В. Черепнин. – М.: Наука, 1984. – 343 с.
92. Черникова, Т.В. Европеизация России во второй половине XV – XVII веках / Т.В. Черникова. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 944 с.
93. Чистякова, Е.В. «Да будет потомкам явлено...». Очерки о русских историках второй половины XVII века / Е.В. Чистякова, А.П. Богданов. – М.: Изд-во ун-та дружбы народов, 1988. – 136 с.
94. Шевцова, О.Н. Труды русских историков и писателей эпохи романтизма: образно-сюжетный строй, литературная стилистика и композиционное построение / О.Н. Шевцова. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2017. – 102 с.
95. Шелохаев, В.В. Либеральная модель / В.В. Шелохаев // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4-х т. – М.: РОССПЭН, 2016. Вторая половина XIX – начала XX в. – С.476-610
96. Шириянц, А.А. Михаил Петрович Погодин / А.А. Шириянц, К.В. Рясенцев // Погодин М.П. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5-94.
97. Шмурло, Е.Ф. История России IX-XX вв. / Е.Ф. Шмурло. – М.: Вече, 2005. – 448 с.: ил.
98. Шмурло, Е.Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства / Е.Ф. Шмурло. – СПб., 1912. – Вып.1. (XVIII век). – 277 с.
99. Шнирельман, В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. – 592 с.

100. Эйдельман, Н.Я. Герцен против самодержавия (секретная политическая история России XVIII-XIX вв. и Вольная русская печать) / Н.Я. Эйдельман. – М.: Мысль, 1973. – 367 с.

101. Эйдельман, Н.Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта / Н.Я. Эйдельман. – М.: Сов. писатель, 1984. – 368 с.

102. Эйдельман, О. Воцарение с междуцарствием. Новое прочтение дневника Николая Павловича / О. Эйдельман // Родина. – 2009. – № 5. – С.66-70.

103. Riasanovsky, N.V. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought / N.V. Riasanovsky. – New York-Oxford: Oxford Press, 1985. – 331 p.